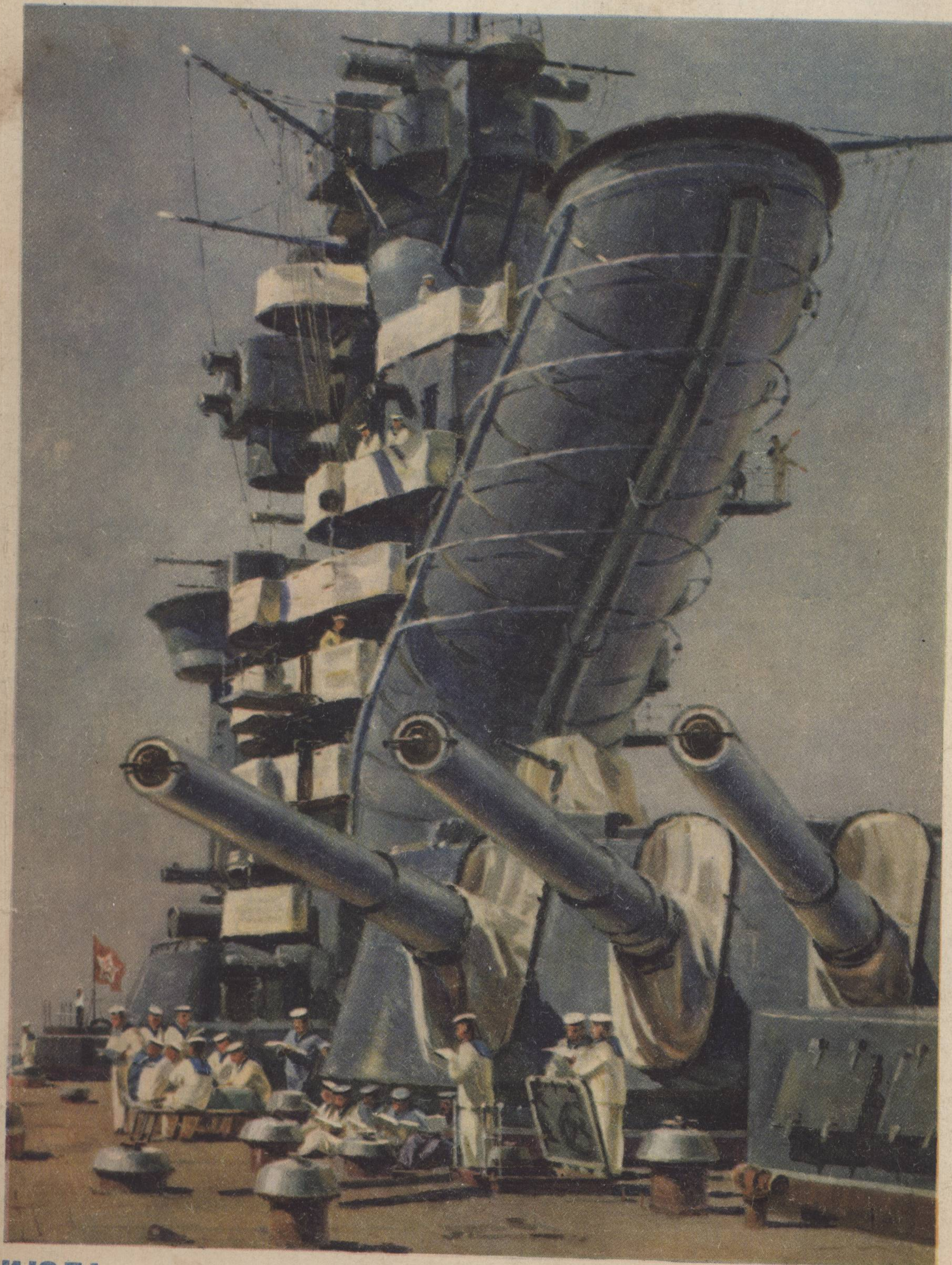
ПИОНЕР

ИЮЛЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», 1954 год

7

Купанье...

ПИОНЕР

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

№ 7 июль 1954 г.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

СТАРШАЯ СЕСТРА

Повесть Л. Воронковой

Рисунки М. Клячко.

(Продолжение)

БАБУШКА

О бабушке Устинье у Зины сохранились неясные, полусказочные воспоминания. Зина была совсем маленькая, такая, как Изюмка, когда они с мамой ездили к бабушке в деревню. Тогда всё казалось волшебным, нереальным, как во сне. Зина помнит бабушку Устинью в огороде, среди смородиновых кустов, а кусты огромные, выше зининой головы. Зина влезла под эти кусты, в зелёный полумрак, а там висело множество чёрных круглых, как бусы, ягод. И эти ягоды можно было рвать, рви сколько хочешь! Только надо спроситься у бабушки...

Помнит Зина солнечный огромный луг, такой огромный, что если собьёшься с тропинки, то и потеряешься. На этом лугу росли необыкновенные цветы, красные, белые, лиловые, и такие крупные, что лишь несколько штук помещалось в зининой руке. Зине хочется побегать по траве — здесь можно бегать, никто не запрещает. Хочется сорвать вон тот золотой цветок, что покачивается на бугорке, и вон тот, в серебристых серёжках... Но надо поспевать за бабушкой Устиньей, которая широким шагом, не оглядываясь, идёт впереди по тропочке, а то отстанешь и останешься одна... Зина тогда очень боялась остаться одной, да ещё среди такого огромного луга! Надо было поспевать за бабушкой и не жаловаться, что устала: бабушка не любила, когда устают.

Помнится Зине светлая речка с белым песком и маленькими рыбками... Бабушка Устинья стоит на камне и колотит вальком бельё. А Зина, робко переступая, бродит по мелкой воде, пугая рыбок, и смотрит, как у того берега тихонько колеблется тёмная тина и зелёная осока кивает, нагибается к воде и опять выпрямляется. И Зина старается понять, кто же там сидит на тёмном дне и трогает осоку.

Мама почему-то слишком скоро увезла тогда Зину из этого волшебного мира, полного необыкновенных тайн и неожиданных радостей.

Видела Зина бабушку Устинью и ещё один раз. Как-то утром, когда Зина ещё в одной рубашонке сидела в постели, бабушка вдруг вошла в спаленку с красными и лиловыми маками в руках... Как обрадовалась ей Зина, как бросилась ей на шею! А потом, позже, почему-то поняла, что мама не очень обрадовалась и что сама-то Зина не столько бабушке обрадовалась, сколько тому, что явилась она из того прекрасного мира, который так и остался для Зины полным очарования...

И вот много лет прошло, Зина выросла, и ребятишки появились в доме, а бабушка Устинья так и не приезжала больше. И мама не ездила к ней. Отец иногда отправлялся в отпуск к бабушке Устинье — «походить по траве», как он говорил, половить рыбки. Но мама — нет, никогда. Она говорила: «К бабушке далеко, лучше снять комнатку под

Москвой — и тут солнце, и тут такое же лето, и отсюда дом близко». Отец не спорил. И теперь, вспоминая всё это, Зина поняла, что мама и бабушка в чём-то на всю жизнь не поладили друг с другом.

Зина вертела в руках только что полученный голубой конверт, на котором крупными, неровными буквами был написан их адрес.

— А что, если открыть? — сказала Фатьма. — Может, она уже выехала, её встретить надо!

— Нельзя, — Зина положила конверт на стол. — Чужие письма не открывают.

— Ну, а если нужно? — настаивала Фатьма.

— Всё равно нельзя. Не могу я, — Зина положила письмо на комод, подальше от соблазна. — Лучше давай приберёмся почище, а то скажет, грязно у нас...

Зина радовалась приезду бабушки. С бабушкой хорошо! Вон у Симы Агатовой бабушка всё хлопочет по дому, всех кормит, за всеми смотрит, заботится... А по вечерам, когда свободна, рассказывает ребятам сказки. Как бы Агатовы и жили без бабушки!

А теперь и у Зины будет бабушка. И будет всех любить. И будет сама хлопотать по хозяйству, и будет сама обо всем заботиться. Зина только теперь созналась самой себе, как надоели ей и посуда, и кухня, и рынок! Она будет помогать бабушке, конечно, будет: и за покупками сходит и посуду вымоет. Что бабушка скажет, то Зина и сделает. Только бы не думать каждое утро, а что сегодня сварить на обед, а чем накормить ребят, а не пора ли нести бельё в прачечную!.. Обо всём этом будет думать бабушка, а Зина будет думать об уроках, о стенгазете, о рисовании... Порисовать! Ой, как давно не доставала Зина из стола свои краски!

— Послушай-ка! — вдруг окликнула её Фатьма, бросив на диван взбитую подушку. — А что если нам сейчас сбегать к твоему отцу на завод, а?

— Правильно! — обрадовалась Зина. — Как мы сразу не догадались!

Девочки быстро оделись и, захватив голубой конверт, исписанный крупными буквами, побежали на завод.

— Только скажите, что плохого ничего не случилось! — предупредила Зина дежурного в проходной завода, когда тот взял телефонную трубку, чтобы вызвать Стрешнева. — Мы получили письмо от бабушки — вот и пришли! А плохого ничего, а то ещё он испугается!

Дежурный переговорил по телефону и подозвал девочек:

— Отец велел вскрыть конверт и прочитать, а сам он выйти сейчас не может.

Тут же, выйдя из ворот, девочки вскрыли конверт.

«Здравствуйте, дорогой мой сын Андрей и дорогие внучки мои Зинаида, Антон и Катя. Желаю, чтоб вам бог послал здоровья...»

— Бог послал! — улыбнулась Зина.

«Вы пишете, чтобы я приехала. Когда всю жизнь прожили, то я была тебе, сынок, не нужна. А как нужда приспела, то и мать вспомнили. Трудно мне тревожить свои старые кости, ну, бог даст, соберусь с силой. Колхозники наши во вторник повезут в Москву картошку на рынок и меня захватят. Во вторник и приеду. Затем до свиданья, желаю всего хорошего и в делах ваших успеха.

Устинья Стрешнева».

— Во вторник! — Зина и Фатьма поглядели друг на друга. — Завтра, значит!

Неожиданно какое-то неприятное, смутное чувство тронуло сердце Зины.

— Я боюсь! — вырвалось у неё.

— Что ты! — удивилась Фатьма и засмеялась. — Чужая она, что ли? Своей бабушки боится!

Вечером пришла Дарима.

— Хочу ваше хозяйство проверить, — сказала она отцу, улыбаясь и сверкая зубами. — Новая хозяйка приедет, ругать будет. Там грязно, там плохо. Надо, чтобы квартира, как зеркало, блестела!

Проворные, сильные руки у Даримы! Всё она прибрала, всё заново перемыла, перечистила. Нестиранные антоновы рубашонки и платьица Изюмки забрала с собой: «Выстираю дома...»

А наутро приехала бабушка. Дома никого не было. Соседка Анна Кузьминична открыла ей дверь, помогла втащить узлы и корзинки. Бабушка вошла в комнату, взглянула в один угол, в другой.

— Что ж это, и перекреститься не на что! — сказала она. — Эхе-хе, выгнали бога, а потом обижаемся, что жить тяжело!

— Вот именно, — подхватила Анна Кузьминична. — Все очень умные стали... Да, признаться, и я, старая, свои иконы в самоваре пожгла...

— Ой! — охнула бабушка. — Да как же это ты?

— А все жгли, ну и я... Как съездила в Лавры, давно, ещё в старое время. Со стариком своим ездили...

— В Киево-Печерские?

— Да. В Печерские. Пошли мы там угодникам поклониться. Гляжу я, а один-то гроб со святыми мощами не закрыт. Говорят, сушить выносили, да закрыть-то не успели. Я и заглянула. Батюшки! Гнилые кости, а больше и нет ничего. «Вот так святой!» — думаю. — Да такие-то кости и от меня останутся, не хуже!..

Анна Кузминична засмеялась. Усмехнулась и бабушка Устинья.

— Греховодница ты, я вижу, Кузьминична! Ну, увидела кости — и молчи. Зачем же людей-то смущать! Раз говорят тебе — мощи, ну ты и молись. А чего тебе надо в гробы-то заглядывать?

— Ну, чего, чего! Поглядела, да и всё. А с тех пор и не молюсь. Бог-то он, может, и есть, а угодникам не верую. Вот и иконы пожгла. Илья-пророк у меня был да Никола-угодник. Ну и пожгла.

— И руки не отсохли?

— Ещё чего? И не подумали. — Анна Кузьминична показала бабушке Устинье свои старческие, жилистые, но ещё крепкие руки. — Вот они! Всё сама делаю, без помощи обхожусь. А ты, сватья, давай-ка, бросай тут свои узелки да пойдём ко мне чай пить. Варенье есть, вишню варила.

— Да неплохо бы, — согласилась бабушка Устинья. — Сейчас лепёшки достану. Тут у меня сдобные, на сале...

Бабушка Устинья достала из мешка две большие лепёшки, и они с Анной Кузьминичной отправились пить чай. Анна Кузьминична была довольна — вот наконец-то в квартире будет с кем поговорить, поспорить, посудачить, вспомнить прежнее житьё-бытьё и свои молодые годы!..

Возвращаясь из школы, Зина увидела, что на улице, у калитки их дома, стоит Антон. Он стоял и помахивал своей школьной сумкой, румяный, с покрасневшим носом, с инеем на ресницах.

— Ты что стоишь? — удивилась и встревожилась Зина.

— Ничего. Тебя жду.

— Почему это вдруг?

— Пойдём домой вместе.

— А почему один не шёл?

— Потому,— Антон опять начал раскачивать сумку,— там же бабушка...

— А! — Зина улыбнулась и взяла его за руку.— Ну, пойдём. Ты ведь нашу бабушку никогда не видел. А чего ж её бояться? Она же наша бабушка, не чужая! Ох, и глупый же ты, Антон, ну и глупый!

Зина уговаривала Антона, посмеивалась над ним. Однако чем меньше оставалось ступенек на лестнице, тем нерешительней она шагала. Но, может, бабушка ещё не приехала?

В квартире бродили новые, незнакомые запахи. Пахло деревенскими ржаными лепёшками, и как будто овчиной, и как будто сеном — тёплые, волнующие запахи, пришедшие сюда по лесным и полевым дорогам. Из комнаты открылась дверь, и навстречу Зине и Антону вышла бабушка — толстая, румяная, с белой головой и чёрными, как сливы, глазами. На ней была широкая синяя юбка, на плечах лежал чёрный с яркими цветами платок, а обута она была в добротные деревенские валенки. Бабушка раскрыла руки, протянула их к детям.

— Ах, сиротки мои, горемычные мои!..— в голосе её начались всхлипы.— Идите, идите ко мне, под моё, под сизое крылышко!

— Бабушка, здравствуй! — обрадованная ласковой встречей, закричала Зина и бросилась обнимать её.— Ой, как хорошо, что ты приехала!

Антон же стоял и ждал, когда бабушка обернётся к нему, а сам поглядывал, стараясь понять, где у неё эти сизые крылья, под которые им, сироткам, надо идти.

ТАМАРИНА ВЫСТАВКА

Вот наконец и открылась в школе выставка по сельскому хозяйству. Каждый класс выставил свои материалы — картины, репродукции, фотографии, рисунки, статьи, очерки, рассказы, и большой зал во время перемен гудел, как улей.

«Вот теперь увидим, что будет,— думала Тамара Белокурова, весёлыми глазами окидывая стены зала.— Чья выставка окажется самой лучшей! Ага! А вот и нет ни у кого таких картинок, как у шестого класса,— не в каждом классе у отца найдёшь заграничные журналы! Ага!»

Если окинуть взглядом стены выставки, то сразу видно, что самый яркий и нарядный уголок — это уголок шестого класса. Солнечные зелёные луга и рощи, синие озёра, белые гуси на синей воде... А внизу какие-то необыкновенные машины, яркие, как реклама.

Тамара стояла около окна, недалеко от своей выставки, и волновалась: заметят ли, похвалят ли?

Выставку шестого класса заметили. Девочки спешили подойти именно к этому уголку. Как тут всё было красиво и ярко! Правда, задерживались они здесь недолго, но подходили новые, и уголок этот не пустовал.

— Как бабочки на цветы,— улыбнулась Елена Петровна,— летят туда, где поярче!.. Но боюсь, что они там не найдут ничего, кроме удовольствия посмотреть пёстрые картинки.

— Вам не нравится? — насторожилась Ирина Леонидовна.— А, по-моему, очень красиво сделано. И ведь знаете, это всё Тамара Белокурова сделала почти одна.

— Это видно,— Елена Петровна с неопределённой усмешкой кивнула головой.

«Завидует! — подумала Ирина Леонидовна.— Не нравится потому, что она ушла из шестого, а шестой и без неё справляется. То же и с Белокуровой. Я сразу отметила эту девочку, а она проглядела. Вот и не нравится теперь!..»

Её лицо приняло немножко обиженное выражение, как у девочки-второклассницы, поссорившейся с подругой.

После занятий на выставку пришли все учителя. Вера Ивановна ходила по залу, разглядывала большими холодными глазами одинаково равнодушно и телят, и пшеницу, и столбики диаграмм, и сложные комбайны. Это был чужой, непонятный для неё мир. Каждый делает своё дело. Вера Ивановна преподаёт в школе, а те люди работают на земле. А есть люди, которые прокладывают железные дороги. А есть, которые добывают уголь. Неужели Вере Ивановне надо всё это знать и понимать? И не всё ли ей равно, гнездовым или не гнездовым способом будут сажать картошку? Это их дело. Вера Ивановна прочитала решения сентябрьского Пленума — и хватит.

Ирина Леонидовна, подметив скучающее выражение на её лице, огорчилась:

— Вам не нравится, Вера Ивановна?

— Почему же? Это очень интересно,— ответила Вера Ивановна.— Особенно шестой класс... Такие пейзажи!

Ирина Леонидовна просияла:

— Вот видите! А Елене Петровне не нравится. А сделала всё почти одна Тамара Белокурова. Очень способная, талантливая девочка!

— Да,— согласилась Вера Ивановна,— я тоже заметила, что эта девочка стоит выше своих одноклассниц. У неё благородный образ мышления.

Ирина Леонидовна, улыбаясь, подошла к Тамаре:

— Всем очень нравится твоя работа. Думаю, что мы отметим это на дружине.

Тамара покраснела от радости. Ну вот, теперь можно не волноваться, теперь все увидят, что такой пионерке, как Белокурова, можно давать крупные поручения, а не какую-то там редколлегию!

Пришли и учитель математики Иван Прокофьевич и учительница рисования Дарья Матвеевна. Пришли и директор Марья Васильевна и завуч, седая чернобровая Людмила Ефимовна. Людмила Ефимовна, которая редко отрывалась от своих тетрадей, разглядывала выставку близорукими, прищуренными глазами и думала: «Сколько уроков не выучено из-за этой выставки!»

— Это очень хорошая иллюстрация к докладу Хрущёва на сентябрьском Пленуме,— громко сказала Марья Васильевна.— Вы умница, Ирина Леонидовна!

Ирина Леонидовна счастливо зарделась и покосилась на Елену Петровну. Слышит ли она, что Ирину Леонидовну хвалят?

А Елена Петровна в это время разговаривала с Зиной:

— Значит, теперь полегче тебе?

— Полегче,— Зина признательно смотрела ей в глаза.— Гораздо!

— Двоек не будет?

— Ни за что! Никогда, никогда больше не будет!

— У них бабушка Устинья такая хорошая! — вставила стоявшая тут же Фатьма.— А сказки какие рассказывает! Про святого Иону рассказывала, как его кит проглотил!

Елена Петровна насторожилась, но, не показывая своей настороженности, улыбаясь, спросила:

— А разве кит может проглотить человека?

Фатьма засмеялась:

— Да ведь это же сказка!

— Конечно, конечно, сказка! — поспешно согласилась Елена Петровна, но между бровей у неё появилась морщинка.

Она хотела было спросить, какие же ещё сказки рассказывает им бабушка Устинья, но тут математик Иван Прокофьевич, который молча ходил и рассматривал выставку, вдруг снял очки и сказал:

— Ничего не понял!

По залу пронёсся смех.

Девочки переглядывались: вот до чего хитрый Иван Прокофьевич! Ведь всё очень хорошо знает сам, и всё он понял, но ему нужно заставить учениц поговорить о своей выставке, ему нужно проверить, понимают ли они сами то, о чём рассказывает эта выставка.

— Что ж, девочки, придётся помочь Ивану Прокофьевичу, — сказала Марья Васильевна, мягко смеясь,— да, пожалуй, не только ему, но и нам всем. Дежурные, объясняйте нам, что тут такое у вас выставлено, какие тут машины, что с этими машинами делают и зачем они нужны... Не всё же учителя должны объяснять вам, объясните и вы нам!

Дежурная седьмого класса Леночка Лазаревич взяла приготовленную палочку и, вся пунцовая от смущения, принялась объяснять:

— Это картофелесажалка «СКГ-4»...

— Подожди, подожди, — остановил её Иван Прокофьевич, — а что это значит — «СКГ-4»?

— Это так называется машина...

— Значит, просто так, это имя её? Значит, можно назвать и «ОМК»? И цифру любую поставить?

— У! А как же это можно? — Лена даже засмеялась.— «СКГ» — это ведь не просто так. Это значит: сажалка, картофельная, гнездовая. А цифра 4 — это значит, что она сажает картошку сразу в четыре ряда. Любую цифру тут никак нельзя поставить! И вот раньше,— продолжала Лена, довольная тем, что она знает свой материал, и тем, что её так внимательно слушают,— раньше картофель сажали примитивно, просто бросали в борозду, как попало. А теперь будут сажать квадратно-гнездовым способом...

— Но какая же разница? — спросил Иван Прокофьевич.— Земля-то от этого разве лучше станет?

Лена, почувствовав сопротивление, сдвинула брови:

— Обработка будет лучше, значит, и земля лучше. И насколько легче будет обрабатывать! То вдоль борозд пройдут опашником — и всё. А вокруг кустика мотыжить надо. А когда картошка будет квадратным способом посажена, то машина может и вдоль поля ходить, опахивать картошку и поперёк. И ни один кустик не повредит!..

— И зачем столько хлопот? — возразил Иван Прокофьевич. — Это значит, всё поле надо на квадратики разделить...

— Да что вы! — увлёкшись спором, прервала его Лена.— Ведь это же машина всё сама сделает; ей только проволоку надо протянуть, чтобы она не сбилась... Ну, чтобы кривую линию не сделала. Вот и всё. Эта машина в день может восемьдесят гектаров картошки посадить. А работают на ней всего восемь человек. В пятьдесят раз меньше труда, чем раньше. Машина освобождает человека — пусть он учится, читает, повышает свою культуру. Ведь это и у Сталина написано в «Экономических проблемах». Помните, там в главе о труде умственном и труде физическом?

— Так учение партии нашей осуществляется в жизни,— добавила Марья Васильевна и, смеясь, обернулась к Ивану Прокофьевичу.— Ну как, друг мой, сдаётесь?

— Сдаюсь,— Иван Прокофьевич кивнул головой и надел очки.

— Пойдём дальше,— предложила Марья Васильевна,— посмотрим, что нам в пятом расскажут. Вот тут, я вижу, коровы хороши. И телятки. Только не пойму что-то, почему они каждый в своём домике?

— Это совхоз «Караваево»,— начала объяснения дежурная пятого класса сероглазая, спокойная Таня Дроздова.— В этом совхозе очень хорошее молочное хозяйство...

Спокойно, не горячась, Таня рассказала и о знаменитом зоотехнике Штеймане, и о «холодном» воспитании телят, и о необыкновенных удоях костромских коров. Таня даже и цифры приводила, только для верности заглядывала в бумажку, где эти цифры были у неё записаны.

Доклад товарища Хрущёва оживал в наглядных примерах, в ярких иллюстрациях. Марья Васильевна была очень довольна, тёмные глаза её сияли и лучились, и улыбка не сходила с её лица.

Дошла очередь и до Тамары Белокуровой. Но что случилось с ней? Куда девался её победоносный вид? Почему она так растерянно взглядывает на Ирину Леонидовну, словно ища у неё помощи?

Заметив это, Марья Васильевна решила,

Тамара нервно вертела палочку в руках, глаза её тревожно сверкали, отыскивая Ирину Леонидовну.

что Тамара смущена тем, что ей приходится что-то объяснять учителям. И, чтобы помочь Тамаре, она сказала:

— Девочки, спрашивайте теперь вы, а мы просто так послушаем.

Но неизвестно, помогла ли этим Марья Васильевна Тамаре. Девочки оживились, вопросы сыпались со всех сторон:

— А чьё это стадо? Какого колхоза?

— А почему здесь луг выставлен? Чем он замечателен?

— Тут вот лошадь мчится — это какой-нибудь породистый конь? А кто его вырастил?

— А машины? Это какие машины, что ими делают?

Тамара нервно вертела палочку в руках, глаза её тревожно сверкали, отыскивая Ирину Леонидовну.

Ирина Леонидовна подошла поближе:

— Ну, что же ты, Тамара? Ты хорошо знаешь материал, ведь это ты его собирала! Ну же!

Наступило странное молчание.

— Ну, что же, Тамара? — уже сама встревоженная, сказала Ирина Леонидовна.

— А что говорить? — вся подобравшись и овладев собой, сказала Тамара.— Ну, это луг. А это коровы. Это относится к сельскому хозяйству? Относится.

— А машины? — прозвучал чей-то одинокий голос.

— Ну и машины,— продолжала Тамара,— всякие молотилки, сеялки. Ну вот те, что сейчас самые новые...

— Позвольте,— сказал, приглядевшись к ярким фотографиям машин, Иван Прокофьевич,— но ведь, насколько я понимаю, это врубовые машины. А это угольный комбайн. Последнее достижение техники. Но при чём тут сельское хозяйство? Белокурова, объясните, пожалуйста, вы, наверное, знаете, ведь это ваши девочки подбирали материал?

— Врубовые! Угольный комбайн! — разнеслось по залу. Лицо Ирины Леонидовны потускнело: она начинала понимать, что произошло.

— Вы что же, девочки, значит, просто так собирали картинки? — спросила Марья Васильевна, обращаясь к пионеркам из шестого класса, стоявшим рядом.— Лишь бы красиво было?

Сима Агатова с пылающими щеками выступила вперёд.

— Мы ничего не собирали, Марья Васильевна,— сказала она, и в голосе её звучала обида.— С нами Тамара даже и не советовалась. Она хотела одна...

— А когда мы спрашивали, то говорила, что не наше дело,— вмешалась и Маша Репкина, староста класса.— Она хотела одна выполнить поручение... Говорила, что ей доверили, а не нам!

— Да, я хотела, чтобы она выполнила это поручение,— сказала Ирина Леонидовна.— Я хотела узнать, может ли она... Но вот что получилось...

При этих словах Тамара положила палочку и быстро, почти бегом, расталкивая по пути девочек, вышла из залы.

— Девочке не помогли во-время,— сказала Елена Петровна.— Мудрено ли, что дети верят громким словам, если даже взрослые придают им значение? Громкие слова — болезнь этой девочки. А мы иногда этой болезнью любуемся!

Елена Петровна говорила вполголоса. Но слова её прозвучали отчётливо в притихшем зале.

— А я нахожу, что выставка шестого класса ничуть не хуже других,— холодно и независимо произнесла вдруг Вера Ивановна.

— Значит, вы не поняли, для чего эта выставка устраивалась,— ответила ей Марья Васильевна и, взглянув на часы, сказала: — Дайте звонок. Вернисаж окончен.

Тем временем Зина, увидев, как убежала Тамара Белокурова, поспешила за ней. Следом выскочила в коридор и Фатьма.

— Зина, ты куда?

— За Тамарой... Куда она умчалась? Наверх? В раздевалку?

— Ага! Утешать! — Фатьма с возмущением отвернулась.— Она на тебя наплевала! А ты беги скорей, утешай!

Зина, не слушая Фатьму, уже бежала вниз по лестнице. Как теперь стыдно Тамаре! Как ей теперь тяжело! И как же не побыть с подругой в такую минуту!

Тамары уже не было в раздевалке. Тётя Саша сказала, что она схватила своё пальто и ушла.

Фатьма догнала Зину:

— Знаешь, у тебя самолюбия нет!

Зина поморщилась:

— Ну, подумай, как она провалилась! Легко, думаешь?

— Если бы не так высоко себя ставила, так и проваливаться было бы не так низко,— возразила Фатьма.— И никакого горя тут нет. А только наука. Лучше пойдём к нам, я тебе покажу, что моя луковица вытворяет.

— Уже росток? Но ведь февраль только наступил. Неужели росток?

— Увидишь.

«Может, и в самом деле Тамаре лучше побыть одной,— решила Зина,— ей, может быть, никого и видеть-то не хочется?»

И Зина пошла к Фатьме посмотреть, что вытворяет её луковица.

А Тамара и в самом деле хотела побыть одна. Она сидела в своей комнате, забившись в угол дивана, не зажигая света. Она никого не хотела и не могла видеть сейчас. Матери не было, она уехала в гости к Лидии Константиновне, и Тамара была рада этому. Хотелось всё продумать и понять, где и как она ошиблась.

Почему она оттеснила всех подруг от этой выставки? Потому, что это было особое пионерское поручение, которое дала именно ей старшая вожатая.

Но почему же тогда она и с вожатой не посоветовалась? А потому, что тогда сказали бы, что вожатая ей помогала и что она не сама выполнила это поручение.

В комнату, напевая, вошла Ирина и зажгла свет. Она слегка вскрикнула, увидев Тамару.

— Фу, испугала! Что ж ты сидишь в темноте, двойку получила?

— Хотя бы и кол, — ответила Тамара, не глядя.

Ирина подошла ближе:

— Да ты не заболела ли?

— А хотя бы и умерла. Тебе-то что?

Ирина внимательно поглядела на неё, взяла со столика стеклянный кувшин, чтобы налить свежей воды, и вышла.

«И свет не погасила»,— с досадой подумала Тамара, но сама не встала. Не хотелось двигаться, не хотелось шевелиться. Пусть горит.

А ведь и девочки, её подруги, не очень-то настаивали, чтобы выставку делать вместе. Не очень-то приставали к Тамаре. А почему? Хотели посмотреть, как она выдвинется? Или как провалится? Это всё Сима Агатова. Она не любит Тамару, завидует ей...

«Завидует? — тут же прервала себя Тамара. — А почему она будет мне завидовать? Чему? Что я всегда сижу одна и не знаю, что мне делать?»

Тамара чувствовала себя глубоко несчастной и, насупясь, глядела куда-то в одну точку. Хоть бы умереть, раз она не нужна никому на свете!

Хлопнула дверь: пришёл отец. Вот он раздевается, вот он заглянул в столовую.

— Антонины Андроновны нет?

— Нету! — ответила из кухни Ирина.— Велела обедать без неё. Накрывать?

— Накрывай,— ответил отец и прошёл в свой кабинет.

«А про меня и не спросил даже!»— не то усмехнулась, не то всхлипнула Тамара.

Но что это с отцом? Он открыл дверь и громко позвал Ирину.

— Кто трогал мои журналы?

Ирина не знала, кто трогал журналы. Она их не трогала. Отец большими шагами вошёл к Тамаре. Тамара выпрямилась. В руках у отца трепетали истерзанные ножницами страницы журналов.

— Это ты сделала?

Тамара со страхом поглядела в его чёрные гневные, окружённые тенью глаза. Сознаться? Отказаться?

— Ты зачем трогаешь мои вещи? Зачем ты трогаешь без спросу, а?

— Я спросилась...— ответила, запинаясь, Тамара.— Мама сказала: можно.

— Ах, мама сказала «можно»! — отец принялся ходить взад и вперёд.— Но вещи-то не мамины? Может, следовало бы у меня спросить, можно ли? И зачем, для чего нужно было так всё изуродовать, для какой прихоти? Такие нужные мне журналы!

Тамара вдруг успокоилась.

— У тебя спросить? — сказала она.— А где я тебя вижу? То на заводе, то в кабинете на запоре... У тебя спросишь, да!

Видно, отец уловил в голосе Тамары какую-то особую, горькую интонацию, потому что он остановился и внимательно поглядел на неё.

— А я не для прихоти изуродовала,— продолжала Тамара,— мне нужно было. Для пионерского поручения, для выставки... По сельскому хозяйству...

— Ну, и ты сделала выставку?

Голос отца звучал уже гораздо мягче, и гневный огонь в глазах погас.

— Сделала,— ответила Тамара,— только... не так. Не сумела. Провалилась — вот и всё.

— С кем же ты советовалась?

— Ни с кем.

— Но почему же ты не посоветовалась со мной? — опять загорячился отец.— Ты же знаешь, что я интересуюсь сельским хозяйством, что я собираюсь в МТС ехать!

Тамара покачала головой:

— А я и не знаю ничего... Как будто ты когда-нибудь со мной разговариваешь! Вот с Зиной Стрешневой отец всегда разговаривает. А ты... Только ругаешься... да кричишь... да уходишь и запираешься!..

Голос Тамары прервался. Она замолчала: гордость не позволяла заплакать при отце. Пусть не думает, что это для неё так уж важно.

Но отец видел, как это важно для неё и как ей больно. Он потупил глаза, брови его сошлись. Он сел к письменному столу и задумался. Тамара, также насупясь, молчала. Ирина заглянула в комнату и незаметно скрылась.

«Сидят, как два воробья, нахохлились,— подумала она.— А как похожи-то друг на друга!»

— Ты говоришь, я запираюсь,— после угрюмого молчания сказал отец,— не говорю с тобой. Ну, а ты-то хоть раз пришла ко мне с чем-нибудь? А?

Их глаза встретились.

— Да! — Тамара снова перешла в наступление. — А в Новый год я одна была! Во всём доме! Хорошо мне было, по-твоему?

— Наверно, плохо! — сочувственно сказал отец.— Но неужели ты совсем одна была?

— А! Вот ты и не знаешь ничего! Очень нужны мне всякие шёлковые платья! А я всё одна да одна! Посоветуйся с тобой! А если бы посоветовалась, то выставка не провалилась бы! Посоветуйся с тобой, как же!..

Тамара вдруг расплакалась. Отец подошёл, смущённо и неловко погладил её по густым рыжеватым волосам.

— Ну, ладно, ладно,— виновато заговорил он,— ну, теперь мы договорились с тобой. Мы с тобой теперь всё поняли, правда? Всё теперь поняли. Оба мы виноваты... и оба не виноваты... правда? Ну, я, может быть, побольше виноват. А?

Тамара утёрлась концом чёрного школьного фартука. И, взглянув на отца, усмехнулась сквозь слёзы.

— Не знаю, кто больше,— сказала она,— только ты... не уезжай в МТС. А если уедешь, мне опять одной быть?

Отец задумчиво посмотрел на неё.

— Вот какое дело-то,—он обращался к ней, как к взрослой.— Я, пожалуй, всё-таки поеду. А ты пересмотри-ка себя. Если хочешь, давай вместе пересмотрим. Почему ты одна? Почему у тебя нет верных друзей? Все другие плохие, одна ты хорошая? Так не бывает. Если у человека нет друзей, это очень опасно. Такой человек должен хорошенько посмотреть на себя самого: а может, это я плоховат, что людям со мною и скучно и холодно, что людям не хочется придти ко мне, что людям всё равно, трудно мне или легко? А может, это я сам такой холодный и равнодушный, так и люди платят тем же? Горячий, внимательный, добрый к людям человек никогда не остаётся один. Никогда! Приглядись-ка ты получше к себе. Приглядись, я тебе советую.

Тамара молчала.

— А насчёт МТС, видишь ли, какое дело...— продолжал отец.—Я уже подал заявление. И согласие получил. А ты летом ко мне приедешь? Правда? А? Приедешь? Вот уж тогда какую угодно выставку по сельскому хозяйству сделаешь. И не провалишься, ни за что не провалишься! Ну? Приедешь?

— Приеду,—со вздохом ответила Тамара. И добавила, жалобно заглядывая отцу в глаза:—Папочка, прости меня за журналы!

БАБУШКИНЫ СКАЗКИ

Первое, что сделала бабушка Устинья, поселившись в квартире Стрешневых,—это повесила в спальне икону.

Изюмка вечером увидела в углу тёмное лицо с яркими белками глаз и выбежала оттуда с криком. Зина вздрогнула и сделала кляксу в тетради.

— Ну, что ты, Изюмка!—Зина обняла сестрёнку, прижавшуюся к её коленям.—Чего испугалась?

— Картинка страшная!..—Изюмка показала рукой на дверь спальни.

— Картинка!—бабушка сдвинула на лоб очки и опустила чулок, который штопала.— Да нешто это картинка? Это лик божьей матери-троеручицы... Ох, греховодники, ничего-то они не знают!

Антон поднял голову от задачника:

— У неё три руки, да? А как же это?

— Ты решай, решай, Антон,—остановила его Зина.— Когда сделаешь уроки, тогда и разговаривай.

Но тут вмешалась Изюмка:

— А разве три руки бывает?

— Никогда не бывает,—ответила Зина.

— У бога всё бывает,—возразила бабушка, задетая уверенным тоном Зины,—он всемогущий и вездесущий.

Антон, подпершись рукой, уставился на бабушку загоревшимися глазами:

— Какой вездесущий?

— А такой,—бабушка начала объяснять очень охотно.—Это значит, что он везде—и всё на свете видит, и всё на свете слышит, и всё знает, и всё может. И вот ты сидишь и уроки учишь, а он знает. И о чём ты сейчас думаешь, он тоже знает.

— Бабушка,—вмешалась Зина,—а он знал, как фашисты в наши дома бомбы бросали?

— А нешто не знал? Он всё, батюшка, отец небесный, видел.

Зина сердито усмехнулась:

— Вот так отец! В людей бомбы бросают, а он сидит да смотрит!

— А, значит, так надо было. Испытание посылал. Пути божии неисповедимы. На всё его святая воля. А без его воли и волос не упадёт с головы! Так-то.

— Значит, и все плохие дела тоже по его воле делаются?—Зина начинала горячиться.— Вот я сейчас возьму да изобью Изюмку ни за что, значит, божья воля будет? Или дом подожгу?

— Ну, бог тебя и накажет.

— Но, бабушка,—закричала Зина,—за что же он будет меня наказывать, раз всё по его воле делается? Это нечестно. Значит, он сам решит, пусть Зина отколотит Изюмку, а потом сам же за это и накажет!

— Тьфу ты, греховодница! Согрешишь тут с вами!—бабушка отложила чулок и встала.— Пойти к ужину сварить чего-нибудь!

А Зина, разволновавшись, глядела в учебник и никак не могла понять, что там написано.

— Ты смотри, не спорь с бабушкой,— прошептал Антон Зине,— а то ещё возьмёт да уедет!

Зина мрачно взглянула в его широкие, светлые, встревоженные глаза и, ничего не ответив, снова уткнулась в книгу. Да, с бабушкой спорить нельзя. При ней все дела у них наладились. Придёшь домой из школы, а на плите уже обед варится, и в комнатах чисто, и пуговицы у ребятишек пришиты, и чулки заштопаны... И сама бабушка такая опрятная, бодрая, никогда ни на что не жалуется, как другие,—то болит да другое болит. Если даже что и болит у неё, то помалкивает. Может быть, привыкла молчать, долго жила одна, а когда человек живёт один, то кому же жаловаться? И красивая у них бабушка, хоть и морщинки на лице, но чуть выйдет на улицу, так и разрумянится вся, как ягодка. Но вот, дался ей этот бог! Дня не пройдёт, чтобы не поговорила бабушка про бога да про святых угодников божьих. Сначала Зина молчала, потом стала возражать, спорить... А теперь уже и стычки начались.

Изюмка долго не могла привыкнуть к тёмному лицу с белыми глазами, которое глядело из угла в спальне. Она боялась спать, и Зине приходилось сидеть у её постельки, пока Изюмка не заснёт. Зина повесила на спинку её кроватки тёплый платок, чтобы ей не видно было иконы.

— А она меня тоже не видит? — спрашивала Изюмка.

— Нет, не видит, — успокаивала её Зина.

— А она смотрит?

— На тебя мама смотрит, а не она. Видишь нашу мамочку?

Изюмка поворачивалась к маминой фотографии. И ей казалось, что то страшное, белоглазое существо в золотом венке, которое зачем-то поселилось в их тёплой, уютной спаленке, боится маму. И если мама смотрит на Изюмку, то можно спать спокойно: уж мама-то её в обиду не даст никому! Даже и троеручицам.

Бабушка как-то нечаянно вошла в спальню и услышала этот разговор.

— Ну и чему же ты ребёнка учишь? — рассердилась она на Зину. — Нешто мать-то у вас святее богородицы была?

— Мать-то у нас была, а богородицы и на свете никогда не было, — нашлась Зина.

И пожалела, что нашлась.

— Греховодница ты! — бабушка так рассердилась, что в глазах у неё забегали огоньки. — Ишь ты, какой язык-то у тебя дрянной! Ну, погоди ужо, погоди! Вот бог-то тебя накажет! Ещё как накажет-то, спохватишься!

Изюмка, услышав, что бог накажет Зину, раскричалась и расплакалась.

— Я не дам Зину! — плакала она. — Зина, я не дам тебя! Пусть он не приходит! Это наш дом!

Бабушка вошла в спальню и услышала их разговор.

Зина еле успокоила её. Она шептала Изюмке в ушко, что никто её не накажет, потому что никакого бога и на свете-то нет. Но уж так шептала, что бабушка ничего не слышала.

Зина с затаённой тревогой ждала, не скажет ли бабушка что-нибудь отцу за ужином, не пожалуется ли на неё. Но бабушка уже опять была весела и приветлива, пила горячий чай, дула в блюдце и с каждой чашкой становилась всё румянее.

Зина успокоилась. Вот и хорошо. Зачем отцу знать про их размолвки да маленькие неурядицы? Мама велела беречь отца!

Зина стала осторожнее с бабушкой. Не хотелось её сердить. Но что было делать ей, если она сама иногда сердилась на бабушку!

Следующая стычка у них произошла из-за Антона. Зина немножко задержалась в школе. Домой она пришла, когда Антон садился обедать. Антон не видел, как она вошла, а Зина так и застыла в дверях от изумления. Парнишка, собираясь сесть за стол, стоял перед открытой дверью спаленки и, глядя на троеручицу, крестился широким крестом.

— Сначала на правое плечо, милок, на правое крест клади, — учила его довольная бабушка, — а теперь на левое. А теперь кланяйся боженьке. Господи, благослови! Вот так. Тебе бог здоровья пошлёт.

— Бабушка! — не сдержавшись, крикнула Зина. — Зачем вы его учите? Зачем, ну?

— А нешто я плохому учу? — возразила бабушка. — Я не плохому учу. У сиротинки бог — первая защита.

— Антон, ты что это? — Зина готова была отшлёпать его от досады. — Богу молишься, да? Отсталый ты человек! Ведь тебя ж в пионеры не примут!

— А почему не примут? Вот ещё! — сказала бабушка, наливая Антону супу. — Ещё как примут-то! А нешто мы пойдём в трубы трубить, что богу молимся? Эва! Мы ведь тоже не дураки, жизнь понимаем.

— Значит, обманывать будете?

— Какой тут обман?! — Бабушка снисходительно махнула рукой. — Да если и обмануть маленько, с умом, конечно, обмануть-то, то какой тут грех? Сиротке простится, ему свою жизнь-то потрудней устраивать, чем у кого отец да мать для него дорогу пробивают. Ничего. Я плохому не научу — кровные, чай, внуки-то, не чужие. Надо к порядку привыкать. А то что же за порядок: садятся за стол, лба не перекрестят! А вылезут из-за стола — так же. Не поблагодарят отца небесного.

— Отца небесного! — Зина нервно засмеялась. — А за что благодарить-то!

— А за то, что хлеб-соль нам посылает.

— Хлеб-соль нам отец зарабатывает, нам никто не посылает. А если бы наш папка не работал, то и хлеба-соли не было бы.

Зина пришла домой голодная, но сейчас ей и есть расхотелось.

— У нас скворца говорить обучили, он так же трещал, — сказала бабушка, тоже начиная сердиться. — Птица небесная не жнёт, не сеет, а бог кормит её.

— Зачем же ты-то, бабушка, ходила в колхозе на работу? — не сдавалась Зина. — Ты бы не сеяла и не жала, пускай бы тебе бог посылал!

— Что, не послал бы? Вот один святой пророк удалился в пустыню, заповеди там писал

и нешто с голоду умер? Не умер же! Потому что ворон ему пищу приносил. Прочитай, прочитай-ка, ведь про это всё в церковных книгах написано!

И чтобы не слышать, что ещё скажет ей Зина — вдруг такое, на что и ответить не найдёшься, такая девка языкатая! — бабушка поспешно подхватила грязные тарелки и скрылась в кухню.

— Антон! — сказала Зина. — Ну, скажи, ты что это вздумал? Ты что, и правда, думаешь, что бог есть?

— Бабушка говорит, есть... — смущённо опустив ресницы, ответил Антон.

Зина укоризненно потрясла головой:

— Бабушка в старое время росла, чудак ты! Тогда люди думали, что, и правда, бог есть. Бедные работали на богатых и думали, что им бог поможет. А богатые говорили, конечно, поможет когда-нибудь, а вы пока на нас работайте. Ну и бабушке так говорили. А тебе разве мама говорила, что надо богу молиться?

— Да ведь я тогда не был сирота...

— А! Бедный! Так уж тебе плохо жить, такой уж ты заброшенный! Надо, чтобы и тебе ворон пищу приносил? Ну, помолись, может, принесет кило колбасы любительской!

Услышав шаги за дверью, Зина торопливо добавила:

— Имей в виду, если ты опять креститься вздумаешь, я буду тебя презирать!

Антон испуганно поглядел на неё:

— Да ведь я так, нарочно. Чтобы бабушка не сердилась, ну!

— Значит, обманываешь?

Антон засопел и насупился. Откуда он знал, что получится обман?

— Ну, что ты не обедаешь, пигалица? — бабушка явно не хотела продолжать с Зиной предыдущего разговора. — Ешь побольше, ишь худая какая! Человек должен есть как следует. А который худой, так нешто это работник?

Бабушка налила Зине супу. Зина успокоилась, суп был очень вкусный, и туча неудовольствия, сгустившаяся было в доме, рассеялась. И всё пошло своим чередом.

«Бабушка-то хорошая, — думала Зина, — только вот как-то мы все думаем по-разному... У неё, оказывается, и обмануть не грех, если выгодно... А этот дурачок Антон слушает!..»

Бабушка приветливо хлопотала в комнате. Потом села с Изюмкой шить платье для куклы, чтобы Изюмка не мешала Зине и Антону делать уроки... Кажется, всё так хорошо!

И отец, придя с работы, заглянул в комнату, улыбнулся. Зина видела, что отец доволен, что он успокоился за своих детей.

Но Зина не была спокойна. Противоречивые чувства мучили её. С бабушкой хорошо. И плохо с бабушкой, плохо! Может, сказать отцу, может, она зря одна мучается?

Но вспомнила Зина светлую улыбку отца, которую она подметила в ту минуту, как он заглянул в комнату, и опять решила:

«Не буду его расстраивать. Бедный папка немножко повеселел, зачем же огорчать его? Поспорим, поспорим с бабушкой да как-нибудь и поладим... Справлюсь и одна, без папки».

Но Зина ошиблась, понадеявшись на свои силы и на то, что они поладят с бабушкой. Проходили дни, недели, месяцы проходили, а Зине с весёлой румяной бабушкой Устиньей всё тяжелее и тяжелее становилось жить.

Откуда брался раздор? Откуда он возникал? Чаще всего из-за бабушкиных религиозных убеждений. Молится бабушка, ходит в церковь — это ничего бы. Ну, пусть молится, это — её дело. Так её воспитали. Но Зина не могла спокойно относиться к тому, что Антон, мягкий и робкий, начал всё больше и больше поддаваться её влиянию. Он уже привык креститься, садясь за стол. И Зина видела, как мальчику трудно. С одной стороны стоит бабушка, строго смотрит на него: «Опять садишься, лба не перекрестишь?» А с другой — Зина с насмешливой улыбкой: «Вот так будущий пионер! Имей в виду, когда будут принимать тебя в пионеры, дам отвод. В пионерском отряде богомольщики не нужны!»

И Антон крестился, а сам испуганно и жалобно поглядывал на Зину. И, улучив минутку, подходил к Зине, когда она сидела за уроками, обнимал её за шею и шептал в ухо:

— Это я понарошку крещусь. А то она всё ругается... Как тебя нет, так и ругается.

Но Зина поджимала губы и сердито отвечала:

— Ты обманщик. Я тебя не уважаю.

Тогда Антон уходил куда-нибудь в уголок и потихоньку плакал. А у Зины сердце разрывалась от жалости. Но что было делать?

И однажды, после того как она застала Антона в слезах в тёмном углу спальни, Зина решила поговорить с отцом. К тому времени, как на заводе загудеть гудку, Зина подошла к плотно закрытым воротам заводского двора.

Отец, увидев её, испугался.

— Что случилось?

— Да ничего, ничего! — Зина улыбнулась, чтобы отогнать тревогу. — Просто надумала с тобой поговорить.

— Давай поговорим, — согласился отец, внимательно поглядев на неё. — Давай, дочка, мужественный человек!

— А вот и не мужественный, — сказала Зина, — видишь, пришла... Сама не справилась.

— Плохо с уроками?

— Нет! — Зина покачала головой. — Не с уроками...

— Дома?

— Да, дома.

Над улицей висели серые зимние сумерки. Ни одного цветного отсвета кругом — серое небо над тусклобелыми крышами, тёмные квадраты окон, серые заборы, чёрные стволы деревьев. У этого февральского вечера не было никаких красок, кроме белой и чёрной... Но в этом была какая-то своя, особая прелесть.

Зина скупо рассказывала о своих столкновениях с бабушкой. А когда всё рассказала, то увидела, что отец сразу помрачнел и постарел. Зина испугалась.

— А, может, не надо бабушке говорить, а? Я уж как-нибудь с Антоном договорюсь, а? Да ещё, может, мне всё так кажется...

— Плохо! — отец вздохнул и больше не разговаривал до самого дома.

Отец не послушал Зину и не промолчал.

За ужином он насмешливо посмотрел на Антона:

Зина скупо рассказывала отцу о своих столкновениях с бабушкой.

— Ну, что же ты не крестишься?

Антон растерялся. Взглянул на Зину, на бабушку, как пойманный зайчонок.

— Ты ведь, я слышал, богомольщиком у нас стал!

Антон, красный и смущённый, молча пододвинул стул. У бабушки в чёрных глазах забегали огоньки.

— А нешто плохо, если человек, как полагается, перед обедом лоб перекрестит? — сказала она.

— Очень плохо! — твёрдо ответил отец. — Я коммунист, Зина — пионерка. И он будущий пионер. Ты уж, мама, молись. Мы тебе не мешаем. Повесила свою троеручицу — ну и пожалуйста. Но детей не сбивай. И к обману не приучай.

Бабушка в сердцах бросила на стол нож, которым резала хлеб.

— К обману?! Это к какому же обману? Это с каких же пор у тебя мать в обманщицах ходит? Да если я не ко двору, то я ведь и уехать могу! Слава богу, дорогу в свой собственный дом мне ещё вьюгой не перемело! А то очень-то надо! Ходи тут за ними, обшивай да обмывай, а потом тебе тут всякие грубые слова будут говорить! Вот ещё, да нешто я не могу собраться да уехать?!

Отец долго и трудно объяснял бабушке, что её обижать не собирается, что он просит её жить, как она хочет, но только пусть не заставляет детей молиться богу, в которого они не верят, что это — лицемерие и обман, а обмана он не переносит... А бабушка в ответ только одно и повторяла, что ей недолго собраться да уехать. А если трудно одному с детьми, то кто же ему мешает жениться! Взял да женился бы, вот и хозяйка в доме была бы. А уж она, бабушка-то, довольно поработала на своём веку, ей и в деревне на печке неплохо...

Зина убежала в кухню и стояла там, пока не затихли голоса. Вышла в кухню тётя Груша, вздохнула и прогудела своим простуженным голосом:

— Вот нравная старуха! Ишь ты, как схватилась! А на вид прямо святая!

Неслышно объявилась в кухне и Анна Кузьминична.

— Ого! Слышали? А всё, небось, из-за ребят. Ох, ох, уж где ребята, там и брань, известно!

Наконец в комнате стало тихо, и Зина ушла из кухни. Антон, заплаканный, сидел в углу дивана. Изюмка, прижавшись к коленям отца, исподлобья сердитыми глазами смотрела на бабушку. У отца над бровями лежали две тёмные морщины, а бабушка резкими движениями собирала со стола посуду и ни на кого не глядела.

Зина тихо прошла к своему столику.

«Больше никогда, никогда ничего не скажу отцу! — думала она. — Бедный! Вон какой он сразу стал измученный! Ой, мамочка, почему тебя нет на свете?!»

Она незаметно прошла в спальню. И там, подойдя к портрету матери, висевшему на стене, она посмотрела в её улыбчивое с ямочками лицо, в её светлые глаза, которые словно спрашивали: как живёте, мои детки? Хорошо ли вам? Поглядела и немножко успокоилась. И ещё крепче решила:

«Никогда больше ничего не скажу отцу. Сами справимся! Да теперь и бабушка угомонится, не будет больше толковать про богов. Наверно, не будет, раз папа ей сказал».

Но на другой день, когда она пришла от Фатьмы, к которой ходила заниматься, Изюмка весело рассказала ей:

— Зина, Зина, где ты была так долго? А нам бабушка сказку рассказывала, как Илья-пророк ехал на конях, а боженька его на небо к себе взял и вместе с лошадьми и с телегой.

Зина сердито сжала губы. Но тут же овладела собой и усмехнулась.

— Ну, что это за сказки! — сказала она. — Вот я тебе прочитаю сказочки, так уж сказочки! Про царя Салтана, про Балду и ещё про Конька-Горбунка. Завтра принесу книгу. Картинки там какие! Вот увидишь тогда. А то Илья-пророк с лошадью на небо поехал! Да разве это интересно?!

(Окончание в следующем номере)

В МОСКВУ, НА ВЫСТАВКУ

Скоро открывается Всесоюзная сельскохозяйственная выставка. В её павильонах, на её опытных делянках, на образцовых фермах будет показано всё самое лучшее, чего достигла наша страна в сельском хозяйстве. Много тысяч передовых людей своей замечательной работой завоевали право стать участниками выставки. Среди них будут и юные натуралисты — пытливые, настойчивые и трудолюбивые ребята.

Мы рассказываем здесь коротко о делах некоторых из них.

— Давайте приведём эту землю в порядок и посеем здесь хлопчатник. Я научу вас выращивать его,— сказала Айнабат Бегенчева, придя однажды с ребятами на каменистый участок возле школы.

Хотя Айнабат давно окончила школу, она часто навещает своих учителей и дружит с теперешними школьниками.

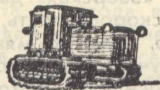
В Каахкинском районе, Ашхабадской области, все знают Героя Социалистического Труда колхозницу Айнабат Бегенчеву. Она прославилась умением выращивать богатые урожаи хлопка. И не удивительно, что ребята обрадовались её предложению.

Они очистили участок от камней и прорыли кетменями небольшой арык от головного арыка к школьному двору. Когда он был готов, ребята открыли шлюзы, и вода оросила их маленькое поле.

Настало время пахоты. Айнабат Бегенчева привела из колхоза двух лошадей. В то время как одно звено пахало участок и разделывало землю, другое звено готовило семена к посеву. Всё лето Айнабат помогала ребятам, учила их ухаживать за посеянным хлопчатником, раскрывала им «секреты» искусства хлопководов. И осенью на школьном участке был собран богатый урожай. С тех пор 8-я каахкинская школа славится своими урожаями хлопка.

Юные рыбоводы — ученики Казакларской школы (Татарская АССР)—помогли колхозникам расчистить старые, запущенные пруды, а когда туда были пущены мальки зеркального карпа, ребята взяли на себя заботу о них. Здесь вы видите юных рыбоводов на кормовой площадке. Они засыпают корм рыбам.

На Омской областной станции юных натуралистов и техников есть комната, похожая на маленький завод сельскохозяйственных машин. Там можно увидеть гусеничные тракторы, совсем как настоящие, только маленькие, полный набор прицепных машин, самоходные комбайны, молотилки, сортировки и плуги. Все модели сделаны тщательно, чисто, с точным знанием настоящих машин. Особенно интересна модель самоходного комбайна «С-4» с корпусом из плексигласа. Сквозь прозрачные стенки можно видеть, как работают все механизмы комбайна.

Но кружковцы не только строят модели. Они помогают ремонтировать в МТС настоящие машины и умеют управлять ими. Весной ребята сами распахивают свой опытный участок, а осенью юные комбайнеры помогают колхозам убирать урожай.

Село Любичи раскинулось на левом берегу Оки. В половодье река заливает берега, а когда вода сходит, приокские луга покрываются густой высокой травой.

Здесь на прекрасных заливных лугах пасётся стадо колхоза «Красная заря». Школьники любической семилетней школы помогают колхозникам ухаживать за молодняком. Маленьких, недавно родившихся телят поят тёплым молоком, а когда они подрастут, следят за тем, чтобы в кормушках всегда было свежее сено, чтобы телёнок гулял, сколько нужно. Горячей водой с мылом моют они клетки, где живут их воспитанники, меняют им подстилку.

Телята растут не по дням, а по часам, давая привес 800—900 граммов в сутки. Юные животноводы за один только прошлый год помогли колхозу вырастить шестьдесят пять телят и девятнадцать жеребят.

В Волоколамском районе во всех колхозах есть электричество, и юные техники волоколамской средней школы сделали много моделей машин, помогающих колхозникам использовать электрическую энергию в сельском хозяйстве.

Юрий Козлов построил модель удобной зерносушилки своей конструкции, которую легко использовать в любом колхозе. Анатолий Львов сделал контрольное гнездо, которое позволяет точно учитывать яйценоскость кур на птицеферме.

Ребята построили модель подвесной электрифицированной дороги для доставки корма в стойла коровам. Если по этой модели построить настоящую дорогу на колхозном скотном дворе, управлять ею может один человек, сидящий у щита с рубильником и сигнальной лампочкой.

Виктор Бирюков построил маленький горн, в котором используется тепло электрической дуги. Горн этот установлен в школьной мастерской. Такой же горн, только побольше, может быть применён и в колхозной кузнице. Он намного облегчит труд кузнеца и даст большую экономию: ведь для него не нужен уголь.

Так юные техники помогают колхозам и сами учатся механизировать сельское хозяйство.

Дуся Тельжеева живёт в Овчинниковском птицесовхозе (Алтайский край). В свободное время она вместе с другими школьниками работает на птичнике. Ребята помогли вырастить больше десяти тысяч голов домашней птицы.

В Ташкентском Дворце пионеров имени Сталина есть кружок шелководов. Ребята узнали, как выращивает гусениц тутового шелкопряда знатная колхозница лауреат Сталинской премии Алиахон Султанова, и стали выращивать так же.

Развитие гусениц продолжается около месяца, и всё это время они почти непрерывно должны

Раньше считалось, что там, где не растёт дуб, не может жить и дубовый шелкопряд, потому что он ест листья дуба. Но юннаты 32-й школы города Кирова приучили шелкопряда питаться листьями берёзы. Он и холода не боится. Шелкопряда кировских юных шелководов можно уже считать новым видом. Посмотрите, какие крупные коконы он даёт.

пожирать сочные листья шелковицы. Гусеницы прекращают еду только во время линьки, в общей сложности всего на восемнадцать часов. Чем больше гусеницы получают питания, тем скорее растут и развиваются. Чтобы удлинить «рабочий день» гусеницы, юннаты по примеру Алиахон Султановой всю ночь освещают гусениц электрическим светом. В таких условиях ребята выращивают гусениц вдвое быстрее и коконов получают вдвое больше, чем обычно.

Пять лет назад юннаты школы № 9 Озерского района, Московской области, скрестили скороспелую и выносливую дыню «алтайскую» с нежной южанкой, «молдавской» дыней. «Алтайская» дыня успевает созреть за семьдесят пять дней, а «молдавской» для этого нужен срок вдвое больший — сто сорок пять дней. Отбирая лучшие из гибридов и скрещивая их снова, ребята вывели вкусную, скороспелую и неприхотливую дыню, которую они назвали «озерской».

От «алтайской» «озерская» дыня унаследовала выносливость и скороспелость, а от «молдавской» — душистую, сладкую мякоть.

Со школьного участка «озерская» дыня перешла на бахчи соседних колхозов и совхозов. Ребята посылают семена юннатам других областей, и всюду «озерская» дыня чувствует себя хорошо.

Шесть лет назад юные мичуринцы Краснодара задумали вывести новый сорт озимой пшеницы, морозостойкий и высокоурожайный.

Осенью 1948 года на участке Краснодарской краевой станции юных натуралистов ребята посеяли пять сортов яровых пшениц.

Печально выглядели эти делянки в первую весну. Пшеницы не перенесли зимних холодов, и только на одной из делянок уцелело семь слабых, чахлых кустиков сорта «дальневосточная». Ребята выходили перезимовавшие растения, собрали семена и снова посеяли их осенью. Следующей весной растений, перенесших зимние холода, оказалось больше.

Из года в год ребята отбирали семена наиболее выносливых растений и постепенно превратили яровую пшеницу в новый сорт озимой пшеницы, которую назвали «юннатской».

Ещё не так давно считалось, что город Сочи находится на самой северной границе распространения цитрусовых. Севернее Сочи апельсины, лимоны и мандарины не могли расти. Поэтому научные сотрудники Сочинской опытной станции работают над выведением нового, более выносливого сорта цитрусовых. В этой работе ученым помогают юные мичуринцы. Они скрестили миллион триста тысяч лимонов и апельсинов. Это кропотливая работа, требующая терпения и аккуратности. Ребята пинцетом удаляли из цветков пыльники и тонкой кисточкой наносили на рыльце пестика пыльцу, собранную с других растений.

В конце ноября юные мичуринцы собрали урожай гибридных плодов, вынули из них семена и разослали их ребятам более северных районов.

Растения, выращенные из семян сочинских гибридов, оказались гораздо выносливее своих родителей и прекрасно себя чувствуют на новом месте.

Первый сад в холодной Якутии, на земле, скованной вечной мерзлотой, был посажен в 1947 году юными садоводами тойбохойской семилетней школы.

Начали ребята с похода в лес. Оттуда перенесли они в свой сад дикие ягодники. Для защиты от ветра ребята обсадили свой будущий сад молодыми берёзками, сосенками и лиственницами.

Юные садоводы из разных мест нашей страны прислали якутским ребятам посылки с семенами и саженцами плодовых деревьев. Велика была радость ребят, когда через три года они собрали первый урожай в своём саду!

Теперь в школьном саду растут триста яблонь, рябина, чёрная и красная смородина, земляника, лимонник и даже деревцо теплолюбивого абрикоса. Хорошим уходом ребята «перевоспитали» дикие растения. Ягоды лесной смородины по вкусу и величине не уступают ягодам культурных сортов. Для того чтобы помочь другим школам, юннаты заложили у себя плодово-ягодный питомник.

Тойбохойская школа утопает в цветах. Вокруг школы растёт около двух тысяч однолетних и несколько сот многолетних цветов.

Недалеко от города Кирова, в селе Истобенском, на школьном участке можно увидеть растения, которые прежде не жили на севере. Здесь и ветвистая пшеница, и гречиха, и фасоль, и могар, и голозёрный ячмень. Взгляните на фотографию: эту кукурузу тоже вырастили истобенские юннаты.

На Пролетарской улице города Костромы радуют глаз красивые цветники. Улицу эту украшает цветами пионерская дружина мужской средней школы № 32. Множество цветов и в школе: они растут и у заборов, и вдоль всех дорожек, и вокруг спортивных площадок... Более четырёхсот цветников разбито во дворах домов, где живут мальчики из этой школы.

Раннюю рассаду пионерские звенья выращивают в школьной теплице и в парниках, на окнах в классах и у себя дома, а позднюю рассаду, которая высаживается взамен уже отцветших цветов,— на утеплённых грядках. Вот почему на клумбах всегда цветут цветы.

В прошлом году пионерская дружина вырастила двадцать пять тысяч красиво цветущих растений, а в этом году цветов ещё больше.

Примеру этих ребят начинают следовать и другие школьники Костромы. Они тоже берут шефство над улицами и украшают свой город цветами.

В Троекуровской школе (Рязанская область) много юннатов. Среди них есть и пчеловоды. Они разводят пчёл, заботятся об этих замечательных маленьких труженицах и с интересом изучают сложную и таинственную жизнь пчелиного народца.

К 50-ЛЕТИЮ СО ДНЯ СМЕРТИ А. П. ЧЕХОВА

ДОМИК В ЯЛТЕ

Ю. Новикова

В Ялте много красивых домов, но эта дача, приветливая, лёгкая, яркобелая, чем-то отличается от всех прочих. В чём её особенность, сразу не определишь,— только этот небольшой дом, весь в зелени, в кипении солнечных пятен и теней, с первого же взгляда кажется удивительно благородным, простым и вместе с тем праздничным.

Под этим впечатлением мы проходим по светлому мощёному дворику мимо ограды, на которую положил свои мохнатые лапы могучий гималайский кедр. На двери дощечка, где обычно значится фамилия того, кто проживает в доме. На скромной дощечке, прикреплённой к этим дверям, написано: «А. П. Чехов».

И вот мы у Чехова! Да, мы у Антона Павловича Чехова, в его квартире, где всё осталось таким же, как было при нём, где в каждой малой вещице, даже в том, как она стоит, чувствуются его привычки и вкусы. Мы словно соприкасаемся с жизнью писателя, и волнение охватывает нас. И ещё больше усиливается оно при мысли, что здесь же, наверху, живёт человек, кровно и глубоко связанный с Чеховым, его родная сестра и друг Мария Павловна — «Ма-Па», как называл он её с шутливой нежностью, та самая Мария Павловна, которая сохранила для нас всех этот дом.

Несмотря на преклонный возраст, Мария Павловна часто выходит к посетителям этого дома-музея. Особенно любит она беседовать с ребятами. И, слушая рассказы Марии Павловны и других работников музея, рассматривая простые и милые чеховские вещи, мы представляем себе прошлое этого дома, те дни, когда жил здесь большой писатель и большой, обаятельно-скромный человек — Антон Павлович Чехов.

ДОМ И САД

И вот, приглядевшись внимательно к дому и густому саду, мы, наконец, отдаём себе отчёт, в чём прелесть этой усадьбы. Каждая мелочь здесь осмыслена, продумана, и все они вместе красиво, легко и свободно сочетаются друг с другом: и балконы дома, и окна, расположенные както неожиданно, и даже деревья сада.

И нам трудно поверить, что, в конце концов, не так уж давно на месте чудесной усадьбы были голый пустырь и овраги.

А это было именно так. Вот вкратце история этой усадьбы. Из-за болезни лёгких Чехову запрещено было жить на севере. После некоторых колебаний Антон Павлович решил переселиться в Ялту и в октябре 1898 года купил там земельный участок.

На другой день после этой покупки в Ялту по просьбе брата приехала Мария Павловна.

«Знаешь, я купил участок, завтра пойдём смотреть. Вид изумительный!» — сказал ей ещё на пристани Антон Павлович.

А на другой день Мария Павловна увидела нечто совсем неожиданное: овраги, заросшие бурьяном, да сухой виноградник, обнесённый плетнём.

Чем же понравился Чехову этот неказистый участок? Конечно, многое здесь решила дешевизна. Заброшенный клочок земли стоил недорого, а Чехов был постоянно стеснён в деньгах. Но думается, что не только эта причина определила решение Антона Павловича. Думается, что, увидав участок и залюбовавшись чудесным видом, открывавшимся оттуда, он, творец, созидатель, художник, ощутил страстное желание превратить это живописное, но запущенное место в культурный, человечески красивый уголок. Оттого с такой горячностью планировал он дом и сад и с таким увлечением руководил работами.

Мысль Чехова, умную и добрую руку Чехова чувствуем мы здесь на каждом шагу. Особенно много любви и труда вложил Антон Павлович в свой сад. Писательница Щепкина-Куперник сказала както: «Чеховых слушаются цветы и травы». Но, видимо, такое «послушание» давалось недаром: Антон Павлович серьёзно интересовался ботаникой, переписывался со многими садоводами, часами работал в саду. И было в его отношении к деревьям и травам что-то особенно бережное, трогательное, точно они живые, чувствующие существа. «До моего приезда не обрезайте розы,— писал он как-то родным,— срежьте лишь те стебли, которые замерзли зимой или очень больны, но осторожно: имей в виду, что больные иногда выздоравливают...».

Каждое растение для Чехова имело своё лицо, свой характер. Иные из них ему не нравились, а иные деревья он любил, как друзей. Ему не по душе были тропические, слишком яркие растения — он не любил ничего кричащего, показного,— и он насадил в своём саду скромные северные деревья: тополь, иву, тоненькие вишнёвые деревца...

Он ценил всё, что делает человеческую жизнь по-настоящему красивой. И теперь, любуясь этим чудесным, изящным, подлинно чеховским садом, мы точно слышим слова Антона Павловича, некогда сказанные им писателю Куприну:

«Послушайте, при мне же здесь посажено каждое деревцо, и, конечно, мне это дорого, но и не это важно. Ведь здесь же до меня был пустырь и нелепые овраги, все в камнях и чертополохе. А я вот пришел и сделал из этой дичи культурное, красивое место. Знаете ли, через 300—400 лет вся земля обратится в цветущий сад. И жизнь тогда будет необыкновенно легка и удобна».

УТРО В ЯЛТИНСКОМ ДОМЕ

Мы входим в кабинет Чехова — уютную комнату с большим окном, выходящим в сад, и нам представляется, как проходило утро в ялтинском доме... Антон Павлович вставал очень рано: утренние часы были для него лучшими часами работы. Ника-

Молодой Чехов. Портрет сделан братом писателя, Николаем Чеховым.

Кабинет А. П. Чехова в ялтинском доме.

ких халатов и домашних туфель он не признавал, с утра был всегда подтянут, одет скромно, но безукоризненно. «Человек должен быть ясным умственно, чистым нравственно и опрятным физически»,— говорил он.

Чехов выходил в кабинет. Солнечные лучи пробивались сквозь цветные верхние стёкла, весёлые красные, зелёные зайчики бегали по паркету. Он садился за большой письменный стол и погружался в работу. «Искусство писать — это искусство сокращать»,— говорил он не раз, подолгу отделывая каждую строчку, чтобы не оставалось в ней ни одного лишнего слова. Он советовал молодым литераторам много писать, неустанно изучать жизнь. «Нужно, знаете, работать не покладая рук. Всю жизнь»,— говорил Антон Павлович.

Чехов и сам трудился так, и отнюдь не только в те часы, когда сидел за письменным столом. В его мозгу всё время шла напряжённая работа. Многие вспоминают, как покидал он весёлое общество друзей и уходил в соседнюю комнату, чтобы записать несколько строк.

После полудня в ялтинском доме начинали появляться посетители, часто совсем незнакомые люди. Приходили больные. Антон Павлович, врач по образованию, никогда не отказывал в бесплатной помощи беднякам. Лечил он, по общему утверждению, прекрасно. Возможно, что здесь ему помогала также и его писательская наблюдательность. Особенно хорошо лечил он детей. Он не любил, чтобы о болезни ребёнка рассказывала мать. «Пусть сам объяснит»,— говорил он и внимательно слушал нескладный подчас рассказ малыша.

Часто приходили к Антону Павловичу бедняки, приехавшие в Ялту лечиться. Тогда много было людей, которые добирались кое-как до целительного юга, а на лечение, да и просто на еду у них не хватало средств. Судьба этих людей горячо волновала Антона Павловича.

«Тяжело больных не принимают здесь ни в гостиницах, ни на квартиру,— писал он из Ялты,— мрут люди от истощения, от обстановки, от полного заброса — и это в благословенной Тавриде. Потеряешь всякий аппетит и к солнцу, и к морю...»

Он помогал бедным людям устраиваться на квартиры, поддерживал их советом и по мере возможности — деньгами. На его рабочем столе среди письменных принадлежностей, медицинских инструментов и других мелочей стоит стеклянный валик для смачивания марок. Этот валик Мария Павловна, ещё живя в Москве, прислала Чехову с одним нуждающимся студентом — он стеснялся придти к Антону Павловичу без предлога. В ответ она получила от брата письмо, которое и сейчас хранится в музее:

«Ялта. 24 ноября 1899 г. Милая Маша, студент приехал и привез валик для марок. Студента устроим как-нибудь... и думаю, что он будет жить хорошо со своими 40 рублями в месяц. Тут много бедня-

ков, у которых нет и 4 рублей. Вчера Марфуша докладывает мне: «Ергатический артист». Оказывается, «драматический артист» пришел просить. Московский поэт Епифанов умирает здесь в приюте. Одним словом, от сих бед никуда не спрячешься и прятаться грех... Будем печатать воззвание насчет чахоточных, приезжающих сюда без гроша».

Воззвание это написал сам Чехов, благодаря ему в Ялте был открыт доступный для бедных пансион «Яузляр». Теперь это великолепно оборудованный санаторий имени А. П. Чехова.

ДРУЗЬЯ ЧЕХОВА

Воззвание, написанное Чеховым, напечатал в нижегородской газете другой великий писатель, Алексей Максимович Горький. Образ молодого Горького всё время представляется нам, когда мы ходим по чеховскому дому и саду.

Горький приехал к Чехову в Ялту в 1899 году. Нетрудно представить, каким он был тогда, высокий, чуть сутуловатый, с волосами, зачёсанными назад, с внимательными, глубоко сидящими глазами,— таков он на многих фотографиях, хранящихся в чеховском доме. В Ялту Горький приехал по приглашению Антона Павловича, здесь состоялось их знакомство — до этого времени они только переписывались... «Рад, что встретился с Вами, очень рад,— писал Алексей Максимович Чехову после этой встречи,— ...мне хочется, чтобы порой вы указывали мне мои недостатки, дали совет, вообще отнеслись бы ко мне, как к товарищу, которого нужно учить...»

Позднее Горький не раз приезжал в Ялту, одно время он даже жил в доме у Чеховых. Вдвоём с Антоном Павловичем бродили они по саду и вели задушевные беседы на дальней угловой скамейке, которую и сейчас называют «горьковской».

Их объединяло многое: любовь к правде, к России, к людям, вернее сказать, к тому живому, хорошему, что они чувствовали в людях, и ненависть к тем, кто это хорошее уничтожал. Но эту любовь и ненависть они и в жизни и в произведениях своих выражали по-разному. Горький изливал свои чувства бурно, пламенно, громким голосом. А Чехов и писал и говорил, точно обуздывая себя, подыскивая слова точные, но сдержанные. И, как всегда бывает с людьми, которые схожи в чём-то главном и различны во всём остальном, они нравились друг другу. Горький восхищался глубиной и тонкостью произведений Чехова, говоря, что после его рассказов всё другое кажется написанным «не пером, а топором», а о Чехове-человеке говорил с неизменным восторгом. И Чехов тоже высоко ценил Горького. Недаром, когда весной 1900 года в Ялту, в гости к Чехову, приехал Художественный театр, Антон Павлович поспешил познакомить актёров с Горьким.

Об этой чудесной встрече артистов и писателей невольно думаешь в ялтинском доме... Московский Художественный театр первый правильно показал на сцене пьесы Чехова, где всё просто, как в жизни. Пьесы «Чайка» и «Дядя Ваня» с успехом шли в Москве, но Антон Павлович не мог посмотреть спектаклей из-за болезни. «Тогда,— как пишет режиссёр театра Станиславский,— мы сказали себе: — Антон Павлович не может приехать к нам, так как он болен, поэтому мы едем к нему, так как мы здоровы».

В те дни в доме Чехова было необычайно оживлённо, артисты беседовали с писателями, бывшими в то время в Ялте,— с Горьким, Куприным, Станюковичем, Маминым-Сибиряком, Гариным-Михайловским... Лучшие, честные люди России были в те дни у Чехова, да они и всегда тянулись к Антону Павловичу и были желанными гостями в его доме.

Ещё один человек часто встречался с Чеховым в Крыму, хотя и не бывал у него в доме. Это Лев Николаевич Толстой, чей большой портрет висит в кабинете Чехова. С Толстым Чехов познакомился ещё раньше, в Ясной Поляне, и Лев Николаевич тогда же написал в письме к сыну: «...Чехов был у меня, и он понравился мне. Он очень даровит, и сердце у него, должно быть, доброе...»

Толстой жил некоторое время в Гаспре, недалеко от Ялты, и Антон Павлович часто бывал у него там. Он относился к Толстому с величайшей любовью и благоговением.

«Я ни одного человека не любил так, как его,— говорил Чехов,— если бы он умер, то у меня в жизни образовалось бы большое пустое место».

ЛЕВИТАН

Среди картин, висящих в кабинете Чехова, особое внимание привлекает одна: неширокая река тихо струится среди зелёных берегов. Тишиной и задумчивостью

веет от картины, и так непохоже светлое небо над рекой на густую лазурь, синеющую в окне ялтинского домика.

Картину «Истра» написал художник Исаак Ильич Левитан, тоже близкий друг Чехова.

Левитан познакомился с Чеховым ещё в Москве; он учился вместе с братом Антона Павловича в Московском училище живописи, ваяния и зодчества.

Картину «Истра» Левитан писал в усадьбе Бабкино, где жили в то лето Чеховы. Попал Левитан в Бабкино таким образом: как-то вечером к Чеховым пришла женщина из соседнего села и рассказала, что заболел её жилец — художник «Тесак Ильич». Антон Павлович и его два брата сразу же догадались, что этот «Тесак Ильич» и есть их приятель Исаак Ильич Левитан, надели болотные сапоги и по лужам пошли к нему. Пришли поздно. Левитан в темноте принял их за грабителей и направил на них револьвер... Потом об этом в семье Чехова долго вспоминали со смехом.

Чеховы уговорили Левитана переехать к ним в Бабкино, и он поселился во флигеле, на дверях которого Антон Павлович написал:

«А вот и флигель Левитана.
Художник милый здесь живёт,
Встаёт он очень-очень рано
И, вставши, тотчас чай он пьёт».

Вместе с Левитаном Антон Павлович разыгрывал на берегу Истры сцены из «жизни бедуинов». Оба они одевались в халаты и мазали сажей лица. Смотреть эти представления сбегались все жители Бабкина.

Позднее Левитан приезжал к Чехову в Ялту, и встречи эти, видимо, носили уже другой характер, были строже, грустнее.

«Как-то вечером,— рассказывает Мария Павловна,— Левитан сидел у камина, а Антон Павлович, по обыкновению, расхаживая по комнате, говорил, как он скучает по северной природе.

— Маша, принесите мне картону,— попросил Левитан.

Я принесла. Левитан вырезал продолговатый прямоугольник и тут же за полчаса набросал этюд «Стоги сена в лунную ночь», в котором передана задумчивая прелесть лунной ночи».

Картина эта вделана в доску камина в кабинете Антона Павловича. Чехов очень любил её. Крымский пейзаж всегда казался ему слишком ярким, бездушным, как «звучные, но холодные стихи». Картины Левитана уносили Чехова домой, к родной, тихой, неяркой, но одухотворённой природе, нежные краски которой он сам так чудесно передавал в слове.

ДЕТИ — ХОРОШИЙ НАРОД

В кабинете Антона Павловича на камине среди милых его сердцу вещиц стоит модель парусной шхуны. Мы спросили, откуда здесь эта шхуна, и услышали в ответ, что её подарил Чехову мальчик-пятиклассник, один из многих ребят, с которыми Антон Павлович дружил. И верно, в витрине, где стоят фотографии друзей Антона Павловича, мелькают детские лица: здесь и юный сын Горького и маленькие дочки врача Альтшуллера, с которыми Антон Павлович был в самых приятельских отношениях.

«Дети — хороший народ»,—говорил Чехов, ребята всегда были желанными гостями в ялтинском доме. Антон Павлович умел находить с ними общий язык и легко завоёвывал сердца самых упрямых. Иногда это получалось довольно неожиданно. Мария Павловна рассказывает, что как-то, когда Чеховы жили ещё под Москвой, одна знакомая привела к ним в гости свою дочурку, очень сердитую на вид девочку. Антон Павлович посмотрел на её надутое личико и серьёзно спросил: «Ты замужем?..» Все рассмеялись, девочка — тоже, и у них с Антоном Павловичем тотчас же завязалась дружба.

Чехова интересовала детская речь, детские словечки. В записных книжках, куда он заносил на память характерные мелочи, среди других слов записано и детское выражение «зададу», то есть «задам» («Я тебе зададу!»). Но не только внешне детское занимало Антона Павловича. Он внимательно вглядывался в души детей, тревожился за их будущее. О своей Таганрогской гимназии у него сохранились невесёлые воспоминания. Может быть, именно поэтому ему особенно хотелось, чтобы у детей были хорошие школы, умные, образованные учителя, непохожие на «злобного хорька» — учителя Беликова, которого он описал в своём рассказе «Человек в футляре».

«Учитель должен быть артист, художник, горячо влюбленный в свое дело»,— говорил Антон Павлович Горькому.

А. П. Чехов с А. М. Горьким в ялтинском саду.

В ялтинский дом часто заглядывали молодые учителя. Как-то к Антону Павловичу пришёл издалека пешком сельский учитель и рассказал, что у них в селе закрывается школа из-за недостатка средств. Антон Павлович тотчас же отдал этому учителю 500 рублей — все деньги, которые тогда были в доме, и этим спас школу.

Но, конечно, самое яркое свидетельство любви Чехова к детям — это его рассказы. О ком бы из ребят ни писал Чехов — о несчастном ли Ваньке Жукове, отданном в ученье сапожнику, или же о крохотном Грише, гуляющем с нянькой по бульвару,— он как бы становится на место своего героя, перевоплощается в него. Его глазами смотрит он на мир, его жизнью живёт. В каждом из ребят, даже самом маленьком, видит он особый характер и глубоко понимает его, а такое понимание доступно лишь тем, кто внимательно и любовно относится к душевной жизни маленьких и больших.

О ЧЕМ ГОВОРЯТ ВЕЩИ

В круглой вазе в кабинете лежит груда визитных карточек, которые принято было в то время оставлять, приходя в гости. На них стояли имена и фамилии посетителей. На одной из таких карточек мы читаем: «А. И. Куприн».

И нам вспоминается то, что рассказывал сам Куприн... В дни своей молодости он жил в Ялте в очень трудных условиях, очень нуждался. Тогда он познакомился с Чеховым. Антон Павлович тепло и по-дружески уговаривал молодого писателя работать у него в доме и, понимая, что тот попросту голодает, очень мягко и осторожно убеждал его обедать у них.

«Нельзя, хозяйка ждёт»,— отнекивался смущённый писатель.

«Ничего, подождёт,— говорил Антон Павлович, делая вид, что вполне верит Куприну.— Когда я был молодой и здоровый, я легко съедал по два обеда, а вы, я уверен, отлично справитесь и с тремя».

Тот же Куприн рассказал историю плаката, висящего в кабинете. Этот плакат «Просят здесь не курить» заказал журналист Гиляровский, возмущённый тем, что посетители курят в комнате Чехова. Табачный дым был в высшей степени вреден больному Антону Павловичу, но ему казалось неловким напоминать об этом людям.

А вот ещё одно «вещественное доказательство» деликатности Чехова. В саду стоит гипсовый, ярко раскрашенный пёс — вещь совершенно безвкусная, аляповатая, никак не «чеховская». Это чудовище подарила Антону Павловичу одна дама. И дама была надоедливая, и подарок её Чехову совсем не нравился, но всё же подарок был сделан от чистого сердца. И Антон Павлович поставил его на лестничной площадке.

«Знаете, я сам этого гипсового пса боюсь,— признавался он,— а убрать его как-то неловко. Обидится».

Не правда ли, какой деликатный, мягкий, может быть, даже чересчур мягкий человек?

Но вот перед нами другой документ, который тоже хранится в ялтинском доме. Это копия письма, посланного Чеховым в Академию наук в марте 1902 года. Письмо это написано при таких обстоятельствах. Незадолго до этого Горький, так же как ранее Чехов, был избран в почётные академики. Но царь Николай II выразил недовольство по поводу этого решения: не пристало, чтобы почётным академиком был революционер Горький. В Академии перепугались, объявили свои же собственные выборы «недействительными» и тут же лишили Горького звания, которое сами только что присудили. Едва Чехов услышал об этом, он тотчас же написал в Академию письмо, в котором говорил, что совесть его не может мириться с подобными вещами, и сам отказался от звания почётного академика.

Письмо это написано резко и гневно. Такое письмо мог написать человек, обладающий крепкой волей, настоящим мужеством. Таким и был в решающие минуты мягкий и деликатный Чехов.

ДОМ-МУЗЕЙ ЧЕХОВА

В Ялте Антон Павлович прожил около четырёх с половиной лет. Здоровье его всё ухудшалось, и последние дни он часто работал в постели, в узенькой белой спальне, примыкающей к кабинету. Здесь возле кровати стоит столик, на котором Мария Павловна подготовляла всё, что нужно было писателю для работы. Здесь до сих пор лежит раскрытый журнал, который читал Чехов в последний день своего пребывания в Ялте.

1 мая 1904 года Чехов выехал из Ялты сначала в Москву, а оттуда вместе с женой, артисткой Ольгой Леонардовной Книппер, в Германию, на курорт Баденвейлер.

После отъезда Антона Павловича в Ялту в течение нескольких дней приходили бандероли на его имя, но родные не распечатывали их без него. Так, нераспечатанные, и лежат они до сих пор на письменном столе в кабинете. Это каталоги с описанием растений и цветов, которые Чехов так любил.

2 (15) июля 1904 года в Ялту пришла страшная весть: Антона Павловича не стало. В тот год Мария Павловна посадила под окном его кабинета кипарис... С тех пор прошло пятьдесят лет. Теперь это — высокое, красивое, мощное дерево.

Великолепно разросся сад, посаженный руками Антона Павловича. Тополи и кедры стали ветвистыми и могучими, но вместо прежних вишен пришлось посадить другие: вишнёвые деревца недолговечны. Но попрежнему молодо благоухает «Вишнёвый сад», написанный в Ялте Чеховым. Люди любят и читают его пьесы и рассказы; все приезжающие в Ялту обязательно приходят в белый домик-музей, а некоторые даже специально ради этого приезжают издалека. Перебывало здесь и множество ребят: артековцы — частые гости в чеховском домике, приезжали сюда китайские и румынские пионеры...

«Чехов — наш любимый писатель. Мы очень любим читать его книги»,— пишут ребята в книге отзывов. А некоторые обращаются прямо к Антону Павловичу: «После посещения Вашего дома у нас осталось впечатление, как будто мы с Вами были близкие, родные, как будто мы просто не застали Вас дома...»

И, пожалуй, с таким же чувством покидают все ялтинский домик Чехова.

Иллюстрация к рассказу «Белолобый».

Рисунки к рассказам Чехова

Кукрыниксы

Мы все трое очень давно — с юности и даже с детства — любим чеховские рассказы. Мы часто перечитывали Чехова и думали, что хорошо знаем его.

Но вот четырнадцать лет тому назад мы взялись сделать рисунки к сборнику чеховских рассказов и вдруг убедились, что всей глубины Чехова, всей прелести его творчества мы не понимали. Настоящее «открытие» Чехова началось для нас вместе с работой над иллюстрациями. Много лет уже работаем мы над рисунками к его произведениям и с каждым рассказом находим всё новые черты в его творчестве.

В рисунках мы старались дать зрительные образы, которые дополняли бы рассказы. Вот, скажем, «Белолобый». Этот рассказ о зверях поражает необыкновенно живым ощущением природы. Чехов очень хорошо знал и любил зверей. В его доме всегда были собаки, жил ручной журавль, мангуст, кошки. В письмах и записных книжках, в которые он заносил свои наблюдения и мысли, много записей о животных.

«Собака ненавидит учителя, ей запрещают лаять, она глядит, не лает, но плачет от злобы». «Шел по улице такс, и ему было стыдно, что у него кривые лапы». «Черная собака — похожа, что она в калошах». Всё это говорится с сочувственной улыбкой, как если бы эти животные были его приятелями, о которых он знает всю подноготную.

Читая рассказ «Белолобый», с поразительной ясностью видишь старую больную волчиху, которая вышла на охоту и боится, как бы кто не обидел без неё волчат; глупого, бестолкового щенка, который увязался за волчихой, мешает ей и, сам того не зная, выполняет свою собачью службу; и хозяина щенка, который так и не понял, что произошло ночью.

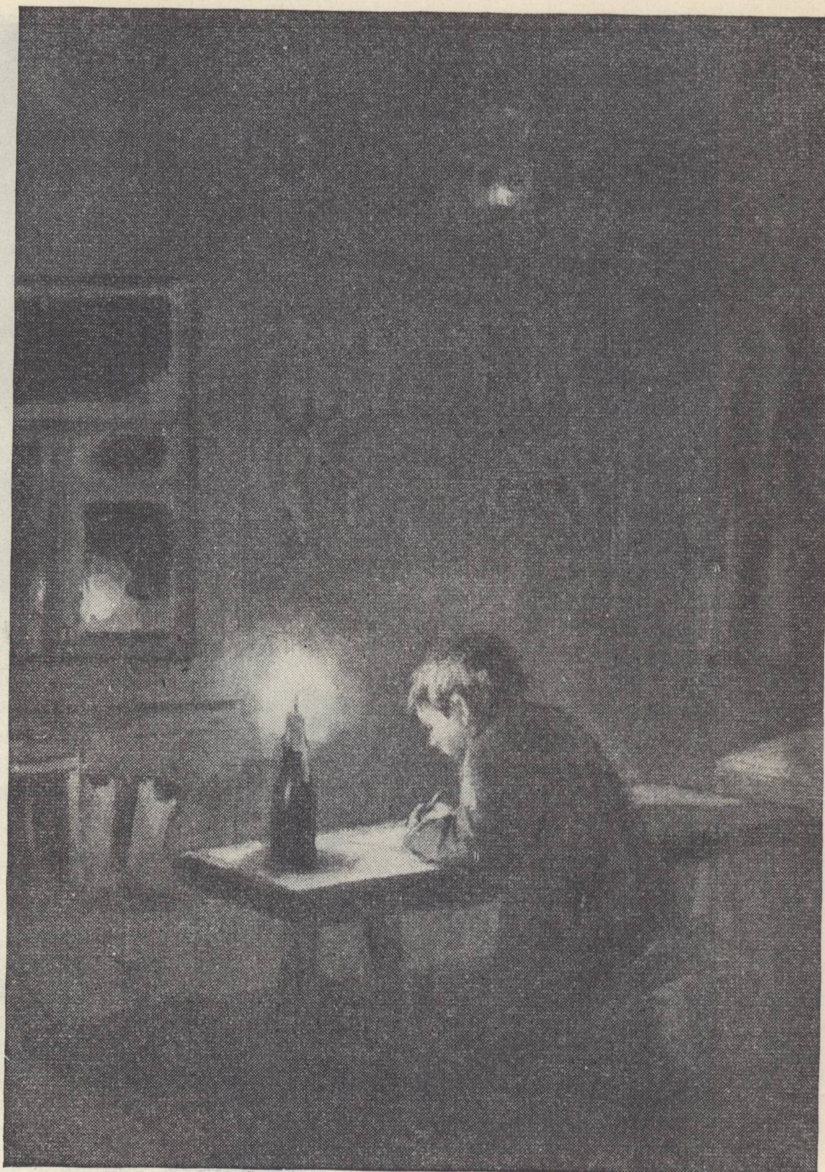

Иллюстрация к рассказу «Ванька».

Нам хотелось в рисунке передать, как худо и тяжко волчихе, как тревожно ей и голодно. И мы решили нарисовать снежную ночь, сугробы и подкрадывающуюся к зимовью волчиху, взъерошенную, настороженную, с худым, подтянутым брюхом...

Есть у Чехова рассказ, с которым все знакомятся в детстве и потом, сколько бы ни перечитывали его, испытывают глубокое волнение. Это рассказ «Ванька».

Работая над рисунком к «Ваньке», мы вдумывались не только в рассказ. Мы читали письма Чехова, воспоминания людей, близко знавших его. У Горького мы прочли, что однажды Чехов сказал в разговоре с ним: «Это стыдно и грустно, а верно: есть множество людей, которые завидуют собакам». В этих словах ключ к пониманию рассказа о Ваньке Жукове, мальчугане, который живет у сапожника «хуже собаки всякой».

Судьба детей всегда глубоко волновала Чехова... Маленькими каторжниками называл он ребят — подручных у лавочни-

ков и мастеровых. Перед ним неотступно стояли картины тяжёлой жизни этих детей. Заступаясь за них, стремясь облегчить их участь, он писал в газетах о мальчиках-подручных: «Нет на мальчике синяков,— значит, домочадцы на богомолье уехали. Бить ребят можно сколько угодно и чем угодно. Не хочешь бить рукой, бей веником, а то и кочергой, или мокрой мочалкой, как это делают хозяйки и кухарки. Мальчики ложатся в 12 часов, встают в 5 часов. Едят они объедки, носят драные лохмотья, засыпают за чисткой приказчичьих сапогов. День в холодной, сырой и темной лавке, ночь в кухне или в холодных сенях, около холодного как лед рукомойника». В защиту этих маленьких каторжников написан и рассказ «Ванька».

Страстно любя людей, необычайно остро чувствуя человеческое горе и страдание, Чехов рассказывал о нём просто и сдержанно. Смешное и грустное идёт у него рядом — как и в самой жизни. Вспомните, как Ванька посылал своё письмо:

«Подумав немного, он умокнул перо и написал адрес:

На деревню дедушке.

Потом почесался и прибавил «Константину Макарычу».

Как будто смешно: написал мальчуган такой немыслимый адрес и простодушно надеется, что дойдёт его письмо «на деревню дедушке». А читаешь, и не только не смешно, а даже плакать хочется, так жаль Ваньку. В этом рассказе заключён другой, ненаписанный рассказ о том, как горемычный Ванька будет напрасно ждать дедушку и терпеть свою горькую, страшную долю.

Каким же должен быть наш рисунок, чтобы показал он так же страшно и просто это будничное ванькино горе? Какой выбрать момент? Может быть, нарисовать, как хозяин выволок Ваньку за волосы во двор и «отчесал шпандырем» или как била Ваньку хозяйка?

Нет, мы выбрали не это. Мы нарисовали Ваньку за письмом, в котором он умоляет деда: «Милый дедушка, сделай божецкую милость, возьми меня отсюда домой, на деревню, нету никакой моей возможности...»

Он стоит на коленях у лавки, весь согнулся... Чёрные тени обступили его со всех сторон, бедный огонёк свечи падает на лицо... Чёрные и белые пятна в рисунке, смена теней и тревожного света, поза Ваньки — всё должно было вызвать тоскливое чувство, ощущение ванькиной беззащитности, ужас перед этой жизнью.

Когда мы кончили рисунок, то были как будто удовлетворены им, но потом, через много лет, вернувшись снова к этой работе, мы совсем переделали иллюстрацию к «Ваньке». Избрали мы тот же момент, но нарисовали всё по-другому. Мы поняли, что в этом рисунке должно быть очень много рассказано. Ведь у Чехова в его коротком рассказе нарисована до мелочей ясно жизнь Ваньки. Вот так же надо и нам. Да и рисунок этот будут смотреть советские ребята, которые никогда не видели и не испытывали ничего похожего на страшную ванькину судьбу. Значит, нужно постараться передать быт, обстановку, воссоздать мир, в котором жил сирота Ванька. В новом рисунке мы более подробно показали комнату, нарисовали и сапожные колодки, и скамейку, на которой Ванька пишет, и лампаду перед иконой...

Читая рассказ, видишь Ваньку Жукова как живого, узнаёшь его жизнь, характер, отношения с людьми... И нам захотелось нарисовать его так, как рисуют портрет живого человека, чтобы видно было, что это простодушный, ласковый мальчуган, одинокий, заброшенный, вытерпевший много обид и горя,— словом, передать в рисунке образ, в который Чехов вложил свою любовь к людям, и сострадание, и страстное желание счастья для людей.

Чехов мечтал, что придёт время, когда люди будут счастливы, и, чтобы приблизить это счастье, сражался с тем, что мешает счастью людей,— с жестокостью, косностью, ложью, деспотизмом, пошлостью. «Нет ничего страшнее, оскорбительнее, тоскливее пошлости»,— писал Чехов. И мы стремились в рисунках показать и осмеять то, против чего он боролся.

В рассказе «Человек в футляре» Чехов раскрывает всю гнусность жандармского режима. Он говорит людям: «Больше так жить невозможно». Эта главная мысль должна быть видна и в рисунке.

Всякий, кто читал этот рассказ, наверно, так же, как и мы, живо представляет себе Беликова — «человека в футляре» — и его внешность и его характер. Чехов говорит, что лицо у Беликова было бледное и маленькое... «маленькое как у хорька». И лицо это сразу же видишь—сморщенное, злобное, с остреньким, вынюхивающим носом. Ходит Беликов и всё время ищет, что бы ещё запретить людям, чем бы еще за-

пугать их, ограничить их жизнь, как бы ещё загнать их поглубже в футляр. Всякое проявление жизни вызывает у него раздражение и тревогу.

Выражение «человек в футляре» стало нарицательным, его и сейчас употребляют, потому что некоторые беликовские черты встречаются в людях и в наше время. Есть ещё, к сожалению, и бюрократы, и «сухари», и трусливые, ограниченные люди, которым всё не мило, которые всё беспокоятся, «как бы чего не вышло». Каждый встречал в жизни хоть одного такого. Мы тоже встречали и, вспоминая их, с удовольствием расправлялись со всеми «человеками в футлярах», когда работали над иллюстрацией к рассказу.

Но в советских людях черты «человека в футляре» — это отзвуки прошлого, далеко ушедшего, а чеховский-то персонаж — настоящий царский чиновник, добровольный слуга полицейского режима. Он порождение той эпохи, когда «стали бояться всего,— бояться громко говорить, посылать письма, знакомиться, читать книги, бояться помогать бедным, учить грамоте»... Беликов — символ этого режима, и таким надо было его показать.

Мы нарисовали захолустный городишко, солнечный день, простых людей, занятых какими-то своими делами, а на переднем плане изобразили Беликова. Он передвигается по городу, прячась от весёлого света. Чёрная тень падает впереди него, и всё, к чему приближается этот душитель жизни, погружается во мрак. Фигуру Беликова мы дали почти силуэтом; тёмным, мрачным пятном.

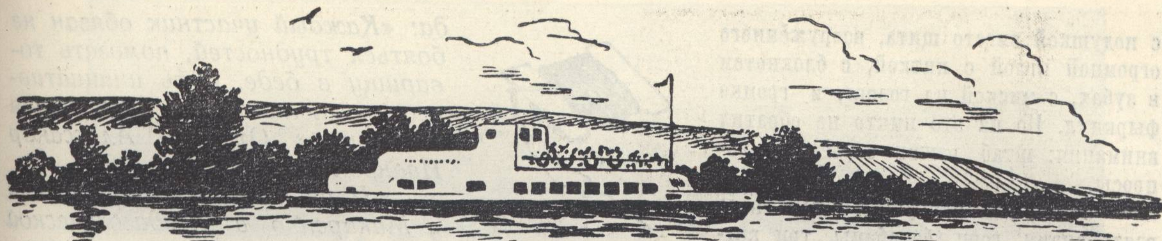
Нам очень хочется, чтобы этот образ не разошёлся с тем, который сложился у вас, когда вы читали Чехова. Иллюстраторы всегда мечтают сделать рисунки так, чтобы, посмотрев на изображение героя рассказа, читатель сказал: «Ну, конечно, это он! Я всегда думал, что он выглядит именно таким...»

Но если бы вы знали, как трудно делать рисунки к Чехову! Чем художник может дополнить его? Ведь Чехов так живо, так ярко рисует словами, так много умеет сказать одной фразой, иногда одним словом, что выразить всю его тонкость, наблюдательность, всю глубину, богатство и сложность его мысли, кажется, просто невозможно. И если нам своими рисунками удалось хоть немного помочь читателю увидеть то, что показывает Чехов,— значит, мы трудились не зря.

Иллюстрации к рассказам «Накануне поста» (вверху) и «Человек в футляре».

В ДАЛЬНЕМ ПЛАВАНИИ

Валерий Вагранов

Однажды утром...

История эта началась самым таинственным образом, как все настоящие приключения.

...Ранним дождливым утром на крыльце небольшого деревянного домика распрощались три человека. Один, в капитанской фуражке, решительно зашагал налево. Двое других двинулись в противоположную сторону. Через мгновение все трое исчезли в потоках бурного майского ливня, словно растаяли...

Спустя несколько минут дверь кабинета управляющего речной конторой «Хопёр» отворилась.

— Валентин Иванович? — удивился управляющий.— Что так рано?

— Дело есть,— ответил пришедший, снимая капитанскую фуражку.

Из окна кабинета был хорошо виден Хопёр — река, на которой стоит город Урюпинск. Где-то там, далеко, Хопёр впадает в Дон. А Дон, как известно, соединяется каналом с Волгой. Вот если бы можно было пройти весь Хопёр не на плоскодонной барже, как до сих пор, а на катере, изучить русло реки, поставить бакены и открыть пассажирское сообщение Урюпинск — Калач! Каким важным и полезным делом было бы это для маленького районного городка! Но кто возьмёт на себя такую трудную задачу? А почему бы не сделать это катеру «Ленинград» и его капитану комсомольцу Валентину Ивановичу Кривову?

— Вот и прошу у вас разрешения.

Управляющий с сомнением посмотрел на капитана:

— Ну, а на мель сядете, кто снимет?

— Возьмём пассажиров, они помогут.

— Да ведь весь Хопёр в мелях и перекатах. Дело трудное, мало охотников найдется на каждом перекате в воду лазить!

— Нашлись уже,— перебил капитан.— Шестьдесят человек. Сегодня утром ко мне уполномоченные приходили договариваться. Настоящие «колумбы»!

— Кто же такие? — недоверчиво спросил управляющий.

— Это...

Но, как всегда бывает в настоящих таинственных историях, в этот момент ударил гром и заглушил последние слова капитана.

„Колумбы“

«Всем, всем, всем!!! Поход с приключениями и непреодолимыми трудностями! Урюпинск — Сталинград — Урюпинск на славном катере «Ленинград»! Шестьдесят участников, и все без двоек! Дополнительная инструкция в пионерской комнате...»

Это объявление появилось в вестибюле урюпинской школы № 2 спустя две недели после таинственной встречи. Экзамены уже кончились, наступили каникулы. Но жизнь в школе била ключом. На всю улицу разносились звуки горна, треск барабанов, к дверям школы то и дело подбегали ребята с какими-то мешками и свёртками.

А в пионерской комнате заседал штаб похода.

— Ребята,— говорила старшая пионервожатая,— мы должны проложить водный путь от Урюпинска до Калача... Кто хочет быть настоящим покорителем водных просторов, должен взять с собой в поход следующее боевое снаряжение: одеяло, подушку, миску, иголку с ниткой, блокнот...

— Помедленнее! — попросил Гора Кочергин, торопясь всё записать.

Гора перешёл только в четвёртый класс, ходил ещё стриженным наголо, а ростом был раза в три меньше десятиклассника Альберта Пьяных, который сидел сейчас рядом с ним и поблескивал очками. Записав перечень снаряжения, Гора представил себе Альберта, завёрнутого в одеяло,

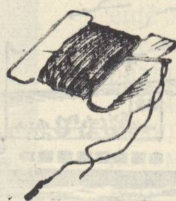
с подушкой вместо щита, вооружённого огромной иглой с ниткой, с блокнотом в зубах, с миской на голове, и громко фыркнул. Но на это никто не обратил внимания: штаб решал серьёзные вопросы.

— Итак, для пловучего лагеря надо взять знамя, горн, барабаны, три котла, библиотеку, шахматы...

— И утюг,— добавила Зина Узрина, поправляя свой аккуратный белый воротничок.

Потом решали вопрос о составе походной редколлегии, о горнисте, говорили об обязанностях каждого участника: кто собирает гербарии, кто — коллекции насекомых, кто будет геологом, кто географом... Одним словом, забот было много, и штаб работал с полной нагрузкой.

День отплытия приближался...

Из дневника Зины Узриной

Пятница, 19 июня 1953 года. Первый день пути. Восход — 3 ч. 45 м., заход — 21 ч. 18 м. Долгота дня — 17 ч. 33 м.

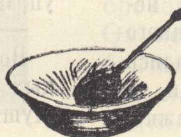
Всё утро шёл противный мелкий дождь. Мы построились во дворе, вынесли знамя. Директор школы Александр Иванович громко перед строем прочитал устав похода: «Каждый участник обязан не бояться трудностей, помогать товарищу в беде, быть инициативным, выполнять все приказания капитана...» От себя Александр Иванович добавил:

— И не пищать! Помните, как у Макаренко в «Педагогической поэме»?

Дождь, который лил, не переставая, казался нам в этот момент первым испытанием нашей воли. Поэтому все мокли даже с удовольствием и «не пищали».

Витя Андреев, наш горнист, от волнения вместо «В поход!» сыграл «Бери ложку, бери бак, а не хочешь — иди так!», и мы строем пошли к Хопру.

Вот и наш славный катер «Ленинград». Прощальный гудок, мы медленно отчаливаем от берега. До скорой встречи, Урюпинск!

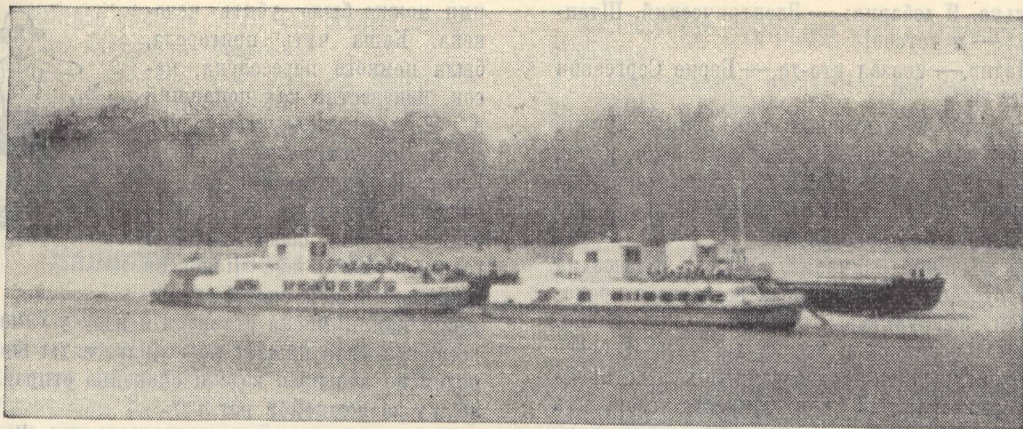
Рассказ капитана

Дождь не прекращался. Было обидно, но приходилось сидеть в каюте.

Из-за поворота показался катер «Москва». Он возвращался из очередного рейса в соседнюю станицу. Над Хопром разнеслись приветственные гудки, и катер скрылся за густой сеткой дождя. Оба катера, «Москва» и «Ленинград», были похожи друг на друга, как две

Прежде всего надо было нарисовать карту похода...

Вот они, братья-близнецы, катеры «Москва» и «Ленинград».

капли воды. И у «Москвы» и у «Ленинграда» на борту было по большой заплате...

В каюту к ребятам спустился капитан. Разговорились. И вот что узнали ребята о судьбе этих двух катеров.

— Словно близнецы-братья, катеры «Москва» и «Ленинград» родились в один и тот же день. Это было в грозное время войны. Прямо с судоверфи катерам пришлось вступить в бой с врагами у берегов Сталинграда. Борта судов были обиты бронёй, на палубе — вот там, на носу,— стояли пушки и пулемёты, в трюмах — боевое снаряжение.

Однажды пришёл приказ сцепить катеры и сделать из них самоходный паром. Ранним утром, пользуясь туманом, первый десант автоматчиков переправился через Волгу на этом пароме.

Немало славных дел совершили катеры. Но однажды в бою «Ленинград» был ранен. Вода залила машину, и катер держался на поверхности только потому, что его поддерживал друг. Второй снаряд потопил оба катера.

Кончилась война, и оба катера были подняты со дна реки. В рубке «Ленинграда» нашли тело капитана. Он погиб, не выпустив штурвала из рук.

Суда починили, заделали пробоины и отправили на освоение малых рек. И на этот раз их не разлучили. Оба катера попали к нам в Урюпинск, на реку Хопёр... Хотя, по-моему, Хопёр не такая уж малая река,— добавил капитан.

Ребята взглянули в окно. Дождь кончился, солнышко выглядывало из-за туч. И Хопёр действительно показался им совсем не маленькой рекой. И на каком же славном судне, оказывается, плывут они осваивать эту реку!

Первые заботы

Солнце уже поднялось высоко. «Колумбы» жарились на верхней палубе в одних трусах.

— А неплохо бы перекусить,— заметил Валька Жирков.

И словно маг-волшебник, угадавший желание ребят, на палубу поднялся вахтенный, Владик Шалин, строго оглядел весь состав пловучего лагеря, для порядка крикнул:

— Все наверх! — и после этого солидно заявил: — Объявляю распорядок работ. Первое звено готовит обед. Второе звено — костровые. Третье и четвёртое моют... то есть драят, палубу. Ясно?

Костровые пожали плечами.

— Ты когда-нибудь костёр разводил? — спросил Кухлевский Жиркова.

— Только в Доме пионеров, на сборе,— отве-

Участники похода у борта катера.

тил Валька. И добавил: — Электрический. Штепсель раз — и готово!

— Ладно,— сказал кто-то,— Борис Сергеевич покажет.

Место для обеда выбрали как нельзя лучше. Тут был и пляж с упругим жёлтым песком, и лес, и небольшой овраг, который сразу заинтересовал «геологов», и огромная зелёная поляна, где можно было собрать гербарий.

Катер медленно причалил к берегу и высадил первый «десант» — костровых во главе с преподавателем физкультуры Борисом Сергеевичем. Костровые бросились в лес за дровами. И скоро на берегу открылись краткосрочные курсы, пройдя которые каждый мог запросто соорудить «камбуз» (люди сухопутные называют его кухней).

— А ну-ка, ребята,— командовал Борис Сергеевич,— втыкайте рогатки сюда. Та-ак. Теперь

Костровые принялись сооружать «камбуз»...

вешайте котлы на палки, а палки кладите на рогатки. Внимательно смотрите, внимательно!

Борис Сергеевич — в прошлом зенитчик. Он несколько лет прослужил в армии, поэтому всё умеет.

Повара повязались полотенцами, на головы надели белые косынки и превратились в настоящих корабельных коков. Тоня и Слава месили тесто для клёцок, Борис с Тосей готовили рисовую кашу... Скоро от котлов пошёл такой соблазнительный запах, что «геологи» и «ботаники» не выдержали и раньше времени собрались у костра.

Наконец раздался звонкий голос Славы:

— Срочно подходите! Один раз в жизни! Удивительные клёцки! Каша с маслом и изюмом!

Клёцки получились в самом деле удивительные: величиной с кулак и такие жёсткие, что ими можно было убить человека. Каша чуть пригорела, была немного пересолена, песок, неизвестно как попавший в неё, чуть похрустывал на зубах. Впрочем, разве это беда! Главный недостаток каши, по общему мнению, состоял в том, что она была слишком горячая. Но Вовка Некрасов придумал новый способ охлаждения каши: миска ставится в воду у самого берега, она тихо плывёт по волнам, а ты шагаешь рядом по колено в воде и спокойно отправляешь ложку за ложкой в рот...

Но вот объявлена посадка на катер. В каюте уже сидит редколлегия и трудится над выпуском «молнии» по случаю вкусного и сытного обеда. Прощальный гудок — и «колумбы» отправляются дальше, в неизведанные края.

Полундра!

К вечеру у Зотовского переката сели на первую мель. С полного хода катер врезался в песок и стал, как вкопанный.

— Полундра! — закричал вахтенный, Вовка Кухлевский.

А из каюты уже летели наверх ребята.

Трудно описать радость по случаю «посадки». Ведь все с нетерпением ожидали «непреодолимых» трудностей. В одну секунду ребята разделись и были готовы к спасению катера. Горнист сыграл «боевую тревогу», и вода забурлила от множества человеческих тел.

— Раз — два, взяли! Ещё — взяли!

Наконец под восторженные крики «колумбов» катер сдвинулся с мели.

После этого приступила к работе первая исследовательская группа. Пятнадцать ребят осторожно разбрелись по всему перекату. Одни определяли размер мели, другие — её расстояние от берега, третьи искали глубокие места для прохода судов. Ведь чтобы Хопёр стал судоходной рекой, надо точно нанести на карту все мели и перекаты, а потом бакенами обозначить проходы для судов.

Когда работа была закончена, все по очереди влезли на катер по специальному канату. И каждому «колумбу» в отдельности строгий матрос тётя Нина кричала:

— Принимай конец!

Это получалось у неё очень торжественно.

— Ну, ребята, молодцы! — похвалил капитан.— А вы не завидуйте им,— сказал он остальным ребятам.— Впереди будет ещё много мелей — все успеете поработать.

...Ночевали в станице Зотовской. Оттуда послали в Урюпинск первую телеграмму: «Прошли

180 километров впереди 1320 тчк особых происшествий нет настроение бодрое».

Вахтенные остались дежурить на катере, а все остальные пошли ночевать в местную школу. В классах на полу постелили солому, укрылись одеялами и уснули так быстро, как только могут заснуть люди после напряжённого трудового дня.

Человек за бортом!

Посредине Хопра сидел в лодочке рыбак и удил рыбу. Самое невероятное, что могло произойти,— это столкновение с ним. Но именно это и произошло. Вот как это было.

Прошло уже несколько дней с начала похода. За это время ребята научились легко и быстро снимать катер с мели, наносить на карту перекаты, по цвету воды определять мелкие и глубокие места. Ребятам уже разрешали спускаться в машинное отделение к дяде Мише, а матрос тётя Нина просто не могла отбиться от помощников.

Как настоящие матросы, ребята сами стирали своё бельё, несли вахту, отбивали склянки, драили медяшки. А иногда им поручали и более ответственные дела...

Короче говоря, в этот день и час за штурвалом стоял не кто иной, как Гора Кочергин.

Почувствовав себя настоящим моряком, Гора то и дело сыпал звучными морскими словечками: ахтерпик, форпик, леер, швартов, кнехт, клотик. В трубку мегафона Гора поминутно кричал совершенно несуразные команды, вроде:

— Полный вперёд! Малый назад! Право на борт! Эй, там, на фок-мачте!

Капитан поставил к штурвалу Гору Кочергина.

Хорошо, что никто не прислушивался к его командам.

Трудно сказать, из-за чего всё произошло. То ли рыбак засмотрелся на живописные берега Хопра и не заметил катер, то ли Гора был в чём-то виноват... Во всяком случае, факт остаётся фактом: маленькая лодочка рыбака оказалась перевёрнутой.

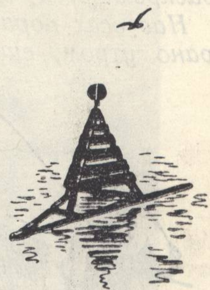
— Человек за бортом! — страшным голосом заорал Гора и первый выскочил на палубу.

На катере сыграли тревогу, человек двадцать ребят бросились в воду...

Но спасать пришлось только рыбу. Сам рыболов прекрасно держался на воде, он плавал вокруг катера и ругался:

— Ах вы, капитаны сопливые! Весь улов пораспускали!..

. . . .

Хопёр становился полноводнее, берега его раздвигались всё шире и шире. Постепенно они становились более пустынными и голыми. Чувствовалось приближение степи. Весь лагерь дежурил на палубе, боясь пропустить встречу с Доном.

И вдруг — первый бакен! Забили барабаны, заиграл горнист, все закричали: «Ура!». «Ленинград» вышел на широкий речной простор. Навстречу стали часто попадаться пароходы и баржи. Они приветствовали «Ленинград» гудками и выбрасывали белые флаги, словно сдаваясь в плен. Валентин Иванович разъяснил, что это они указывают катеру, слева или справа по фарватеру обходить встречные суда.

...Впереди показался город Серафимович. Катер причалил к пристани, и ребята первым делом направились в дом-музей писателя, именем которого назван город.

Итак, сегодня — Серафимович, а завтра катер причалит уже в Калаче.

Письмо в Урюпинск

«Дорогая тётя!

...Как только мы приехали в Сталинград, сразу же пошли с экскурсией по городу. Ой, сколько здесь интересного! Во-первых, от развалин ничего не осталось. Только несколько домов не восстановили, но это специально, чтобы люди вспоминали войну и ещё сильнее боролись за мир.

А город такой красивый! Описать это очень трудно. Расскажу обо всём подробно, когда приеду.

Весь канал мы проплыли на теплоходе «Гражданка», так как наш катер через шлюз не пропустили: не подошёл по разряду. Хотя, по-моему, наш «Ленинград» гораздо лучше любого теплохода. Шлюзы мы проходили так: теплоход входит в камеру, и ворота снова закрываются. Сначала даже на палубе, кроме неба, ничего не видно, потому что всё загораживают высокие стены камеры. Но вода прибывает, и теплоход начинает медленно подниматься вверх, из-за стены постепенно появляются сначала телеграфные столбы, потом деревья и, наконец, дома, люди. В это время на воротах впереди зажигается зелёная лампочка, ворота раскрываются, и путь вперёд открыт!

Нас всех поразила одна встреча. Рано-рано утром, ещё предрассветный туман не рассеялся, подъехали мы к двенадцатому шлюзу. Вдруг видим: на краю стены, прямо в камере шлюза, сидит старичок в панаме и удит рыбу! Оказывается, в канале много рыбы, как у нас в Хопре. И местные жители очень полюбили рыбную ловлю...

Скоро мы отправимся в обратный путь. «Ленинград» ждёт нас в Калаче. Нам предстоит ещё раз уточнить по карте все мели и перекаты Хопра. В походе мы многому научились. Я теперь хорошо плаваю, и костёр разжигать умею, и любой обед сварю.

До скорой встречи! Твоя племянница».

Дай руку, товарищ!

Снова Калач. У пристани покачивается катер: он готов отправиться в обратный рейс.

— Ребята,— сказал капитан, когда «колумбы» собрались на палубе,— половину пути мы прошли. Впереди восемь дней пути. Будут и новые трудности. Но ведь они не страшны нам?

— Не страшны! — закричали ребята.

Вахтенный, Тоня Коновалова, гордо выступив вперёд, подняла руку:

— Слушай мою команду! Объявляю распорядок работ. Первое и второе звено драят палубу, третье готовит обед, а четвёртое — костровые. Ясно?

— По местам! — скомандовал капитан. И, наклонившись к трубке мегафона, добавил: — Полный вперёд!

День пролетает за днём! Всё ближе родной Урюпинск. Вот уже до него остались считанные километры. Ребята волнуются. И вдруг недалеко от станицы Бурацкой, когда дело уже шло к вечеру, они увидели севшую на мель баржу с дровами.

С баржи закричали:

— Эй, на катере! Помогите сняться с мели.

Моторист дядя Миша ответил:

— Да у нас на борту ребята и горючего мало. Мы должны к ночи успеть в Урюпинск!

— Хоть подтолкните немного! Прямо беда — сидим уже три часа...

«Колумбы» насторожились... Конечно, всем хотелось быстрее приплыть в Урюпинск, да и горючего действительно было мало. Но как можно оставить товарища в беде!

Делегация направилась в каюту капитана.

— Валентин Иванович! Там баржа на мели...

— Всё ясно,— сказал капитан и, выйдя на палубу, крикнул штурвальному: — Право на борт! Направление — баржа! Та-ак держать!

А ребята, выстроившись на палубе, дружно запели: «Дай руку, товарищ далёкий!»,— и им казалось, что они самые счастливые, самые смелые и отважные люди на земле, в воздухе и на воде!

Из докладной записки...

«...Таким образом, за пятнадцать дней плавания катер «Ленинград» прошёл путь общей протяжённостью в 1 217 км. Задание по исследованию русла реки Хопёр командой катера и пассажирами — пионерами и комсомольцами средней школы № 2 — выполнено. Исследование показало, что река Хопёр на всём протяжении, от города Урюпинска до места своего впадения в Дон, у города Серафимовича, может быть использована для пассажирского сообщения. (Карты и схемы русла реки с обозначением мелей, перекатов и глубинных мест прилагаю.)

Кроме того, довожу до вашего сведения, что пассажиры катера «Ленинград» проявили себя как смелые, трудолюбивые и дисциплинированные люди и надёжные помощники...

Капитан катера «Ленинград» В. Кривов».

Эта оценка капитана Кривова — лучший конец для нашего повествования.

ЮНЫЕ ШЕФЫ. К. Ломыкин.

ОБЕД ПРИНЕСЛИ. А. Макаров.

ЛЕСНЫЕ ЗАГАДКИ

Профессор П. А. Мантейфель

В науке большие открытия, от которых на столетия остаётся след в истории человеческих знаний, подготовляются маленькими, рождёнными из терпеливых опытов и наблюдений. Эти маленькие открытия — как кирпичики, из которых вырастает дом. Во всех областях знания есть ещё свои «белые пятна», свои неразгаданные тайны. Они-то день ото дня и отступают перед кропотливой, будничной работой исследователей.

К таким наблюдениям и опытам профессор Пётр Александрович Мантейфель очень любит привлекать ребят. Он часто даёт им поручения, помогающие раскрыть ещё одну, хотя бы небольшую загадку природы и этим сузить круг неизвестного в биологии.

Мы попросили П. А. Мантейфеля рассказать о том, как ребята помогали ему. Вот его рассказы.

Утиный секрет

Многие дикие утки устраивают свои гнёзда в дуплах высоко над землёй, например, огарь (красная утка) и гоголь (нырок), а утка-пеганка гнездится в норах, и часто норы эти — на крутом, отвесном берегу. Бывает, что даже кряква высиживает птенцов высоко на дереве, в старом, заброшенном гнезде вороны или какой-нибудь другой крупной птицы.

Как же оттуда спускаются утята? Ведь ещё совсем маленькими, неоперёнными, они оказываются на воде и бойко плавают за своей мамашей. Выводки крохотных пушистых утят на воде видело множество наблюдателей — и охотников и натуралистов. А как утята попадают на воду, не видел никто. Но, тем не менее, вопрос казался вполне ясным и нетребующим проверки. Едва вылупившиеся утята не могут летать, значит, не могут они самостоятельно спуститься из гнезда на землю, значит, их спускает мать. Каким образом? Ну, конечно, в клюве. Как же ещё! И на протяжении нескольких десятков лет в книгах о жизни птиц можно было прочесть, что утка переносит утят именно таким способом. Но ни в одной книге не было написано, что кто-нибудь видел это своими собственными глазами.

Я и поручил ребятам из кружка юных биологов Московского зоопарка подсмотреть, как всё происходит на самом деле.

На больших прудах Московского зоопарка живут многочисленные колонии водоплавающих птиц. Водится тут и огарь, красная утка. За ней стали следить ребята. Конечно, они не торчали у дупла все три недели, что она высиживала птенцов, — в этом не было надобности. Заметили только, когда огарь села на яйца, вычислили день, когда должны выклюнуться малыши, и лишь незадолго до этого дня установили сменные дежурства.

И вот наконец утята вывелись. Об этом сразу же дал знать писк, доносившийся из дупла. Ребята ждали. Прошёл час, другой, третий... Ни утка, ни её дети не показывались. Так продолжалось шесть часов.

Потом появилась огарь. Слетев на воду, она закричала:

— Аа-у! Аа-у! Аа-у!

Голос у огари довольно противный, гнусавый, будто у неё насморк. Чтобы воспроизвести её крик, нужно зажать ноздри пальцами. С таким голосом в Большой театр не возьмут, пожалуй! Но утятам до этого не было никакого дела. Мои зоркие часовые увидели утёнка. Он внезапно появился на тёмном фоне отверстия дупла и смело бросился вниз.

За ним второй, третий — так и посыпались! Ребята просто онемели от удивления. Прыгая из дупла, утята падали с огромной по сравнению с их ростом высоты, всё равно

как если бы вы прыгнули из окна шестого или седьмого этажа.

Но им не повредил отчаянный прыжок потому, что их крохотные тельца имеют ничтожный вес. Это как бы комочки пуха. Воздух поддерживал утят. Раскрыв свои маленькие, куцые крылышки, они падали медленно и плавно, будто парашютисты, а коснувшись земли, как ни в чём не бывало ковыляли на берег, плюхались в воду и проворно плыли к маме, на её зов.

Так была опровергнута сказка об утятах, путешествующих в клюве матери.

У барсучьей норы

Всем хорошо известно, что детёнышам домашних животных нужен свет. Ведь солнце, особенно его ультрафиолетовые лучи, помогает росту и нормальному развитию костей. Без целительных солнечных лучей у малышей развивается рахит, они растут слабыми, кривоногими, мелкорослыми.

Но как же с детёнышами зверей, живущих в норах? Лисята и волчата, например, открывают глаза на восьмой — одиннадцатый день. Только первые десять дней своей жизни они живут без солнца. А вот барсучатам куда хуже. Эти тридцать пять или тридцать шесть дней остаются слепыми. А нора у барсуков глубокая, тёмная. Значит, целых пять недель щенки барсука живут без солнца? Да ведь это верный рахит! Но рахита никакого нет. Почему же?

Ребята стали следить за семьёй барсука.

Утро. Солнечные лучи, пробиваясь сквозь листву, кружочками ложатся на землю вокруг норы. Вот высунулась настороженная морда и снова скрылась. Потом барсучиха выскочила из своей норы, таща в зубах слепого детёныша. Положила на землю и снова метнулась в нору. Одного за другим вынесла всех барсучат и разложила на солнечных кружочках. Сонные и беспомощные барсучата лежали тихо и подставляли живительным солнечным лучам свои толстые голые животики.

Но солнечная ванна длилась недолго. Первый барсучонок пискнул. Настороженно слушавшая мамаша опрометью кинулась к нему, проворно схватила за шиворот и утащила обратно в нору. Писк щенка словно служил ей сигналом, что ультрафиолетовое облучение пора кончать. Пискнул второй — она и его утащила. Так одного за другим унесла барсучиха всех своих детей обратно в тёмное и глубокое подземное жильё. Та же сцена повторилась и на второе утро и на третье.

Вот почему нормально растут барсучата! За тридцать пять дней, пока они, слепые, не могут сами выползать из норы, мать заботится, чтобы их грело солнышко.

На муравьиных тропах

Присмотритесь к муравейнику: во все стороны от него расходятся хорошо протоптанные дорожки, закреплённые муравьиной кислотой. Целыми днями кипит жизнь на этих дорожках, снуют неутомимые труженики-муравьи.

Большой лесной муравейник, колонию рыжих муравьёв, взяли под своё наблюдение наши помощники, юннаты зоопарка. От муравейника отходило пять дорог, и на двух расположились юннатские заставы.

Муравьиный рабочий день начинается в восемь часов утра и кончается в семь вечера. Одиннадцать часов непрерывного труда! И все одиннадцать часов муравьи, пополняя запасы продовольствия, тащат в свой город каких-то насекомых. Каких? Сколько? Это и нужно было узнать.

На двух дорогах в течение двух часов юннатские заставы реквизировали у муравьёв их добычу. Всё отнятое ребята складывали в баночки с формалином. Через два часа в баночках накопилось множество гусениц, личинок, жучков — и все вредные для леса. Среди многих десятков врагов растений попался лишь один друг: дождевой червь.

Но это только за два часа. А как в остальное время? Ведь в разные часы дня, в зависимости от «расписания» жизни насекомых, у муравьёв может быть разная добыча! Может, в другие часы муравьям попадутся не враги, а друзья леса? На следующий день юннатские заставы дежурили в иные часы; картина получалась такая же.

Потом ребята взялись за арифметику; сосчитали всё, что было в баночках, и стали решать задачу: если за два часа по двум дорогам муравьи пронесли три десятка различных вредных насе-

комых, спрашивается, сколько они пронесут за одиннадцатичасовой день по всем пяти тропам, ведущим в муравейник?

Решите-ка и вы эту задачу, ребята. Арифметический ответ вы получите сами, а биологический ответ на неё вот какой: надо не разорять, а охранять муравейники. Муравьи — наши друзья, защитники леса.

Значит, вы, пионеры, должны быть друзьями и защитниками муравьёв.

Жёлтый паук

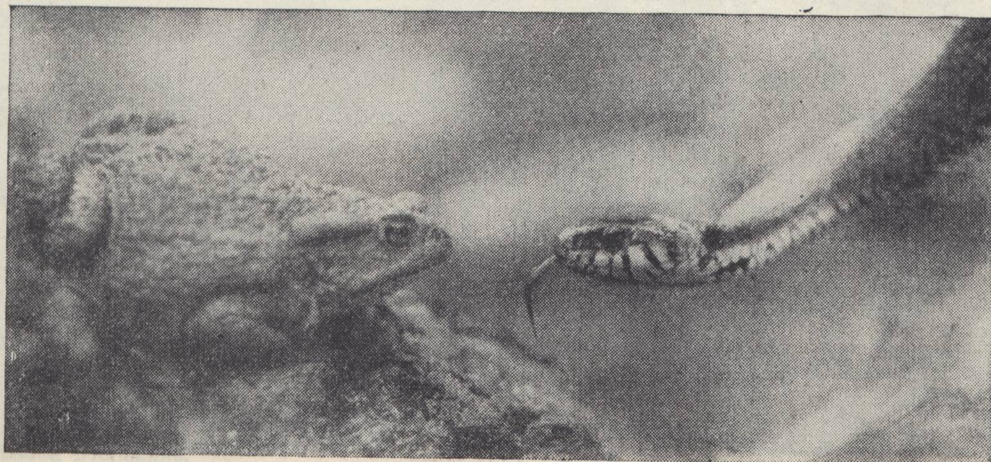
Это довольно крупный паук. Встречаются экземпляры величиной с ягоду смородины. Он яркожёлтого цвета и живёт только на жёлтых цветах, например, на сурепке, лютике, калужнице. Вы, конечно, понимаете, что это неспроста: на жёлтых цветах он почти невидим.

Жёлтый паук не плетёт паутины. Он сидит, притаившись, и ждёт. На цветок прилетают насекомые за сладким нектаром. Они запускают голову в венчик, а паук тут как тут: хватает челюстями вытянувшуюся шейку и перекусывает.

У этой истории, ребята, пока что нет конца. Конец зависит от вас, от того, как вы исполните моё поручение. Последите, пожалуйста, за этим жёлтым разбойником! Сосчитайте и запишите: сколько насекомых полезных и вредных он обезглавливает? Много ли пчёл среди его жертв. Я очень беспокоюсь за пчёл. Мне кажется, что жёлтый паук наносит им большой вред.

Чтобы наблюдать за жёлтым пауком, надо, разумеется, его увидеть. А увидеть его, как я уже говорил, не так-то легко. Но этой беде можно помочь.

Возьмите сачок, пойдите в луга или на поля, где много сурепки, и начинайте «косить» широкими взмахами сачка по верхушкам стеблей с соцветиями. Скоро в сачок набьётся много насекомых. Обязательно попадутся и эти пауки. Переселите их поближе к дому или к территории лагеря, на какую-нибудь поляну, где много жёлтых цветов. Посадите своих пленников на жёлтые венчики, дайте успокоиться, придти в себя и начинайте наблюдения. О том, что увидите и узнаете, пишите в «Пионер» для меня.

Как вы думаете, чем окончится эта встреча ужа и жабы?

НА НОВЫХ ЗЕМЛЯХ

Фотоочерк Е. Рябчикова и А. Гостева

Лето... На целинных землях Алтая, распаханных и засеянных нынешней весной, спеют янтарные зёрна в седых колосьях пшеницы, и густые хлеба волнуются под ветром, словно море.

Пройдут одна—две недели, и начнётся уборка урожая. Впервые пойдут по полям сильные комбайны. Впервые даст людям урожай целина, возделанная трудолюбивыми руками комсомольцев.

Я был в бескрайних алтайских степях совсем недавно, в мае этого года. Ясно и живо стоят у меня перед глазами картины целины, какой она была тогда. Зыбкое марево на горизонте, ковыль да полынь, суслики, торчащие «столбиками» около своих нор, одинокие точки коршунов в жарком небе — и степь, степь без конца и края. Можно ехать по степи десятки километров, не встретив ни селения, ни людей.

Но вот я вижу трактор, вестник нового, один из армии мощных машин, которые покорят целину. А что за странный длинный шест с пучком колючек воткнут около трактора? Зачем понадобился в степи этот знак? Пожалуй, вам трудно будет догадаться.

Такие шесты расставлены всюду по целинным землям. Это вехи для ориентировки трактористов. Представьте себе бесконечную степь, по которой нужно пройти трактору несколько километров, и вы поймёте, что тракторист может сбиться, потерять направление, повести пахоту и вкривь и вкось. Вот и выручают трактористов эти «маячки».

Со своим хозяином Митей Коммунаровым совершает длинные рейсы на тракторе пёс Угадай. День-деньской

проводит он в степи. Надоест Угадаю сидеть без дела, — он выпрыгивает из кабины и охотится за полевыми мышами да сусликами.

Поздно вечером возвращаются Митя и Угадай в полевой стан. Там стоит передвижной домик на колёсах — тракторный вагончик. Из этих вагончиков за один день вырастает в степи целый городок. Дом на колёсах удобен и уютен. В нём четырнадцать спальных мест. Остановится такой дом где-нибудь в степи, и сразу же начинают работать и душ и водопровод, а в холодные дни — паровое отопление.

Сюда, в полевой стан, к уютным и весёлым домикам-вагончикам, собираются после трудового дня и товарищи Мити Коммунарова. Весело стрекочут тракторы, возвращаясь с новорожденных полей.

Преобразилась ковыльная степь! Пришли сюда люди, а с ними — жизнь, труд. Звенит над неоглядными просторами весёлая комсомольская песня, песня молодых трактористов, покорителей новых земель:

Ехали друзья в дальние края,
Стали новосёлами и ты и я!..

Певец Тралялинский

Юлиан Тувим

Рисунки Е. Ведерникова.

Дивный город Спевовицы!
В переулке Веселинском
проживает знаменитый
тенор Тромбек Тралялинский.

У него есть жёнка —
пани Тралялёнка,
и сынок — Тралялёк,
и дочка — Тралялёчка,
и пёсик — Тралялёсик.

Ну а котик? Есть и котик —
презабавный Тралялётик.
Также есть и попугай —
глупый, важный Тралялай.

Ежедневно после завтрака
дружно, любо посмотреть,
домочадцы собираются,
чтобы песенку пропеть.

Сядут. Сам хозяин-щёголь
выпьет прежде гоголь-моголь,
после, язычком руля,
голос пробует: — Ля-ля!

По́днял палочку: «Внимание!» —
Умолкает вся компания.
— Все на месте? Не иначе ли?
Приготовились! И... начали!
Траля-ля,
траля-ля...

— Стоп! Кто в лес, кто по дрова.
Повторяем! Раз и два!
Траля-ля,
траля-ля...

Хор запел. Привольно, всласть
песня в доме разлилась.
Тромбек хо́ром управляет,
громче всех он распевает,
вторит жёнка — Траляlёнка,
и сынок — Тралялёк,
и дочка — Тралялёчка,
и пёсик — Тралялёсик.
Он, восторженно скуля,
подпевает: — Траля-ля!

Даже котик — Тралялётик:
— Мяу-мя,— разинул ротик,
даже мышка — Тралялишка,
всем известная трусишка,
несмотря на страшный риск,
издаёт из норки писк:
— Траля-ля,
траля-ля!

Льётся песня, мчится песня
с чердаков, с балконов, с лестниц,
из окошек, из прихожей...

Подхватил её прохожий,
а потом другой и третий —
люди взрослые и дети.

И газетчик — Тралялетчик,
и кухарка — Траляlярка,
адвокат, шофёр, и доктор,
и садовники из парка.

Льётся песенка, и скоро
подхватил её весь город —
старцы, мальчики, девицы,
ручейки, цветы и птицы,—
город солнечный, зелёный,
дивный город Спевовицы.

Траля-ля,
траля-ля...

Иголка и нитка

Ян Бжехва

Танцуют сегодня иголка и нитка,
иголка проворно, а нитка непрытко.

Иголочка лихо, с фасоном, бочком,
а нитка за нею вприпрыжку, бегом.

Но вот остановка:
то нитка неловко
запуталась вдруг,— и позор! —
сказала иголка
ехидно и колко:
— Какой вы неважный танцор!

Бегите за мной, а не шмыгайте в бок,
позвольте, я вижу на вас узелок.

Острила, смеялась над ниткой игла,
но всё же распутаться ей помогла.

И снова затеяли танцы и прятки,
ловили друг друга, кружились в присядке.

Плясали, пока не захныкала нитка:
— Гоняться за вами — ужасная пытка,
я еле дышу, я совсем измоталась,
ой-ой, от меня ничего не осталось.
— Ну что ж, отдохнем,— ей игла говорит.

Вот так был и фартук для девочки сшит.

Новоселье сверчка

Е. Зарембина

Дом сверчка-музыканта спалила война.
Неужели бездомным скитаться?
— Эй, друзья, выручайте! Мне помощь нужна.—
И уже муравьи суетятся.

Из соломенных брёвнышек стены кладут,
тащат листья на спинах улитки,
а кузнечики-плотники в дом волокут
мебель разную даже в избытке.

В сад с крыльца смастерил ему лесенку жук,
пчёлка мёд принесла и до блеска
навощила полы, а знакомый паук
на окошко соткал занавеску.

Из сосновых иголок забор окружил
новый дом. Не страшна теперь осень.
Двери, окна, калитку сверчок отворил:
— Эй, друзья мои, милости просим!

Прикатил виноградинку-бочку жучок,
и пошло здесь такое веселье,
что никто из гостей после вспомнить не мог,
как справлял у сверчка новоселье.

Перевёл с польского **С. Рунге.**

О Говарде Фасте, одном из замечательных писателей нашего времени, о его самоотверженной борьбе за мир, которую он ведёт, несмотря на полицейские гонения и преследования, о его гордой и честной душе можно написать хорошую книгу.

Есть у Говарда Фаста очерк «Пикскилл, США». В нём рассказывается о том, как честные американцы, вопреки запретам и угрозам фашистских организаций, не дали сорвать концерт знаменитого негритянского певца Поля Робсона. Всего несколько десятков страниц. Один лишь день из жизни маленького, безвестного пригорода Нью-Йорка. Но перед каждым, кто прочтёт этот очерк, встаёт картина современной Америки, борьба сил мира и войны, самоотверженный героизм, рыцарская честность простых людей и подлость озверелых фашистских погромщиков.

На страницах этого очерка вырисовывается и мужественный образ самого писателя-борца, хотя он говорит о других больше, чем о себе.

Говард Фаст родился в 1914 году. Он сын кузнеца. Для бедных людей Америка — страна не ласковая. С детских лет будущий писатель сам зарабатывал себе на хлеб: он был и разносчиком газет и мальчиком в мясной лавке, работал на табачной фабрике и на заводе. Об этих своих первых, трудных шагах в жизни он рассказал в повести «Дети».

Говард Фаст написал много хороших книг. Его романы «Последняя граница», «Дорога свободы», пьеса «Тридцать серебреников» широко известны в нашей стране и любимы не только взрослыми, но и юными читателями.

Во всех своих книгах Говард Фаст — борец. Каждое его новое произведение — это страстное выступление в защиту чести и свободы своего народа. И в жизни писатель такой же. Он был в числе инициаторов созыва Первого всемирного конгресса сторонников мира и сейчас является членом Всемирного Совета Мира. В прошлом году его благородная деятельность на этом поприще была отмечена международной Сталинской премией «За укрепление мира между народами».

Маленькая повесть «Тони и волшебная дверь», которую вы, ребята, прочтёте в этом номере, — одно из чудесных и глубоко волнующих произведений детской литературы. Оно освещено и согрето большой любовью к людям-труженикам. Тони живёт на грязных задворках трущобного рабочего района в Нью-Йорке. Фантазия переносит мальчика из сегодняшней Америки, где трудно живётся и тяжко дышится людям, в Америку прошлого, когда в тех местах, где ныне стоит город-спрут, жили свободные индейские племена.

Хорошая, чистая, поэтическая книга! И я уверен, что, прочтя её, вы, ребята, будете благодарны писателю за то, что он познакомил вас с маленьким американцем Тони Мак-Тэвиш Ливи.

Б. Полевой

ТОНИ И ВОЛШЕБНАЯ ДВЕРЬ

Говард Фаст **Рисунки Г. Филипповского.**

Моим детям и всем ребятам, которые не перестают спрашивать меня, почему я больше не пишу для них книжек.

Тони и учительница

— Почему,— спросил Тони Мак-Тэвиш Ливи,— почему вы всё время называете их дикими? Они совсем не дикие. Они такие же хорошие, мирные люди, как и все.

— Ах, вот как! — сказала мисс Клэтт, и на её лице появилось то особенное выражение, которое Тони так хорошо знал.— Ты хочешь сказать, Тони, что знаешь об индейцах больше меня?

Все в классе засмеялись — не тому, что сказала учительница, но тому, как она это сказала,— и все взгляды обратились на Тони. Все знали, что сейчас начнётся обычное представление, и приготовились поразвлечься; один Тони будто окаменел за своей партой, сжал губы и упорно смотрел прямо перед собой.

— Ну, так как же, Тони? — повторила мисс Клэтт.— Ты знаешь об индейцах больше меня?

— Нет.

— Но ты самонадеянно заявил, что они не дикие, а просто хорошие, мирные люди, как и все другие. Очевидно, ты знаешь об индейцах больше меня, раз так решительно мне возражаешь.

В наше время учитель, быть может, нашёл бы более тонкий подход к одиннадцатилетнему мальчику, но и этот разговор и все другие события, о которых я расскажу в этой книге, произошли в 1924 году. К тому же Тони Мак-Тэвиш Ливи доставлял мисс Клэтт немало неприятных минут. Всякий раз, когда только можно было, она старалась отплатить ему тем же. Не упустила она случая и на этот раз. Тони уже ступил на зыбкую почву, и мисс Клэтт твёрдо решила, что не оставит этого разговора до тех пор, пока он не увязнёт ещё глубже.

— Я вовсе не знаю об индейцах больше вашего,— тщательно подбирая слова, сказал Тони.— Но кое-что я о них знаю.

— Каждый из нас может сказать то же самое,— улыбнулась мисс Клэтт и вызвала этим в классе новый взрыв ехидного смеха.— Но ты, я вижу, очень много знаешь об индейцах. Откуда же это ты их так хорошо знаешь?

— Просто знаю, и всё.

— А, понимаю! — сказала мисс Клэтт.— У тебя, наверно, есть друзья среди индейцев?

— Да, есть.

Мисс Клэтт утихомирила снова разразившийся смехом класс. Те из учеников, кто хорошо знал её и Тони, почувствовали, что наступает критическая минута, и напряжённо ждали развязки.

— Так, значит, у тебя есть друзья среди индейцев, Тони? Может быть, целое племя?

— Просто я знаю одну индейскую деревню,— ответил Тони.

— Ах, вот что! И где же находится эта деревня, Тони?

— На северной окраине города,— решительно и в то же время безнадёжно ответил Тони.

Мисс Клэтт прищурилась. Она часто повторяла, что готова простить ребёнку всё, кроме лжи. К тому же она считала нужным «воспитывать на примере» и предпочитала не щадить чувств одного ребёнка, лишь бы остальные все поняли.

— Так, значит, у нас в городе есть индейская деревня, Тони, у тебя там живут друзья, и всё это в Нью-Йорке в 1924 году? Скажи же нам, где именно находится эта деревня и какое племя там живёт.

— До этой деревни часа три ходу,— ответил Тони печально, но упрямо,— там живут индейцы по имени весквейстики, и они совсем не дикие, а очень хорошие люди. Можете не верить, мне всё равно!

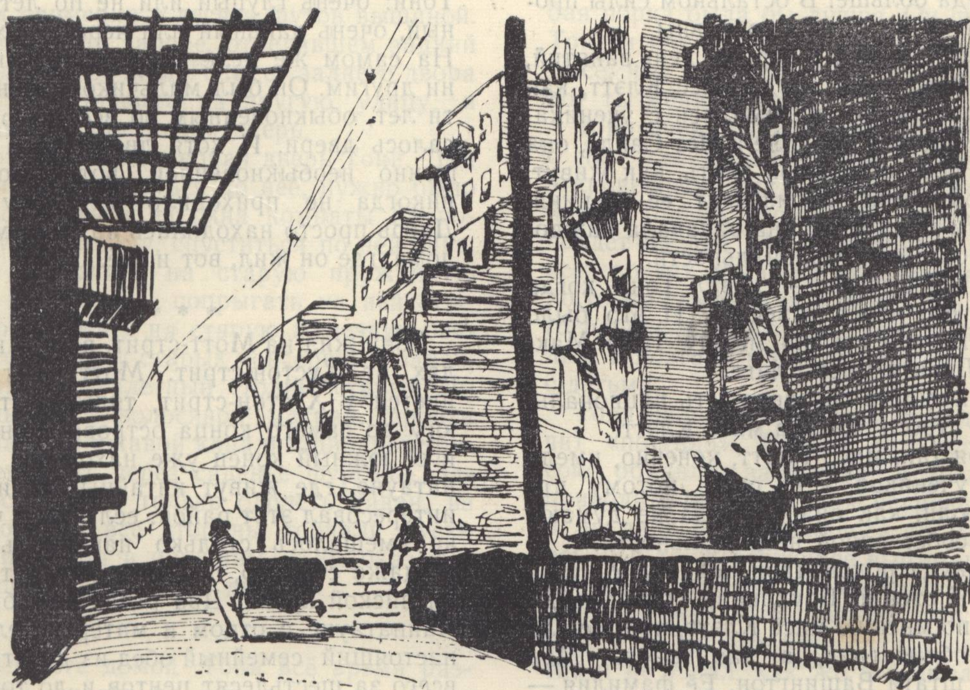
— Я не потерплю лжи! — сказала мисс Клэтт.— Тони, ты останешься в школе после уроков.

И Тони остался в школе после уроков. Значит, сегодня он не сумеет побывать за дверью, а это даже хуже, чем написать на классной доске триста раз «Я больше не буду лгать».

Потом Тони отпустили домой и дали записку к отцу, и это, конечно, было хуже всего.

* * *

Между Тони и мисс Клэтт постепенно разгоралась настоящая война, потому что никогда ни о чём на свете они не думали одинаково. Порознь они были совсем другие, чем вместе. А оказавшись вместе, они доставляли только неприятности друг другу и развлечение всему классу. Мисс Клэтт, довольно миловидная женщина,

для Тони оставалась только учительницей, а значит, её следовало остерегаться. Сам Тони, курносый, коренастый, веснушчатый мальчишка, в своей жизни испытал ещё не так много неприятностей,— где же ему было тягаться с мисс Клэтт, у которой их было куда больше! В остальном силы противников были примерно равны.

Борьба началась в первый день занятий, в первый же день, когда мисс Клэтт, как она выражалась, знакомилась с учениками. Преподавая в школе в Ист-Сайде, она считала себя обязанной знать, как живут, из какой семьи происходят её ученики. Под этим предлогом она задавала каждому вопрос о его национальности.

— У меня её нет,— сказал Тони, когда пришёл его черёд отвечать. И это было начало первой стычки между Тони Мак-Тэвиш Ливи и мисс Клэтт.

— У каждого человека есть национальность,— строго сказала мисс Клэтт.

Говоря так, мисс Клэтт, конечно, имела в виду учеников, а не себя, потому что такие люди, как она, никогда не думают о своей собственной национальности.

— Откуда родом твои родители?

— Мой отец из Бруклина,— ответил Тони, что, по мнению мисс Клэтт, прозвучало не как объяснение, а как вызов.— Моя мать из штата Вашингтон. Её фамилия — Мак-Тэвиш, но её мать была наполовину индианка и наполовину шведка. Её отец был шотландец, только его мать была гаитянка. А моя бабушка — это значит мать моего отца — итальянка, и меня назвали Тони в честь её отца; только он-то был француз из Марселя, но его отец и мать до того, как приехали в Марсель, были итальянцами, там вообще много итальянцев, но только его отец был наполовину немец.

— Чей отец? — воскликнула мисс Клэтт.

— Его дедушка,— ответил Тони, не переводя дыхания.— А мой отец — еврей, то есть его отец был еврей, а не моя бабушка, она была француженка, немка и итальянка, а дедушка был русский и литовец, и ещё он был еврей, а литовец женился на польке... Вот почему у меня её нет.

— Чего нет? — прошептала мисс Клэтт, чувствуя, что пол под её ногами колеблется, как зыбучий песок.

— Национальности нет,— сказал Тони,— кроме того, что мой отец переехал сюда из Бруклина в 1912 году.

Мисс Клэтт не стала продолжать этот разговор, но именно тогда в её отношениях с Тони впервые появилась трещина, которая никак не исчезала, а, напротив, день ото дня всё расширялась. Мисс Клэтт так и не могла решить, какой же Тони: очень глупый или не по летам умный, очень наивный или чересчур хитрый. На самом же деле Тони не был ни тем, ни другим. Он был мальчиком одиннадцати лет, обыкновенным во всём, что не касалось двери. И хотя дверь была совершенно необыкновенной, волшебной, это никогда не приходило в голову Тони. Дверь просто находилась на заднем дворе дома, где он жил, вот и всё.

* * *

Тони жил на Мотт-стрит, в двух кварталах от Хустон-стрит. Мотт-стрит начинается у Хустон-стрит, тянется от неё к югу до самого конца острова Манхэттен, и её южный конец уже находится в Чайнатауне, где живут китайцы. Тони очень интересовал этот район: если уж в человеке смешалось столько национальностей, то даже странно, почему в нём нет ещё и китайской крови. Два раза Тони бывал в Чайнатауне с отцом и матерью, ел здесь настоящий семейный обед из девяти блюд всего за шестьдесят центов и до того, как

обнаружил дверь, считал Чайнатаун самым интересным местом на свете.

Однако та часть Мотт-стрит, где он жил, находилась далеко от Чайнатауна. Она представляла собой ряд тесно прижатых друг к другу, совершенно одинаковых узких и старых жилых домов из красного кирпича. Тони жил в одном из таких домов, в квартире из трёх небольших комнат, на втором этаже, окнами во двор. Все три комнатки были очень маленькие, но каморка Тони — меньше всех. Здесь спал Тони; другая комната, чуть-чуть побольше, служила спальней его родителям, а в третьей — она же кухня — все они ели, разговаривали, работали,— словом , здесь протекала вся жизнь семьи.

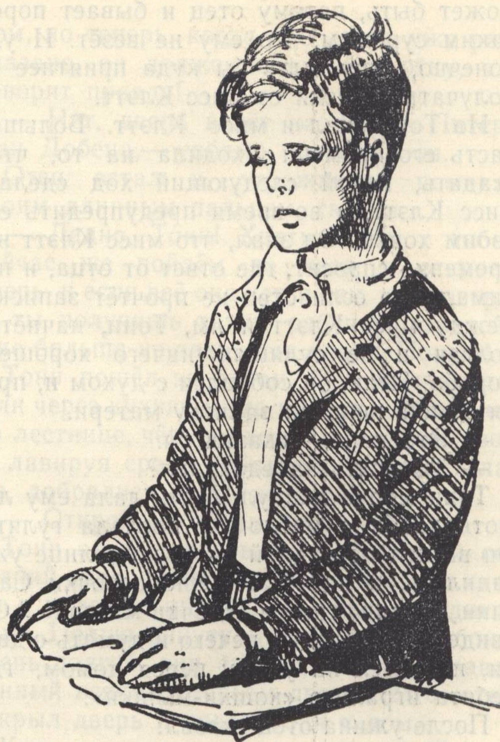
Семья жила очень бедно, но Тони не так уж ощущал это, потому что все, кого он знал, жили так же бедно или ещё беднее, а у него всё-таки была отдельная комната. В других семьях, где росли по трое, четверо, пятеро, а иногда и по десять детей, ни у кого никогда не было своей отдельной комнаты. А у Тони — единственного ребёнка в семье — была своя комната, и своё окно, и за окном — своя пожарная лестница. Он мог вылезти из окна на эту лестницу и по ней в три минуты добраться до двери — не двери дома, а той, в заборе, огораживавшем задний двор.

Видите ли, в доме, где жил Тони, был задний двор. Этот двор был огорожен забором примерно в десять футов вышиной. Вот в этом-то заборе, отделявшем задний двор дома, где жил Тони, от заднего двора дома, выходившего на другую улицу, и находилась маленькая дверь.

Это и была волшебная дверь Тони. Для того чтобы добраться до неё, нужно было только вылезти из окна комнаты на пожарную лестницу, спуститься по ней вниз, затем соскочить на старую пружинную сетку от кровати, попрыгать на ней немножко, вскочить на старую железную печку, обойти кучу старых консервных банок, сломанный туалетный столик, старый холодильник и волосяной матрац, пройти два шага по ржавой канализационной трубе, перелезть через сиденье фургона. Затем оставалось только одолеть диван, из которого во все стороны торчали куски обивки, пакля и пружины, и вы оказывались перед волшебной дверью.

* * *

По дороге домой Тони всё время размышлял, отдать ли записку мисс Клэтт

отцу или лучше открыть конверт, прочитать записку и изорвать её на мелкие-мелкие кусочки. Не то чтобы Тони боялся отца. Отец никогда его не порол, но у него была привычка смотреть на Тони, когда тот провинится, таким взглядом, что любая порка была бы лучше. Он смотрел на Тони и как будто говорил этим взглядом: «Всё, что я делаю, я делаю для тебя, а вот ты меня подвёл».

Тони очень любил отца, но не мог быть с ним так безоговорочно и безгранично откровенным, как с матерью. Тони знал: нужно только, чтобы отцу повезло, и всё пойдёт на лад. Но всем другим отцам во всех других домах на их улице нужно было то же самое. Как и отец Тони, они много работали, приходили домой очень усталые, и поэтому у них не хватало терпения с детьми.

Тони не очень хорошо понимал, что значит «повезло». Всякий раз, когда профсоюз объявлял забастовку и отец начинал приходить домой в самое неурочное время, а на лице его появлялось то мрачное, а порой и торжествующее выражение, которое всегда бывает у пикетчиков, Тони думал: «Может быть, теперь отцу наконец повезёт». Но этого не случалось, и Тони так и не узнал, как же это бывает, когда человеку везёт. Однако он чувствовал, что,

может быть, потому отец и бывает порой таким суровым, что ему не везёт. И уж, конечно, отцу было бы куда приятнее не получать записки от мисс Клэтт.

Но Тони знал и мисс Клэтт. Большая часть его времени уходила на то, чтоб угадать, какой следующий ход сделает мисс Клэтт, и во-время предупредить его своим ходом. Он знал, что мисс Клэтт непременно спросит, где ответ от отца, и понимал, что если отец не прочтёт записки, между мисс Клэтт и им, Тони, начнётся долгая и не сулящая ничего хорошего борьба. Итак, он собрался с духом и, придя домой, передал записку матери.

— Это папе,— сказал он.

— Ты опять набедокурил?

Тони молча кивнул. Мать дала ему ломоть хлеба с маслом и послала гулять. Он вышел на задний двор, но солнце уже садилось, и две маленькие девочки Сантини играли там в «дочки-матери». Он увидел, что сегодня нечего и думать о двери, и вышел на улицу перед домом, где ребята играли в «кошки-мышки».

После ужина отец сказал:

— Пойдём к тебе, сынок, нам надо поговорить.

— Ладно.

Они пошли в комнату Тони — сначала отец, за ним Тони. Оглянувшись, Тони увидел, что мать озабоченно смотрит им вслед, вытирая руки о кухонное полотенце, и её чёрные волосы, гладко зачёсанные назад, красиво блестят в свете лампы. Даже в эту минуту Тони подумал о том, какие у матери красивые волосы. Жалко, что она не может восхищаться им, Тони, так, как он всегда восхищается ею!

Тони сел на кровать, а отец опустился на единственный в комнате стул. Тони видел, что отец встревожен и не знает, с чего начать разговор. Но вот наконец он сказал:

— Ты знаешь, Тони, как я на тебя надеюсь?

— Угу.

— Может быть, если бы у нас с мамой была куча детей, всё было бы иначе. Но ты у нас один. Я много работаю, и я хочу, чтобы, когда ты вырастешь, тебе везло в жизни больше, чем мне.

— Я знаю, папа.

— Так вот, как ты думаешь, каково мне получить от учительницы записку о том, что ты опять лгал?

— Наверно, тебе очень неприятно, папа.

— И так глупо солгал... Ты сказал учительнице, что у тебя есть знакомые индейцы, целая деревня? Зачем ты это сказал?

— Потому что это правда. А она говорила нам об индейцах много неправды, и я так ей и сказал.

— Откуда ты знаешь, что она говорила об индейцах неправду?

— Потому что я знаю этих индейцев и очень дружу с ними,— ответил Тони.

— С какими индейцами?

— Из племени весквейстиков.

— Ну, уж мне-то ты не рассказывай сказки, Тони. Мне надоели твои выдумки.

— Да нет же, папа, я не лгу тебе и не лгал мисс Клэтт. Я ходил в индейскую деревню с Питером Ван Добеном.

— Кто такой Питер Ван Добен?

Тони глубоко вздохнул и сказал:

— Голландский мальчик.

— Какой голландский мальчик?

— У них есть ферма, и он мой товарищ.

— Довольно, Тони! Ты что, не понимаешь, что говоришь? Индейская деревня, ферма, голландский мальчик... Одна ложь за другой... Зачем ты выдумываешь? Неужели ты воображаешь, что я поверю этим сказкам?

— Нет,— ответил Тони,— наверно, не поверишь.

— Тогда зачем ты их рассказываешь?

— Потому что всё это правда.

Отец начал терять терпение:

— То есть как правда? Я знаю, что всё это выдумка. Видно, только хорошая порка может исправить тебя, Тони. Как ты можешь врать мне в лицо, что был в индейской деревне и на голландской ферме? Где ты их нашёл?

— Там,— ответил Тони упавшим голосом, показывая на окно.

— Тони!

— Я прохожу через дверь во дворе,— быстро сказал Тони, чтобы поскорее всё выложить и покончить с этим,— я прохожу через дверь во дворе и выхожу у амбара на ферме Питера Ван Добена. Там всё по-другому. Кругом только фермы и лес, и совсем нет улиц и таких домов, как наш. А если пойти по дороге на север, там будет индейская деревня, как раз посреди маленькой долины, которая тянется до Северной реки. Нужно спуститься в эту долину, и там есть тропа, проложенная индейцами через лес. Когда подбегаешь к деревне, начинают лаять собаки. Солнце светит сквозь листья, и от этого тропа вся жёлтая, и собаки жёлтые тоже, прямо как солнечные зайчики; они прыгают и возят-

ся вокруг тебя, но не кусаются, а только лижут руки. А потом уже видно деревню; там вигвамы из древесной коры, и пахнет вкусной едой, и повсюду лежат груды белых раковин, и расхаживают голландские купцы. Они покупают меха и всё время курят свои длинные трубки...

— Довольно, Тони!

— Но ведь ты меня сам спросил. Ты просил меня сказать тебе...

— Неправду?

Тони молча взглянул на отца.

— Видишь,— сказал отец уже мягче,— как одна ложь тянет за собой другую и как ты сам, сынок, осложняешь всё дело. Лучше и вовсе не начинать, так ведь?

— Наверно, так.

— Зачем же ты сочиняешь эти небылицы? Ведь мы с тобой знаем, что дверь в заборе ведёт на соседний двор. Верно?

Тони покачал головой. Ему до смерти не хотелось заводить этот разговор с отцом, но теперь, когда про дверь уже рассказано, он должен объяснить отцу, что говорит правду!

— Нет, дверь ведёт на ферму Питера Ван Добена,— упрямо повторил он.

Отец встал и, угрожающе помахав своим длинным пальцем, сказал:

— Ладно, Тони! Хватит! Мы с тобой сейчас же пойдём во двор и откроем дверь, и если всё окажется так, как говорю я, ты получишь такую взбучку, что тебе уже больше не захочется врать. Пошли!

Тони пошёл за отцом. Они молча прошли через кухню, мимо матери, спустились по лестнице, чёрным ходом вышли во двор и, лавируя среди наваленного всюду хлама, добрались до двери в заборе.

— Открой,— сказал отец.

Тони открыл дверь, и они увидели соседний двор, знакомые груды всякого хлама и красную кирпичную стену соседнего дома. Целую минуту, показавшуюся обоим очень долгой, они стояли, глядя на заваленный всяким старьём двор. Потом отец закрыл дверь и повёл Тони в дом.

Когда они поднимались по лестнице, отец сказал:

— Забудем про порку, сынок, скажи только, что ты больше не будешь лгать.

— Но я сказал правду, папа. Я знал, что при тебе ничего не получится, потому что ты не веришь.

— Ты утверждаешь, что не лгал?

— Я не лгал.

— Тогда придётся тебя выпороть. Иначе тебе, видно, не втолкуешь!

* * *

В тот вечер Тони долго не мог уснуть. Он не плакал, но чувствовал себя очень несчастным. А тем временем его родители сидели на кухне и разговаривали.

— Сегодня первый раз в жизни ты выпорол его по-настоящему,— сказала мать.

— Да, мне самому тяжело, но как же иначе доказать ему, что врать нельзя? Он так складно рассказывает эти небылицы, иногда мне даже кажется, что он и сам в них верит. Даже я чуть было не поверил ему, и это очень плохо. Дойдёт до того, что он не сможет отличить ложь от правды.

— Но ведь он хороший мальчик!

— Конечно, хороший. Я и хочу, чтобы он остался хорошим. Подумай только, рассказывает эту сказку об индейцах и даже придумал название для племени — веквейстики!

— Что, что?

— Он так назвал племя индейцев — весквейстики. Что и говорить, у мальчишки живое воображение!

— Да, правда. Но, по-моему, не стоит так расстраиваться из-за этого. Вы, мужчины, очень быстро забываете, что сами когда-то были мальчишками. Ты ведь признаёшь, что тебе и твоим товарищам по работе тяжело живётся; почему ты не хочешь понять, что Тони, да и любому ребёнку трудно жить и расти в такой вот каменной трущобе!

Через несколько минут отец надел пиджак и сказал, что пойдёт вниз выкурить сигару и подышать свежим воздухом.

Поиски «свежего воздуха» привели его к старому доктору Форбсу, местному врачу, который увлекался собиранием предметов индейского быта и историей индейских племён. Старый доктор Форбс сам был на одну четверть индеец и всё свободное время посвящал тому, чтобы узнать что-нибудь новое об этой своей четверти. Он объездил все индейские резервации в Америке и даже написал о них книгу. Отец Тони застал доктора в его маленьком кабинете. Доктор, в домашних туфлях и куртке, читал книгу об Ирокезской лиге. Вздохнув, он отложил книгу и снял очки:

— Здравствуйте, Ливи. Кто болен, жена или Тони?

— Нет, нет, на этот раз мы все здоровы. Я хотел вас спросить насчёт индейцев.

Доктор Форбс с облегчением улыбнулся и снова надел очки:

— Отлично! Усаживайтесь поудобнее. Не тревожат ли индейцы Мотт-стрит своими набегами?

— По-моему, давно не тревожат,— ответил отец Тони, усаживаясь в глубокое кресло.— А скажите, доктор, какие племена устраивали тут набеги в старину?

Доктор Форбс усмехнулся:

— Если вы пришли, чтобы выяснить именно это, то должен сказать, что вы столкнётесь с самым запутанным вопросом истории индейцев. По правде говоря, нет ничего сложнее и загадочнее, чем вопрос о том, какие индейские племена жили здесь в ту пору, когда голландцы поселились на Манхэттене... Мы знаем об этом очень мало, а то, что знаем, не так уж достоверно.

Возьмём, к примеру, первый вопрос: старожилам этих мест, вроде меня, известна легенда о том, что Питер Минуэт купил остров Манхэттен у индейцев за двадцать четыре доллара. В своём дневнике он записал, что заключил эту сделку с индейцами племени конарси. Ньюйоркцы и до сего дня подшучивают над бруклинским племенем, продавшим то, что никогда ему не принадлежало; это было, очевидно, первое жульничество в истории нашего острова. А на самом деле ни канарси, ни другие индейские племена, конечно, никогда не продавали Манхэттен.

— Почему? — спросил отец Тони.

— Потому, что он им никогда не принадлежал. Ни одно из живших здесь племён не имело ни малейшего представления о том, что такое собственность на землю. Они не могли продавать то, чего не имели. Индейцы канарси никого не обманули. Они просто считали деньги Минуэта подарком. Индейцы не говорили по-голландски, а Минуэт не говорил по-индейски, они подумали, что он даёт им деньги в подарок, и приняли их. Племя это платило дань Союзу шести племён — Ирокезской лиге, так же, как монтауки и рокавеи, хотя раританы, населявшие Статен-Айленд, возможно, не принадлежали к алгонкинам. Есть, знаете ли, ещё одна легенда, тоже украшающая репутацию нашего старого города: говорят, что жульничество было у раританов в крови — они продали Статен-Айленд по крайней мере пять раз пяти разным покупателям. На самом-то деле, как и все другие индейские племена, они не имели в то время ни малейшего представления о том, что вообще совершают какую-то торговую сделку.

— Минуточку, доктор Форбс,— сказал отец Тони, подумав, что если мальчик знает хотя бы четверть рассказанного сейчас доктором, придётся изменить мнение о сыне.— Вы сказали Союз шести племён, а потом ирокезы. Что такое Союз шести племён и кто такие ирокезы?

Доктор Форбс рассмеялся:

— Это — одно и то же. Прямо обидно, что у нас так мало знают о коренных американцах, об индейцах. Союз шести — это лига шести больших племён; посмотрим, сумею ли я перечислить их по памяти: кайюги, онодаги, могауки, потом, конечно, сенеки, онейды и... кто же остаётся? Да, тускароры. Насколько нам известно, это — первое крупное объединение наших индейцев, стоявших на пути к более высоким формам цивилизации, если можно так выразиться. Многие считают, что племена не могут стать на путь

настоящей цивилизации, строить города и так далее, до тех пор, пока не объединятся и тем самым не образуют нацию. Что ж, ирокезы уже стояли на этом пути, когда сюда пришли белые. У них уже существовало настоящее политическое объединение. Они строили большие деревянные дома и общественные здания. Они сеяли хлеб. Естественно, что они были достаточно сильны, чтобы навязывать свою волю соседним племенам, населявшим эти края вплоть до нынешней Мотт-стрит.

— А кто такие алгонкины?

— Это языковая группа. Мы к ней относим все племена, говорившие на родственных языках, и таким образом пытаемся проследить крупные перемещения и переселения племён по территории Америки. Очень интересно, что пять из шести племён, входивших в Союз, не принадлежали к этой группе. Среди специалистов существует мнение, что шесть племён или по крайней мере пять из них пришли сюда из Мексики. Видите ли, под властью мексиканских ацтеков жить было не очень-то приятно, они жестоко угнетали многие племена. Мы считаем, что эти пять племён ушли из Мексики и принесли с собой секреты многих ремёсел. Они с боями проложили себе путь на север, где теперь штат Нью-Йорк, в долину могауков.

— Но какие же племена жили на острове Манхэттен?

— Это тоже спорный вопрос,— ответил доктор Форбс.— Вот хотя бы само название — «Манхэттен». В книгах вы найдёте различные толкования этого слова. Пишут, что оно означает «Остров гор», «Большой водоворот» и многое другое. Но всё это догадки. Доподлинно нам известно только, что так или примерно так называлось небольшое племя индейцев, жившее где-то в районе Сорок второй улицы...

— Они назывались манхэттены? — перебил отец Тони.

— Или манахэттаны, или манахутаны. Мы точно не знаем... Кажется, мой рассказ вас успокоил?

— Да, успокоил,— сказал отец Тони.— Значит, других племён здесь не было?

— Нет, были, — ответил доктор Форбс.— Здесь жило племя гораздо более сильное, его селения находились между Бронксом и Вашингтон Хайтс...

— Минутку,— снова перебил его отец Тони,— а как они назывались, не весквейстики?

— Весквейстики? — доктор Форбс вдруг оживился.— Это необычное произношение, но оно гораздо логичнее того, которое нам известно. Мы обычно пишем векквейсгики, это почти невозможно произнести. Где вы услышали такое произношение?

— Когда-нибудь я расскажу вам,— сказал отец Тони.— Но, наверно, об этом племени можно прочитать в Публичной библиотеке?

— Хороший исследователь мог бы раскопать упоминание о нём,— сказал доктор Форбс.— Мы, пожалуй, кроме названия, ничего о нём не знаем, разве только, что это был добрый и справедливый народ. Можно сказать, хороший народ.

— Понятно,— сказал отец Тони, встал, попрощался и пошёл домой.

— Ну как, выкурил сигару?—спросила мать Тони, когда он появился на пороге.

— По правде говоря, я про неё забыл.

Потом он зашёл к Тони. Мальчик спал. Комната была залита лунным светом, и Тони улыбался во сне, как будто ему снилось что-то очень хорошее и поистине необыкновенное.

Тони и старый доктор Форбс

Мисс Клэтт была терпелива, но её мучили бесконечные заботы. Она преподавала в то время, когда в наших школах ещё не существовало современных учебных пособий. На её уроках в переполненном классе сидели за партами живые и подвижные дети — сорок четыре человека. Поэтому в том, что произошло между ней и Тони, мисс Клэтт виновата так же мало, как и он. Быть может, она всё же справилась бы с сорока тремя учениками, но сорок четвёртый оказался последней каплей, переполнившей чашу; к тому же сорок четвёртый был Тони Мак-Тэвиш Ливи.

Вот почему нельзя осуждать мисс Клэтт за то, что в тот солнечный день её раздражало мечтательное настроение Тони, глядевшего, не отрываясь, в окно. Мечтательная рассеянность скоро охватила весь класс, точно какое-то поветрие. Ведь это был первый весенний, солнечный денёк, словно созданный на радость ребятам и на беду тем, кто их учит.

Хотя мисс Клэтт рассказывала урок, Тони её не слушал, мысли его были далеко. Если схематически изобразить, как совпадали или, вернее, не совпадали мысли Тони с тем, что говорила мисс Клэтт, получится примерно так:

Мисс Клэтт. Капитан Гендрик Гудзон провёл свой корабль «Полумесяц» мимо Сэнди Хук в Лоуэр Бэй в сентябре 1609 года.

Тони. «Интересно, как называется старое, высохшее дерево там, за окном?»

Мисс Клэтт. «Полумесяцу» удалось добраться до самого острова Касл.

Тони. «Наверно, это платан. Только платаны и могут расти на Мотт-стрит».

Мисс Клэтт. Дело в том, что капитан Гудзон искал легендарный морской путь через наш континент.

Тони. «А вот воробей. Забавная птичка! Даже в сильные холода в Нью-Йорке всегда увидишь воробья».

Мисс Клэтт. «Полумесяц» был первым европейским кораблём, вошедшим в устье Северной реки.

Тони. «Он называется «английский» воробей. Наверно, потому, что его вывезли из Англии. Ни разу не видал таких птичек по ту сторону двери. Ну-ка, а какие же там птицы?».

Мисс Клэтт. Но когда капитан Гудзон убедился, что нашёл не морской пролив, а только реку, это было для него величайшим разочарованием.

Тони. «Ведь по ту сторону двери очень много птиц. Я видел, там есть и дрозды, и малиновки, и поползни, и колибри, и дятлы...»

Мисс Клэтт. Тони!

Тони. «А вот английских воробьев там нет. Значит, правда, что их вывезли из Англии? Интересно, что получится, если такой воробей залетит за мной через дверь? Он будет там, когда его там ещё не было, и совсем не нужно будет вывозить его из Англии».

Мисс Клэтт (гораздо громче и строже). Тони!

Имейте в виду, не один Тони размечтался и не слушал урока. В классе было ещё сорок три человека — и всех до единого, мальчиков и девочек, тоже охватила весенняя лихорадка, но у них она проявлялась иначе. Они ёрзали и вертелись за партами, почёсывались, перешёптывались и гримасничали. Если бы и Тони делал что-нибудь в этом же роде, мисс Клэтт терпеливо перенесла бы это. Её раздражённый оклик был вызван именно тем, что Тони застыл на месте и уставился в окно неподвижным взглядом лунатика.

— А?.. Да, мисс Клэтт,— отозвался он, приходя в себя.

Мисс Клэтт в своём рассказе уже успела уйти на несколько столетий вперёд от того дня, когда капитан Гудзон открыл Северную реку. Она только что задала вопрос и поэтому спросила сердито:

— Тони, если ты слышал мой вопрос, отвечай, пожалуйста!

Мисс Клэтт спрашивала про Уолл-стрит и постройку стены, от которой улица получила своё название. В наше время Уолл-стрит, расположенная в центре Нью-Йорка,— это улица огромных домов, где вершат свои дела крупные монополии. Мисс Клэтт только что рассказывала о том, что давным-давно, когда Нью-Йорк был ещё всего-навсего маленькой голландской деревушкой, Питер Стайвесант выстроил стену вдоль всего посёлка, от реки до реки, для защиты голландских поселенцев от набегов индейцев. После этого мисс Клэтт и задала вопрос о том, когда и зачем была построена стена.

По правде говоря, Тони не слыхал вопроса, как не слыхал и предшествовавших пояснений мисс Клэтт, так что он и сам не знал, почему он сказал в ответ:

— Незачем было строить стену для защиты от индейцев. Индейцы никогда никого не трогали, пока минхер Ван Дайк не убил бедную Драмаку из-за персика. Он был дурной человек, и если бы поселенцы выдали его индейцам, как предлагал отец Питера, всё обошлось бы хорошо и не пришлось бы строить стену.

— Что такое! — воскликнула мисс Клэтт.— О чём ты говоришь?

— О стене на Уолл-стрит.

— Тони Мак-Тэвиш Ливи, какое отношение имеет вся эта чепуха к стене на Уолл-стрит?

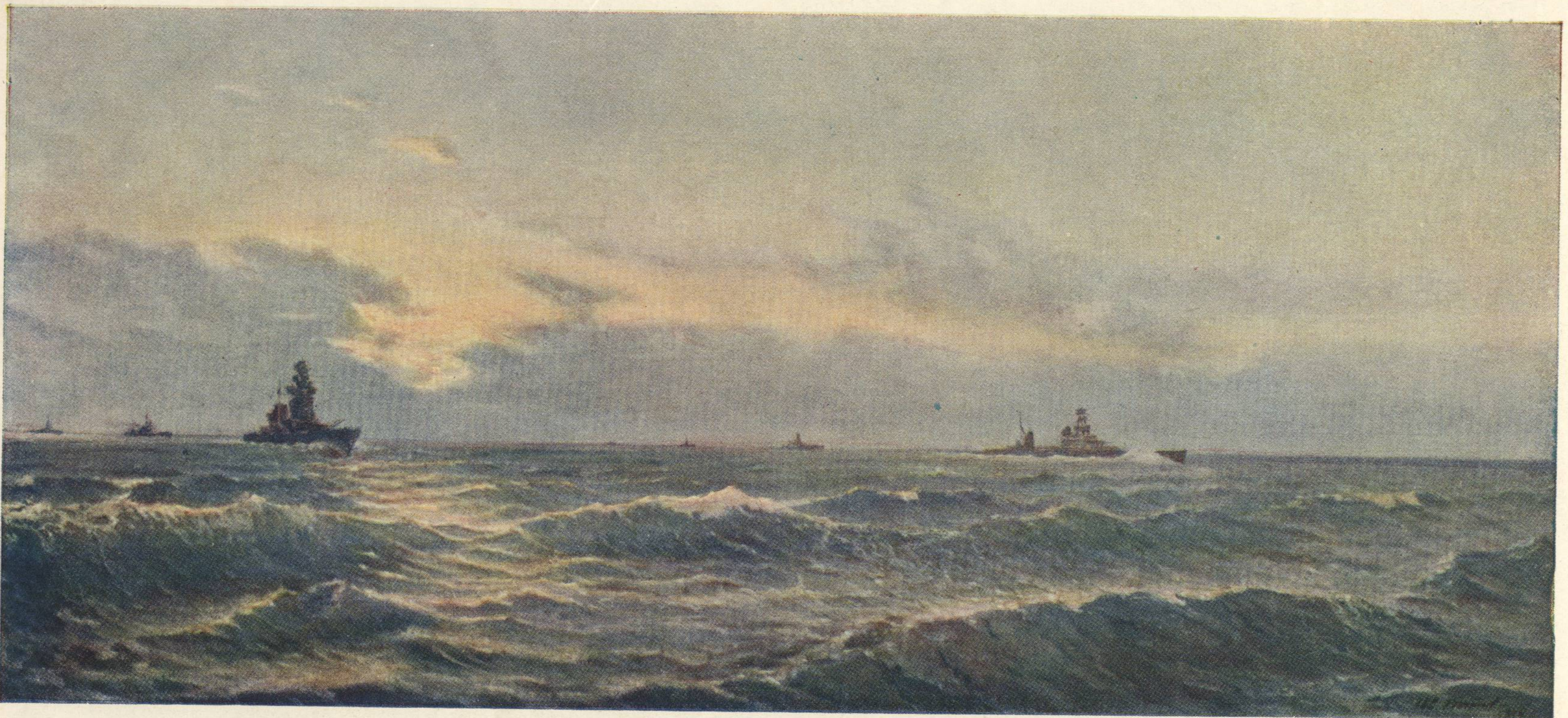
— Я думал, что вы спросили меня, зачем построили эту стену,— сказал Тони.— Вот я и объяснил, что старик — ну, то есть Стайвесант — Деревянная нога,— построил её, потому что поселенцы были недовольны им. А поселенцам стена была вовсе не нужна. Минхер Ван Дайк не имел права застрелить женщину из-за персика. Всегда все обвиняют во всём индейцев, но предположим...

Класс покатывался со смеху, а мисс Клэтт закричала в полном отчаянии:

— Довольно, Тони, хватит!

* * *

Тони играл во дворе, когда мисс Клэтт в тот же день пришла поговорить с его матерью. Мисс Клэтт считала своим долгом зайти к миссис Ливи. Она объяснила:

В ПОХОДЕ.

И. Титов.

КИНО НА ЛИНКОРЕ.

П. Мальцев.

— Если бы Тони был, что называется, просто скверный мальчишка, я бы не стала беспокоиться. Думаю, что я сумела бы справиться с ним.

— Тони — неплохой мальчик,— сказала миссис Ливи.

— Конечно, неплохой, совсем неплохой. Только у него уж слишком живое воображение, поэтому он рассказывает самые дикие небылицы. Не знаю, откуда он их берёт и где слышит, но беда в том, что он срывает дисциплину в классе.

«Кроме того, он ставит меня в дурацкое положение»,— мысленно добавила мисс Клэтт, но не сказала этого вслух.

— Да, у нас были с ним неприятности из-за этого,— согласилась миссис Ливи.— Не понимаю, зачем Тони так сочиняет, ведь во всём остальном он хороший мальчик.

«Может быть, и в этом он остаётся хорошим»,— подумала она про себя. Её обижало, что мисс Клэтт называет Тони лгуном. Люди, не способные понять душу ребёнка, всегда готовы считать детей лгунами. Но ведь ребёнку очень часто кажется, что воображаемый мир существует на самом деле и он совсем не лжёт, рассказывая об этом мире. Миссис Ливи спрашивала себя, правильно ли говорит её муж, что такие люди, как мисс Клэтт, до тех пор не смогут любить детей и заниматься ими по-настоящему, пока они не добьются, чтобы им самим жилось лучше. В самом деле, ведь учителя зарабатывают такие жалкие гроши, может быть, этим всё и объясняется?

— Вот на сегодняшнем уроке истории...— снова заговорила мисс Клэтт и рассказала все, что произошло.

Мать Тони подумала о двери в заборе, о которой говорил ей муж, и хотела уже рассказать о ней мисс Клэтт, но в последнюю минуту раздумала и промолчала. Позже она поняла, почему: она была почти уверена, что, услышав о волшебной двери Тони, мисс Клэтт будет смеяться. А она считала, что никто не имеет права смеяться над этим.

— Нужно отучить его от таких выдумок,— решительно сказала мисс Клэтт.

— Хорошо,— согласилась мать Тони.— Я поговорю с мужем.

— Этого мало. Я полагаю, что вам понадобится помощь,— сказала мисс Клэтт.

— Помощь? Какая помощь? Мы всегда воспитывали Тони без посторонней помощи.

— Помощь врача,— назидательно сказала мисс Клэтт.

— Вы хотите сказать, что Тони нездоров? Нет, Тони — нормальный, здоровый мальчик. Просто у него чересчур развито воображение, вот и всё.

— И всё же лучше такие вещи прекращать в зародыше. Я бы на вашем месте подумала об этом.

— Я подумаю,— холодно ответила мать.

И после ухода мисс Клэтт она действительно долго обдумывала этот разговор.

* * *

А пока они разговаривали, Тони сидел на сетке от кровати на заднем дворе и разглядывал дверь. Это была обыкновенная дверь из сосновых досок, скреплённых планками сверху, снизу и наискось. В общем это был простейший тип двери из известных человечеству, и эта конструкция совсем не изменилась за последнее тысячелетие. Тони не очень ясно представлял себе, что такое тысяча лет, но он хорошо помнил, что другая сторона двери, та, которая видна со двора фермы отца Питера Ван Добена, сделана точно так же. А впрочем, это странно: ведь все другие двери в усадьбе Ван Добенов устроены на голландский манер — из двух половинок, одна над другой, так что получаются как будто две двери в одном проеме.

Но дверь в заборе была обыкновенной дощатой дверью, и, рассматривая её, Тони волей-неволей признал, что в ней нет ничего особенного. Она вела с их двора на примыкавший к забору двор дома, выходившего на соседнюю улицу, и сделана была еще в то время, когда проход во двор был необходим и удобен. Дверь давно стала ненужной, железная щеколда заржавела и поднималась с трудом, а металлические петли громко и жалобно скрипели всякий раз, когда дверь открывали. Как и забор, дверь была выкрашена зелёной краской, выцветшей и облупившейся. Такого зелёного цвета не увидишь больше нигде в мире, только на заборах задних дворов Нью-Йорка, точно так же нигде больше не встретишь сумах — деревцо нью-йоркских дворов,— смело пробившееся сквозь старую сетку от кровати.

«Конечно,— признался себе Тони,— каждый разумный человек, особенно эти поразительно неразумные разумные люди, которые перестали быть детьми и стали взрослыми, уверены в том, что, открыв дверь, можно увидеть только двор за забором!» Так и случилось, когда отец от-

крыл дверь. Однако Тони казалось вполне естественным, что дверь ведёт не только в совершенно другое место, но и в совершенно другое время.

Вопрос о месте и времени никогда не смущал Тони. Можно открывать эту дверь тысячу раз и всякий раз видеть только кучу хлама — неотъемлемую принадлежность всех задних дворов этого района. Сколько раз с ним так бывало! Но однажды наступил день, когда у Тони появилось какое-то особенное чувство, и с этого времени он уже не открывал дверь, пока не появлялось это чувство. Когда это случилось впервые, он пошёл прямо к двери и открыл её — и там увидел... Увиденное не поразило его, не озадачило и даже ничуть не удивило. Так оно и должно было быть: дверь вдруг превратилась из обыкновенной в волшебную и открывалась в далёкое прошлое, в то прошлое, когда остров Манхэттен был одним из прекраснейших уголков земли, когда его ещё не безобразили высокие, уродливые здания и не пересекали грязные улицы; нет, кругом расстилались только зелёные пастбища и густые леса и были разбросаны маленькие фермы голландских поселенцев.

Тони знал, что из всех чудесных вещей, которые он видел в своей жизни, самое чудесное — эта волшебная дверь. И он спрашивал себя: зачем он стал рассказывать про неё? Что-то подсказывало ему, что путь через дверь очень ненадёжен; тут есть какое-то хрупкое равновесие, и даже разговоры о двери могут разрушить его, особенно разговоры с людьми, которые не верят Тони и не понимают его.

И всё же волшебная дверь была так реальна, что Тони не мог не говорить о ней. Вот, например, сейчас перед ним дверь, он смотрит на неё, и в нём, Тони Мак-Тэвиш Ливи, возникает странное чувство: тут и волнение, и ожидание, и радостное предвкушение. Когда у него появлялось такое чувство, он знал, что таит за собой дверь. У него не было никаких сомнений в том, что произойдёт, если он сейчас её откроет.

Тони лениво растянулся на сетке. С улицы доносились топот и голоса играющих детей. Но Тони не хотелось идти к ним, он даже жалел этих ребят. Разве можно сравнить их игры с его волшебной дверью? И нет у него среди них ни одного такого друга, как Питер Ван Добен.

«Интересно,— думал Тони,— что делает сейчас Питер?» Что ж, на этот вопрос можно ответить, только посмотрев своими глазами. Тони встал и направился к двери. Улыбка ожидания осветила его лицо, он открыл дверь и вошёл.

* * *

— Мисс Клэтт любит совать свой нос в чужие дела,— сказал отец Тони вечером, когда узнал о посещении учительницы.

— Пусть так,— сказала миссис Ливи.— Но у неё и так много хлопот, а тут ещё Тони...

— Почему он лжёт? — спросил отец.

— Может быть, ему кажется, что он говорит правду,— ответила мать.— Ты же знаешь, у детей это бывает.

— Знаю, но у других детей не так. Другие дети играют...

— Тони тоже играет.

— В эту дверь и в свои небылицы? Что за человек из него вырастет, если он будет так завираться?

— Не так уж страшно он завирается.

— Очень даже страшно. Мне совестно слушать его. Я мог бы понять, если бы мальчик лгал по необходимости, чтобы избавиться от наказания. Скверно, но по крайней мере понятно. Но ему, как видно, просто нравится лгать. И ведь вот беда, иногда он лжёт так убедительно, что я сам почти начинаю верить ему. Теперь, когда я смотрю на эту дверь, у меня каждый раз появляется странное чувство.

— Понимаю, — кивнула мать,— но это совсем не значит, что мальчик болен. Не надо делать глупостей. Это игра, он сам скоро забудет про свою дверь.

— Ты думаешь, не надо вести его к врачу?

— Конечно, нет! Он ведь здоровый мальчик. И хороший мальчик. Куда он делся, хотела бы я знать?

Как будто в ответ на её слова в комнату вошёл Тони; штаны его были порваны на коленях, один чулок спустился. Его лицо пылало радостью и торжеством, которые он не в силах был скрыть, а через всю щеку шла яркокрасная царапина.

— Вот и я, — сказал он. — Добрый вечер!

— Ты дрался, Тони? — спросил отец.

— Нет.

— Откуда же эта царапина?

— Поцарапался, и всё, — ответил Тони, пожав плечами.

— А как это случилось? Ты не хочешь рассказать?

— Ты всё равно не поверишь!

— Почему?

— Потому что я поцарапался там, за дверью.

— За какой дверью? — спокойно спросил отец.

— За дверью в заборе.

— Ты хочешь сказать, что поцарапался на соседнем дворе?

Тони замялся на секунду, потом сказал:

— Нет, я поцарапался, когда играл с индейцами в «сум-во».

— Так, — сказал отец. — Теперь всё ясно. Мы сегодня же идём к доктору.

* * *

Тони, как и почти все ребята с Мотт-стрит, любил старого доктора Форбса. Есть люди, которые, старея, отдаляются от детей; другие, наоборот, приближаются к ним. Таким был доктор Форбс. И вот Тони с отцом пришли в кабинет доктора Форбса. Вся обстановка этой комнаты — дипломы, предметы одежды и обихода индейцев, развешанные по стенам, книги, банки и бутылки с какими-то странными препаратами — удивительно подходила самому хозяину. Доктор сидел в большом чёрном кожаном кресле; из него — не из доктора, а из кресла! — повсюду торчала набивка, и везде — на кресле и на других вещах — лежал толстый слой пыли: доктор давно овдовел, и это сразу видно было всякому, кто входил к нему в дом.

Доктор сдвинул очки на лоб, сложил свои пухлые руки на круглом брюшке, придававшем ему весьма почтенный вид, и с интересом, даже с восхищением стал разглядывать Тони.

— Давайте-ка мы с Тони поговорим с глазу на глаз, — сказал он мистеру Ливи. — Вы посидите в приёмной и почитайте «Географический журнал», а мы с Тони побеседуем об этой самой двери, как мужчина с мужчиной. Я больше всего на свете люблю беседовать про двери, особенно про те, которые открываются. В наши дни слишком много дверей закрыто наглухо.

Отец Тони согласился, чувствуя при этом некоторое облегчение. Он вышел в приёмную и начал читать в «Географическом журнале» про Тибет, а доктор Форбс улыбнулся Тони и вытащил коробку драже.

— Я их прячу, — объяснил он, — по привычке. Мне приходилось прятать конфеты от дочерей. Мои две дочери всегда боялись, что я располнею и у меня вырастет брюшко. Они уже замужем, и у ме-

ня уже давно брюшко, а я всё прячу драже по привычке. Возьми красные. Они с анисом. Так, значит, никто не верит тебе, когда ты рассказываешь про дверь?

— Кажется, никто, — ответил Тони, набивая рот конфетами.

— Насколько я понимаю, — сказал доктор Форбс серьёзно, без тени насмешки в голосе, — дело происходит так: у тебя появляется какое-то особенное чувство, и ты уже знаешь, что тебя ждёт. Ты открываешь дверь, проходишь через неё и оказываешься во дворе Питера Ван Добена, который жил очень-очень давно, когда Нью-Йорк был ещё маленькой голландской деревушкой. Правильно, Тони?

— Да, сэр, — кивнул Тони.

— Таким образом, ферма Ван Добена должна находиться на углу нынешней Мотт-стрит и Хустон-стрит. Это можно проверить,— сказал доктор Форбс, хотя после того, как мистер Ливи рассказал ему о племени весквейстиков, он сомневался, стоит ли проверять утверждения Тони.— Это ферма, Тони?

— Вы бы назвали её фермой, доктор. Питер её называет иначе.

— А как её называет Питер?

— Бауери, — ответил Тони.

Доктор Форбс в замешательстве поперхнулся и протянул Тони коробку с драже. Тони взял две красные и одну зелёную и стал грызть их с видимым удовольствием. Давно он уже не чувствовал себя так спокойно.

— Ну, а сегодняшние неприятности на уроке, — продолжал доктор Форбс, — начались из-за Уолл-стрит? Как я понял, ты сказал, что незачем было бы строить стену, если бы этот дурак и подлец Ван Дайк не застрелил бедную индианку. Я с тобой согласен, хотя есть люди, которые воображают себя специалистами по истории Нью-Йорка и притом утверждают, что стена была выстроена до этого случая. Всё это ты мог узнать за какой-нибудь час в библиотеке. Но ты, кажется, знаешь даже, как звали эту индианку, хотя до сих пор её имя оставалось неизвестным.

— Всем известно её имя, — ответил Тони. — Питер рассказал мне всё на другой же день. Её звали Драмака.

«Алгонкинское имя»,— подумал доктор Форбс. Он всегда подозревал, что на острове Манхэттен жили индейцы алгонкинской группы. Но уже через секунду доктор рассмеялся про себя, поняв, что всерьёз поддался игре.

— Она была дочерью вождя, — продолжал Тони.

— Погоди-ка! — воскликнул доктор Форбс, которому впервые изменили спокойствие и невозмутимость. — У них не было вождей. Весквейстики не имели вождей!

— Нет, у них были вожди, — настойчиво повторил Тони. — Я знаю, потому что это случилось, когда вожди пришли от ирокезов. Старик послал за ними.

— Какой старик?

— Стайвесант. Мой голландский товарищ всегда его так называет — старик.

— Ты ешь, ешь драже, — сказал доктор Форбс, подходя к шкафчику и наливая себе стакан брэнди. Он залпом проглотил брэнди, спрятал бутылку и, повернувшись к Тони, уставил на него пухлый указательный палец:

— Правда, я слышал легенду, будто три ирокезских вождя приходили к Питеру Стайвесанту по его приглашению, но я ей никогда не верил. Зачем им было приходить?

— Не знаю, — ответил Тони. — Знаю только, что я их видел.

— Где? Наверно, за этой твоей проклятой дверью?

Тони кивнул.

— Их военная лодка стояла на канале, — сказал он безнадёжным тоном, думая про себя, что теперь и доктор Форбс, как все остальные, перестанет верить ему. А доктор Форбс в это время мысленно отчитывал себя.

«Ну вот, — говорил он себе. — Теряешь самообладание из-за мальчишеской фантазии. Как же ты ему поможешь, если сам начинаешь кричать на него? Нужно опровергнуть его выдумку, проколоть её, как мыльный пузырь, чтобы она лопнула сама собой. Покажи ему, что всё это существует только в его воображении. Не называй его лгуном, но сделай так, чтобы он понял, что это выдумка».

Сказав себе всё это, доктор Форбс опустился в чёрное кожаное кресло и взял ещё одну конфетку.

— Что ж, Тони, — сказал он, — ты нашёл чудесную дверь, действительно волшебную. Я бы сам хотел пройти через неё на ту сторону. Но, конечно, там трудно договориться. Ведь они говорят по-голландски, правда?

— Да, — сказал Тони.

— Значит, с ними нельзя разговаривать, не зная голландского языка?

— Нельзя, — кивнул Тони.

— Но ведь ты не умеешь говорить по-голландски? — спросил доктор.

— Немножко умею, — ответил Тони.— Я научился немного говорить по-голландски, а Питер — по-английски. Так мы и разговариваем.

— Понятно,— сказал доктор Форбс, и глазом не моргнув.— Ты, наверно, и со мной можешь говорить по-голландски?

— А вы знаете голландский язык?

— Я говорю по-немецки и понимаю по голландски. Если ты что-нибудь мне скажешь, я пойму. Ну, спроси, скажем, как меня зовут.

— Хо хеет у? — спросил Тони.

Доктор Форбс поперхнулся от неожиданности и опять потянулся за драже.

— Хо маакт у хет? — сказал Тони.

— Что?

— Простите, доктор. Вы изменились в лице, я и спросил, что с вами. Я как-то забыл, что больше не надо говорить по-голландски.

— Ты и впрямь нашёл волшебную дверь,— медленно сказал доктор Форбс.— Она даже меня на минуту заставила забыть, что я доктор, такая она волшебная. У тебя на щеке изрядная царапина. Дай-ка я её промою.

Чувствуя, что необходимо поскорее переменить разговор, доктор Форбс поднялся, нашёл бутылку перекиси водорода и промыл царапину на щеке Тони.

— Где ты поцарапался? — спросил он.

— Играл в «сум-во».

— «Сум-во»?

— Это индейцы так играют, — стал смущённо объяснять Тони. — Сегодня мы с Питером ходили в индейскую деревню. Сперва они нас не принимали в игру. Потом приняли. Там я и поцарапался.

— А как играют в «сум-во»? —спросил доктор Форбс.

— Мячом, — ответил Тони. — Мяч величиной с большой апельсин. В каждой команде по двадцать два игрока, играют иногда ребята, а иногда взрослые, но всегда начинается с того, что «патрия» бросает на поле мяч...

— Как ты его назвал?

— «Патрия». Так его называет Питер и отец Питера тоже. Он старый-старый и считается отцом всей деревни. Ему почти ничего не приходится делать,— он только сидит на солнышке и разрешает споры, особенно когда ребята заспорят. А иногда он ещё начинает игру. Вот, как в «сум-во», бросает мяч. Индейцы называют его «па-та-ло», а мы с Питером зовём «патрия». Он даёт нам кусочки рыбы, сладкой, как конфеты, потому что она сварена в кленовом сиропе. Ну вот, он начинает игру: бросает мяч в воздух, а кто-нибудь подхватывает мяч своей клюшкой и отбивает его.

— А как выглядит эта клюшка, Тони? — перебил доктор Форбс.

— Да просто ореховая палка, с одного конца она загнута, как ручка у трости, а между самой палкой и загнутой частью натянута сетка из полосок сыромятной кожи; ею ловят и бросают мяч.

— Ага, травяной хоккей. Где ты видел эту игру, Тони?

— Я не знаю, что такое травяной хоккей,— ответил Тони.— Но сегодня они приняли нас с Питером в игру, тогда я и поцарапался.

Доктор Форбс долго сидел молча, склонив голову набок, потирал лысину и задумчиво глядел на Тони. Наконец он сказал:

— Давай доедим драже, Тони.

Оба принялись грызть конфетки. Когда съели все до единой, доктор Форбс опустил очки на нос и, задержав свой взгляд на Тони ещё на мгновение, произнёс:

— Ты собираешься опять пойти туда?

— А вы никому не скажете?

— Ну, друг мой, ты и представить себе не можешь, сколько секретов хранится в моей старой голове.

— Не могу, — признался Тони.

— А что, если ты мне принесёшь что-нибудь оттуда?

— Из-за двери? — спросил Тони.

— Ага.

— По-моему, это будет нехорошо.

— Ты ведь знаешь, что я собираю предметы обихода индейцев,— продолжал доктор Форбс. — Мне бы очень хотелось иметь пару таких клюшек, да и мячик не помешал бы...

Тони смотрел на него озадаченно.

— Подумай об этом, Тони, подумай. И если решишь оказать мне, старому чудаку, услугу, я буду тебе весьма благодарен. Ну, а теперь беги домой, а я потолкую с твоим отцом.

Но когда Тони выходил из кабинета, доктор Форбс остановил его вопросом, задав который, он тотчас почувствовал себя дураком, что уж вовсе не к лицу почтенному домашнему врачу.

— Тони, — сказал он, — помнишь, ты

говорил, что три ирокезских вождя приплыли по реке повидаться с Стайвесантом — Деревянной ногой?

— Он терпеть не мог, когда его называли «Деревянная нога». Его так дразнили ребята, и он всегда гонялся за ними с палкой.

— Так, так. Но вернёмся к ирокезским вождям. Как они были одеты? Ты ведь сказал, что видел их?

— На них были длинные плащи, — начал рассказывать Тони, стараясь вспомнить все подробности, и даже наморщил лоб.— По-моему, из белых оленьих шкур. Вожди совсем не такие, как нам теперь рассказывают. Я сразу подумал, что они короли: плащи на них были прямо королевские, все расшиты бисером и маленькими кусочками оленьих рогов. На ногах надето что-то вроде краг. А волосы у них были длинные и белые, как снег.

— И на голове, конечно, убор из перьев?

— Вовсе нет! — вскричал Тони.— Никаких перьев! Такие короны, только из дерева, и по бокам приделаны оленьи рога. Знаете, совсем как у древних викингов на картинках...

* * *

— Дети, — сказал старый доктор Форбс отцу Тони, — живут в своём собственном мире. Этот мир соприкасается с нашим миром, но не по их желанию, а по необходимости. Беда в том, что мы, взрослые, с утра до ночи бьёмся, стараясь заработать на жизнь и обеспечить крышу над головой, вот и забываем об этом детском мире, даже начисто отвергаем его, а иногда отталкиваем этим и наших детей.

— Значит, вы не считаете, что Тони нужно показать...

— Психиатру? Чепуха! Он нуждается в психиатре не больше, чем мы с вами, а, может быть, и меньше. Ему нужны понимание и любовь. Неужели вы не видите, что с ним происходит? Есть много такого, чего ему не может дать жизнь на Мотт-стрит, поэтому он создал свой собственный мир. Если я или вы пройдём через его дверь,— мы попадём на свалку мусора. А он попадает через неё туда, где ему хочется быть,— в Нью-Йорк, который существовал почти триста лет назад. Его живое воображение населило город людьми, настолько близкими к действительности, насколько он представляет себе эту действительность. Его выдумка в своём роде примечательна, и он воссоздал жизнь Нового Амстердама с мельчайшими подробностями. Но тут нет ничего необъяснимого или таинственного, все эти сведения можно почерпнуть в любой публичной библиотеке. И я навряд ли ошибусь, если скажу, что Тони не раз и не два часами рылся в старых пыльных книгах.

— Но что же нам с ним делать? — спросил отец Тони. — Ведь нельзя, чтобы он всем рассказывал свои выдумки.

— Во-первых, для него это не выдумки. Они существуют в его воображении, и он верит в них, как умеют верить только дети. Для него всё это так же реально, как для нас — многие вещи, в которые верим мы, взрослые. Разница лишь в том, что мы доживаем до могилы, не переставая верить в свои пустые иллюзии, а для Тони наступит день, когда он откроет свою волшебную дверь и увидит за ней только грязный двор. Но от этого сам он хуже не станет. И мой совет вам — ничего не делайте, предоставьте мальчика самому себе.

* * *

Но когда отец Тони ушёл домой, сказав обычное «Спасибо, доктор», которое старик Форбс слышал уже почти полстолетия, — доктор снова уселся в своё чёрное кожаное кресло, поднял очки на лоб, закрыл глаза и задумался о волшебной двери Тони Мак-Тэвиш Ливи.

Просто удивительно, что сочинил этот малыш, который так точно и не колеблясь отвечал на все вопросы. Он заставил доктора Форбса перенестись в далёкое-далёкое прошлое, когда он сам был мальчишкой. Доктор Форбс родился в Нью-Йорке в те времена, когда северная часть острова Манхэттен была ещё покрыта лугами, лесами и уютными маленькими фермами. В ту пору, отправившись в экипаже к форту Джордж Хилл или к Инвуду, вы попадали за город, на лоно природы, самой настоящей природы: всё было так славно, красиво — небольшие холмы, долины, реки,— не хуже, чем в любом другом уголке земного шара. А со скалистого, обрывистого берега форта Трайон в то время, куда ни глянь, можно было увидеть лишь зеленовато-синие холмы, и только на юге лежал город.

«Но всё это,— подумал доктор Форбс,— ушло навсегда, а сейчас всюду город — улицы, дома...» У доктора не было такой двери, как у Тони, двери, которую он мог бы открыть, чтобы вернуться в своё далёкое детство.

В те давние дни в зелёной долине, выходившей к берегам Спайтен Дайвил, жила одна-единственная индейская семья, и старый доктор Форбс, тогда ещё мальчик, часто навещал её. Здесь зародился в нём сохранившийся и поныне интерес к предметам обихода, обычаям, образу жизни краснокожих, которые когда-то, давным-давно, населяли эту страну и правили ею. Доктор Форбс вспоминал прошлое без сожаления: он жил настоящим и любил свой город, как любят его лишь немногие. Но всё же его не оставляла мысль: как хорошо было бы, если б он мог хоть раз пройти в волшебную дверь Тони!

— Чёрт побери! — произнёс он вслух, ни к кому не обращаясь. — Кажется, я начинаю верить мальчугану.

А всё-таки доктор Форбс хорошо понимал, что он слишком стар, обладает слишком практическим умом и имеет слишком много пациентов среди бедняков, чтобы поверить даже на миг хотя бы одному слову о волшебной двери Тони. Поэтому он решил больше не заниматься чепухой и принялся за чтение толстой книги в зелёном переплете, скучной, усыпляющей книги о внутренних болезнях, которая могла успокоить любое разыгравшееся воображение.

Однако мысли его всё время возвращались к волшебной двери, и наконец он закрыл книгу и снял телефонную трубку, чтобы позвонить своему закадычному другу. Этого друга звали Айзэк Гилмен, и был он хранителем музея, то есть большую часть своего времени проводил в музее, беспокоился о его экспонатах, почему-то переставлял их с места на место, одни уносил в подвал, другие ставил в витрины и всё время думал о том, что у музея не хватает денег, чтобы купить новые экспонаты и отнести побольше старых в подвал.

Музей, хранителем которого был Айзэк Гилмен, назывался Музеем американских индейцев, это один из лучших музеев Нью-Йорка, да и не только Нью-Йорка. Если вам интересно, вы можете посетить его, — он и до сих пор существует на углу Бродвея и 155-й улицы, но там уже новый хранитель, ведь история с волшебной дверью Тони произошла много лет назад.

Старый доктор Форбс и Айзэк Гилмен были большими друзьями, то есть они беспрестанно спорили, кричали друг на друга, обвиняли друг друга в самых невероятных и ужасных грехах и... оставались друзьями. Спорили они главным образом об индейцах. Вот этому-то своему другу и позвонил по телефону доктор Форбс.

— Айк, — начал он, — что ты скажешь, если я сообщу тебе, что индейцы племени весквейстиков играли в травяной хоккей?

— Скажу, что ты знаешь об индейцах даже меньше, чем я предполагал.

— Ты думаешь, они не знали этой игры?

— Конечно, нет. Ни у одного очевидца нет упоминаний о ней, а вряд ли они могли не заметить такую массовую игру.

— Конечно, — ехидно сказал доктор Форбс, — тебя там не было.

— А ты был, старый болван?! — заревел Айк Гилмен. — Надо же звонить человеку среди ночи, чтобы узнать, играли ли весквейстики в травяной хоккей!

— Тише, тише, а то у тебя, пожалуй, повысится кровяное давление, — предостерёг доктор Форбс.— Веди себя если не как джентльмен, то хотя бы как учёный и ответь-ка ещё на один вопрос. Как выглядел головной убор великого вождя Ирокезской лиги?

— Это всякий дурак знает.

— Нет, не всякий, только ты, я да ещё человек шесть. Но, может быть, ты ответишь на вопрос? Представь себе, что ты вежливо беседуешь с миллионером, который может дать денег на новое крыло для твоего заплесневелого музея.

— Ну, ладно, это корона из дерева, наклеенного на змеиную кожу, она украшена разноцветными камнями. Два оленьих рога, каждый с четырьмя отростками, укреплены на ней, как крылья на шлеме викингов. Это сходство приводило к некоторой путанице, но к викингам корона не имеет никакого отношения. Это традиционный ирокезский убор.

— Поистине красочное описание, — сказал доктор Форбс. — Сколько таких корон в твоей коллекции?

— Ни одной! — сердито отрезал Айк Гилмен. — Их нет ни у кого, и ты, старый дурак, прекрасно это знаешь! Может быть, ты наткнулся на такую корону в лавке подержанной мебели на Мотт-стрит?

— Нет, но, может быть, я наткнусь на пару хоккейных клюшек.

— И только из-за этого ты ко мне привязался на ночь глядя?

— Айк, серьёзно, где можно выяснить, как выглядел головной убор ирокезского вождя?

— Он упоминается в кое-каких рукописях, было его описание в статье Исто-

рического общества. В нашей коллекции гравюр есть одно его древнее изображение. Морган и другие специалисты о нём не пишут.

— А ты не заметил, в ваших гравюрах не рылся один веснушчатый мальчик?

— Что?

— Ничего, ничего. Ещё один вопрос — и ты свободен, можешь опять лодырничать. Мог простой индейский вождь носить такой головной убор?

— Ни в коем случае!

— Откуда ты знаешь?

— Откуда?! Да потому, что это королевский головной убор великого, а не простого вождя. Вот откуда!

Старый доктор Форбс повесил трубку и принялся расхаживать взад и вперёд по своему заваленному мебелью кабинету. Наконец он пробормотал вслух, впрочем, ни к кому не обращаясь:

— Кажется, я, а не Тони Мак-Тэвиш Ливи, попаду в сумасшедший дом.

* * *

А в это время Тони Мак-Тэвиш Ливи внезапно проснулся. Ему снилось, что он и другие ребята гонятся по Фронт-стрит за жирной визжащей свиньёй, и они поймали бы свинью, если бы их не увидел караульный. Он погнался за ними, и тут Тони проснулся.

То есть он проснулся не в Нью-Йорке 1654 года, который ему снился, а в Нью-Йорке 1924 года. Ему снилось, что караульный большими прыжками несётся именно за ним. Тони во сне и не думал, что попытка поймать свинью — такое уж тяжкое преступление, но караульный, как видно, был другого мнения. А если вы думаете, что караульный в Новом Амстердаме (тогда он ещё не назывался Нью-Йорком) в 1654 году был добрым дяденькой, то лучше спросите Тони.

Правда, вы не можете этого сделать. Но предположим, будто это возможно. Вот поговорите с Тони, он только что видел во сне Новый Амстердам.

— Уф... ф!.. — с облегчением вздохнул Тони. — Он чуть меня не поймал.

Предположим, что вы спросили бы его:

— Что такое караульный?

— Старый Доопер де Гроот, — ответил бы Тони.

— Но всё-таки, что же такое караульный?

— В те времена не было полиции, — пояснил бы Тони. — Вместо этого несколько жителей каждую ночь обходили улицы

дозором. В этом участвовали все по очереди. Их-то и называли караульными.

«Самый страшный из них, — подумал Тони, — старый Доопер де Гроот. У него такие длинные рыжие усы, широкополая шляпа, широченные сапожищи, такой огромный изогнутый меч на красножёлтой перевязи! А главное, он терпеть не может детей, это хоть кого испугает».

Теперь вам должно быть ясно, почему у Тони были все основания радоваться, что он проснулся как раз в ту минуту, когда Доопер де Гроот схватил его за шиворот. Проснувшись, Тони продолжал тихо лежать в своей узкой железной кровати; из кухни через приоткрытую дверь в тёмную комнату проникал луч света и доносились голоса отца и матери. Тони прислушался — сначала спросонок, просто от нечего делать, — но потом он стал слушать внимательно.

— Старику Форбсу легко говорить, — услышал он голос отца. — Тони не его сын.

— Но он любит Тони. Ведь нельзя сказать, что Тони ему безразличен.

— Я и не говорю этого. Доктор Форбс, вероятно, заботится о Тони столько же, сколько и о других детях, которых ему приходится лечить. Я просто говорю, что Тони не его сын.

— Он наш сын, — ответила мать.

— Вот именно. И ты не можешь винить меня за то, что я хочу, чтобы Тони оправдал мои надежды. Будь у нас много денег, может быть, всё было бы иначе. Но у нас их нет. Тони придётся самому пробивать себе дорогу.

— Ты думаешь, он её не пробьёт? Почему? Он добрый и умный мальчик.

— Как ты не понимаешь, почему?

А его дикие выдумки? Похоже, что он рассказывает их просто ради удовольствия. Какой же из него выйдет человек, если он всё время лжёт?

— Ты несправедлив! — воскликнула мать.— Тони — хороший мальчик. Он лжёт вовсе не всё время, только...

— Только насчёт этой двери.

— Ну что ж, он придумывает всякие сказки об этой старой двери. И я не вижу в этом большой беды.

— Может быть, ты и права, — пробормотал отец. Он не хотел признаваться, что дверь беспокоит его и даже немного пугает. Слишком уж правдоподобны эти выдумки Тони.— Может быть, может быть. Но что же будет с мальчиком, если он не умеет отличить правду от вымысла?

— А ты попробуй поговори с ним ещё раз об этой двери.

— Нет, хватит с меня! Я уже говорил с ним. Знаешь, что я думаю сделать? Я достану доски и гвозди и заколочу эту дверь, чтобы он никогда больше не смог открыть её.

Вот тут-то Тони, как был в пижаме, с торчащими во все стороны вихрами, соскочил с кровати и выбежал на кухню.

— Лучше не трогай мою дверь! — сказал он.— Если ты заколотишь мою дверь, я уйду через неё и не вернусь к вам...

Тони и хранитель музея

В этот день Тони не пошёл в школу. На Мотт-стрит это было не в диковинку: здешние ребята любили побездельничать, но Тони прежде никогда не отлынивал от занятий. А всего удивительней, что он и сам не понимал, почему он так поступил сегодня.

Конечно, дело тут не обошлось без волшебной двери. Тони почти верил в то, что выполнит свою вчерашнюю угрозу: уйдёт через дверь и никогда больше не вернётся. То есть он и верил в это и вместе с тем не верил. Он любил отца и мать, они у него были очень хорошие. Но теперь он чувствовал себя таким обиженным и отвергнутым ими, что мысль навсегда уйти из дому не оставляла его, хотя от неё больно сжималось сердце. По ту сторону волшебной двери все почему-то понимали его, и всё происходило именно так, как ему хотелось.

На старом милом Манхэттене, куда Тони попадал через волшебную дверь, никогда не шёл дождь. Там всегда сияло солнце, и славный Новый Амстердам, похожий на игрушечную деревушку, так уютно лежал в южной части острова. Дети голландских поселенцев весь день проводили в играх. Вертелись крылья ветряных мельниц, и по небу плыли белые пушистые облака. Всё было таким, каким и должно быть, каким и хотел все видеть Тони. И когда сегодня он решил не ходить в школу и пойти туда, через дверь, он снова представил себе, как там хорошо.

Но, с другой стороны, он остался дома не только из-за двери. Ему казалось, что он не может больше войти в класс и встретиться с мисс Клэтт и ребятами. Да и зачем ему идти к ним, спрашивал он себя. Вот почему Тони принял такое решение. А приняв его, разбил свою маленькую глиняную копилку и набил карманы центами — сбережениями всей своей жизни.

* * *

Мать Тони тревожилась. Как ей объяснить мальчику, что они с отцом сердятся и резко разговаривают с ним потому, что любят его и беспокоятся о нём? Ребята понимают любовь и заботу по-своему, совсем не так, как взрослые.

Кроме того, Тони не мог разделить их беспокойства по поводу волшебной двери. Эта дверь — самое замечательное, самое интересное, что есть в его жизни, зачем же отцу с матерью огорчаться из-за неё?

Мать Тони отчасти понимала сына. Ей хотелось сказать Тони, как много он значит для неё и отца, в нём все их надежды и чаяния. Но как объяснить всё это одиннадцатилетнему мальчику?

В это утро она должна была навестить свою больную сестру, у которой было двое маленьких детей. Собираясь в дорогу, она думала: «Вот если бы помочь чем-нибудь сестре! Послать бы её и ребят в горы, чтобы все они отдохнули, погрелись на солнышке».

Ей и в голову не приходило, что она сама так же бедна, как и сестра, что ей тоже не мешает пожить несколько недель за городом. Такой уж была мать Тони.

Отец Тони только что ушёл на работу. Пока Тони одевался, мать приготовила ему завтрак: поставила на стол миску с овсяной кашей, стакан молока, намазала кусок хлеба маслом, — и всё время она повторяла про себя слова, которые собиралась сказать сыну. Тони сел к столу и принялся за свой завтрак, а мать села напротив и смотрела на него, на его круглое

лицо и курносый нос. Она так любит его! Ей даже захотелось заплакать, но она сдержалась и сказала:

— Не обижайся на папу, Тони. Он очень беспокоится и поэтому так с тобой разговаривает.

— А зачем он грозится заколотить мою дверь?..— пробормотал Тони.

— Он не сделает этого. Просто у него так много забот, а тут ещё ты начинаешь говорить про свою дверь. Это его совсем выводит из себя.

— Никому я ничего плохого не делаю моей дверью,— ответил Тони.

— Но, Тони, неужели ты не понимаешь, что все эти сказки о двери — просто чепуха? Неужели ты думаешь, что тебе кто-нибудь поверит?

— Старый доктор Форбс верит. Он даже попросил меня принести что-нибудь оттуда, из-за этой двери.

— Ох, лучше уж оставим эту дверь в покое, Тони! Мне нужно сходить в больницу. Когда кончишь завтракать, собери посуду в таз и беги в школу.

Мать ушла, а Тони остался один и медленно, в задумчивости доел свой завтрак. Потом собрал посуду, взял книги и пошёл вниз. Но решение не ходить в школу уже созрело в нём, и он отправился на задний двор.

Двор был залит ярким утренним солнцем. Тони уселся на старой кроватной сетке. Пусть поэты говорят всё, что угодно, но весеннее солнце на заднем дворе на Мотт-стрит, пожалуй, светит ярче, чем в любом другом уголке земного шара: ведь, наверно, нигде больше солнце так не украшает жизнь, как на заднем дворе на Мотт-стрит. А если ценность явления измеряется нуждой в нём, то не остаётся никаких сомнений в качестве солнечного света на Мотт-стрит.

Сидя на сетке и не сводя глаз с двери в заборе, Тони погрузился в раздумье. Почему все так враждебно относятся к волшебной двери? То есть все, кроме старого доктора Форбса. В сущности, они ведут себя так, будто боятся её. Но почему?

Сам Тони боялся многого. И сейчас, греясь на солнышке на заднем дворе, он вслух обсуждал сам с собой, чего он боится сильнее всего.

— Майка Грэди с Хустон-стрит? Да, боюсь. И потом он ведь больше меня, на год старше.

— Мисс Клэтт? Кажется, не боюсь!— И он действительно не боялся мисс Клэтт.

— Маму и папу? — Тони с радостью обнаружил, что их он совсем не боится.

— А темноты боюсь? Да, и мне стыдно признаться в этом.

— А стать взрослым? — спросил он себя и призадумался. Боялся ли он стать взрослым? — Хочу ли я вырасти? — снова спросил он вслух и, не находя ответа, недоумевающе помотал головой. — А почему бы мне не хотеть вырасти? — громко задал он себе ещё один вопрос.

Но от горькой правды никуда не уйдешь, — он не хотел стать взрослым.

Тони пожал плечами и поглядел на свою волшебную дверь — старую, видавшую виды дощатую дверь, выкрашенную зелёной краской; сейчас дверь вся сверкала на солнце и обещала столько чудес...

Отмахнувшись от мыслей, от которых у него даже голова разболелась, Тони вскочил, несколько раз подпрыгнул на пружинах сетки и, раскачавшись, перепрыгнул на старую печку. Соскочив с неё, он обошёл груду ржавых консервных банок, отбросив одну, как всегда, ногой оттолкнул разбитый туалетный столик и обежал вокруг холодильника. Потом промчался по ржавой трубе и одним прыжком очутился на сиденье фургона. Оттуда он перескочил на старый диван, на нём тоже подпрыгнул три раза, и вот он у волшебной двери, распахивает её и мчится на другой двор.

* * *

В свои приёмные часы — с 12 до 2 часов дня — старый доктор Форбс обычно принимал более двадцати больных. Иногда его даже расстраивало, что его практика с годами росла и ему приходилось работать всё больше. Его доходы не увеличивались, но число больных явно росло.

— А хуже всего, — часто говорил он себе, — что я не становлюсь умнее.

По правде говоря, старому доктору иногда казалось, что происходит как раз обратное; потому что всё чаще он думал о волшебной двери Тони Мак-Тэвиш Ливи, всё чаще и чаще ловил себя на том, что погружается в мир фантазий мальчика.

Он думал об этом и сегодня, когда пробило два часа и помогавшая ему медицинская сестра объявила, что в приёмной остался лишь один курносый мальчуган.

— Он болен? — спросил доктор Форбс.

— По-моему, он просто запыхался от быстрого бега. Похоже, что он пробежал целую милю, а больному это, пожалуй, не под силу.

— Ну, ну, не будем спорить. Пошлите его ко мне, — ответил доктор.

И он ничуть не удивился, когда в комнату вошёл Тони, пряча руки за спиной и всё ещё немного задыхаясь от быстрого бега. Старый доктор почему-то воображал, что теперь Тони ничем уже не может его удивить. Но, как вы увидите, он глубоко заблуждался.

— Что с тобой? Заболел? — спросил доктор Форбс.

— Нет...

— А что, разве сегодня праздник?

— Святого лентяя,— честно ответил Тони.

— Что у тебя за спиной? Пара клюшек для травяного хоккея?

— Я не смог раздобыть их,— сказал Тони,— зато вот что я вам принёс.— И он протянул доктору Форбсу украшенный оленьими рогами головной убор великого вождя Ирокезской лиги.

Куда только девались выдержка и полная достоинства осанка почтенного пожилого врача! Очки сползли с его носа, и он едва успел подхватить их на лету и прочно водрузить на лоб. Точно скряга, внезапно очутившийся перед уходящей ввысь башней из золотых монет, он протянул свои пухлые задрожавшие руки к убору, выхватил его у Тони и, совсем потеряв голову от восторга, принялся судорожно вертеть его из стороны в сторону.

Одного взгляда было достаточно, чтобы убедиться, что это не подделка. Деревянные части убора были сделаны из высушенного на солнце орешника и отполированы до того, что стали походить на камень. Они соединялись друг с другом кусочками резной кости, и всё это вместе было наклеено на змеиную кожу. Обесцвеченные, почти белые оленьи рога прикреплялись к дереву при помощи какой-то смолы и костяных зажимов. Убор украшали кусочки цветного камня.

Доктор вновь и вновь поворачивал его в руках, а затем поднёс к окну, чтобы осмотреть ещё внимательнее на свету.

Наконец он обернулся к Тони:

— Где ты раздобыл это, Тони Мак-Тэвиш Ливи?

— Просто взял,— помедлив, ответил Тони.

— То есть украл?

— Нет, взял,— упрямо повторил Тони.

— Хотел бы я знать, где на белом свете можно взять такую штуку?

— Я взял его в Гилдхолле,— выпалил Тони, и слова полились бурным потоком.— Я пришёл к Питеру Ван Добену, и мы хотели пойти к индейцам, но отец послал его в Гилдхолл передать плату за охрану, я пошёл с ним. Мы прошли через посёлок, и Питер зашёл в Гилдхолл внести свои три талера, а я заглянул в комнату заседаний совета, а там на большом столе, за которым сидят бургомистры, лежала эта корона, её оставил старый индейский вождь в залог за стальной военный шлем, и я взял её. В комнате никого не было, никто меня не видел, я взял её. Не знаю, почему, но взял, я знал, что она вам понравится, я хотел только показать вам её, а потом отнести назад, что же тут плохого? Но они, наверно, заметили, что она исчезла, потому что караульный поднял крик, и я побежал один, без Питера, я побежал мимо стены и спрятался в конюшне Гофмана, а потом бежал всю дорогу, почти до самой двери. Но Питер, наверно, рассказал про меня, потому что прискакали двое верховых, и мне пришлось убежать через дверь, и теперь я не могу вернуться туда, я никогда больше не смогу вернуться.

И Тони заплакал.

— Садись,— сказал доктор Форбс.

Тони сел на жёсткий металлический табурет — такие табуреты всегда стоят в кабинетах врачей — и продолжал плакать, а старый доктор Форбс терпеливо ждал. Наконец Тони успокоился.

— Вот что, Тони,— сказал доктор,— я больше не буду расспрашивать тебя, где ты взял эту корону, я ещё не совсем потерял рассудок и понимаю, что ничего более путного ты мне не расскажешь. Я не собираюсь также обсуждать, следует ли возвращать её людям, которые перестали существовать несколько столетий тому назад. Знаешь, что? Съездим-ка мы с тобой к моему другу Айку.

Это внезапное решение было подсказано не благоразумием, а скорее отчаянием. Сейчас доктору Форбсу совсем не хотелось оставаться наедине со своими мыслями: он им не доверял. Он хотел, чтобы корону осмотрел человек с пытливым и проницательным глазом, способный высказать веское суждение о ней, а когда речь шла об индейцах, трудно было найти человека, более трезвого и сведущего, чем Айк Гилмен.

— Кстати,—обратился доктор к Тони,— ты был когда-нибудь в Музее американских индейцев?

Тони покачал головой.

же ласковое дружелюбие и достоинство, что и в её хозяине.

Доктор Форбс любил свою машину: «фордик» напоминал ему о тех временах, когда он ездил в запряжённой лошадью бричке. «Фордик» этой марки можно было считать и открытым и закрытым, к тому же он был высокий, как цирковой клоун на ходулях. Для езды в темноте у него были большие медные фары.

Когда доктор бросал в мотор горсть графитового порошка, именно это, а не заправка бачка бензином, заставляло его вспоминать, как он давал корм лошади.

Пока доктор ручкой заводил мотор, Тони забрался в машину. Доктор крутил ручку очень ловко, но когда мотор наконец заводился, он так поспешно бросался на место, что обязательно по дороге терял свой котелок, а пока он гонялся за ним и, поймав наконец, усаживался на шофёрское сиденье, мотор, деликатно и стыдливо покашляв, затихал.

— Знаешь, Тони, когда-нибудь я оставлю котелок в машине и буду заводить мотор без него,— сказал доктор Форбс.— Но тогда я уже буду не очень хорошим доктором: какой же может быть доктор без котелка, верно?

Тони, с увлечением следивший за этой маленькой драмой, понимающе кивнул.

Это так понравилось доктору, что он тут же дал себе клятву: он вынесет все муки неудовлетворённого любопытства, но никогда, никогда больше не спросит Тони, где он взял ирокезскую корону. В глубине души доктор подозревал, что как бы дол-

— Не был? Ладно, сейчас мы туда поедем.

С этими словами доктор Форбс схватил целый ворох папиросной бумаги и неумело, но старательно завернул в неё корону; потом надел своё чёрное, позеленевшее от старости пальто, нахлобучил на лысину котелок и вышел с Тони на улицу.

* * *

Когда Тони увидел, что ему предстоит прокатиться на «фордике» доктора Форбса, слёзы его мгновенно высохли и все страхи были забыты. Ведь его ждало такое удовольствие!

Ему не часто случалось ездить на автомобиле, да ещё таком шикарном, как «форд» модели «Т». Правда, автомобиль был старый, но Тони ощущал в машине то

го и серьёзно он ни расспрашивал Тони, ответ будет неизменным. Если бы речь шла о чём-либо другом, а не об этой короне, можно было бы подозревать воровство. Но Тони принёс единственный в Соединённых Штатах предмет, который никто не мог украсть, потому что он не существовал — а как можно украсть то, что не существует?

От этих мыслей у доктора голова шла кругом, что совсем не пристало почтенному домашнему врачу, но наконец доктор Форбс отогнал их от себя и решил насладиться прогулкой наравне с Тони.

А Тони поистине наслаждался этой поездкой. Ведь он так редко ездил на автомобиле! Прогулка на гондоле по Венеции вряд ли порадовала бы его больше, чем их путешествие по Хустон-стрит и Шестой авеню — это было задолго до того, как она стала называться проспектом Америки. Вот он, по-весеннему свежий Сентрал-парк, весь в молодой, нежнозелёной листве и золотисто-жёлтых весенних цветах! Тут доктор Форбс как бы невзначай спросил:

— Совсем как там, за дверью, правда?

Тони, улыбаясь, кивнул; всё равно ведь он не мог никому передать словами, каким волшебно-зелёным был когда-то остров Манхэттен; даже весенний Сентрал-парк не мог сравниться с ним!

Через Сто десятую улицу они выехали на набережную Риверсайд-драйв и поехали вдоль широкой, красивой, сверкающей на солнце реки Гудзон. У могилы Гранта «фордик» вёл себя весьма благопристойно, и его мотор покашливал совсем тихонько. Тони с нескрываемым восхищением смотрел на красивые дома и просторную площадь, которая открылась перед ним на углу Сто пятьдесят пятой улицы.

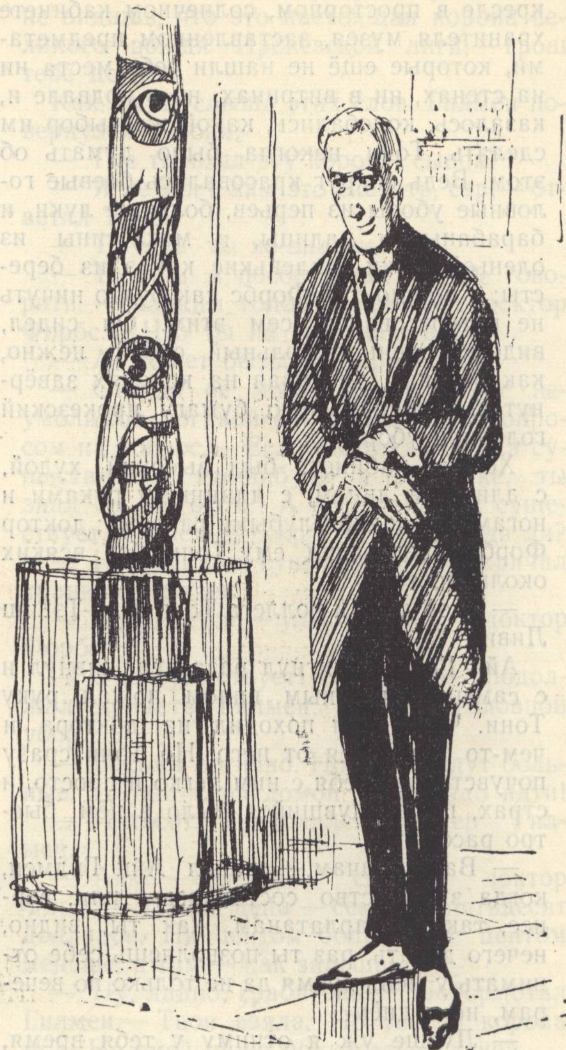
— Приехали! — сказал доктор Форбс, направляя «фордик» на стоянку.— Теперь мы храбро войдём в логово старого льва. Если Айк Гилмен вдруг проявит человеческие чувства, не попадайся на эту удочку, мой мальчик. Говорить буду я, а когда наступит твой черёд, следуй моим указаниям.

Он вылез из «фордика» и, повернувшись к Тони, добавил, словно это только что пришло ему в голову:

— Знаешь... На твоём месте я не стал бы говорить об этой двери... Нам с тобой это понятно, но Айк Гилмен...

— Хорошо,— сказал Тони.

Они торжественно пожали друг другу руки, а старый доктор Форбс даже подмигнул Тони и исполнил несколько па какого-то танца.

— Тони,— произнёс он,— ты, наверно, и не подозреваешь, что сегодняшний день будет самым счастливым в моей жизни!

* * *

Они сидели в кабинете хранителя музея. У Тони кружилась голова от всего того, что он увидел, пока они дошли до этой комнаты. Никогда в жизни он не подумал бы, что музей может быть таким чудесным местом, где что ни шаг, то новое приключение. Если ему разрешат, он скоро придёт сюда опять, побродит здесь несколько часов и всё, всё осмотрит. В его уме стала зарождаться совершенно новая мысль: может быть, на свете существует не одна волшебная дверь?

Но сейчас, когда он сидел в большом кресле в просторном, солнечном кабинете хранителя музея, заставленном предметами, которые ещё не нашли себе места ни на стенах, ни в витринах, ни в подвале и, казалось, колебались, какой же выбор им сделать, Тони некогда было думать об этом. Ведь вокруг красовались боевые головные уборы из перьев, большие луки, и барабаны, и палицы, и мокассины из оленьей кожи, маленькие каноэ из бересты; а вот доктор Форбс как будто ничуть не интересовался всем этим. Он сидел, видимо, очень довольный собой, нежно, как ребёнка, укачивая на коленях завёрнутый в папиросную бумагу ирокезский головной убор.

Хозяин кабинета был высокий, худой, с длинным лицом, с длинными руками и ногами и бледноголубыми глазами; доктор Форбс представил ему Тони без всяких околичностей:

— Мой друг и коллега Тони Мак-Тэвиш Ливи.

Айк Гилмен мигнул раза два, кивнул и с самым серьёзным видом пожал руку Тони. Чем-то он походил на доктора и чем-то отличался от него. Но Тони сразу почувствовал себя с ним легко и просто, и страх, шевельнувшийся было в нём, быстро рассеялся.

— Вам, врачам,— сказал Айк Гилмен, когда знакомство состоялось,— или, вернее, таким шарлатанам, как ты, видно, нечего делать, раз ты позволяешь себе отнимать у меня время да не только по вечерам, но и днём.

— Лучше уж я отниму у тебя время, всё равно ты его зря тратишь один в этом морге,— ответил старый доктор.

— В этом морге, как тебе угодно называть его, хранятся сокровища ушедшей навсегда эпохи и великого народа.

— Подумаешь!

— Что?!

— Я сказал: подумаешь! Разве не понятно? Это — восклицание, выражающее презрение.

— К чему это ты клонишь, старый козёл?

— Сокровища! — воскликнул доктор Форбс.— Какие у тебя тут сокровища? Набор изъеденных молью древностей, и они даже не единственные в своём роде. Луки, стрелы, палицы, расшитые раковинами пояса! Да на Западе в любом крошечном музее для туристов есть всё это.

— И ребёнку позволяют водить с тобой знакомство! — воскликнул хранитель музея и повернулся к Тони: — Извини меня, мальчик, но у твоего коллеги не очень-то много ума и ещё меньше такта.

— Такта! — презрительно усмехнулся доктор Форбс.

— А что у тебя в этом пакете? — спросил Айк Гилмен.

— Ничего особенного. Так, небольшая безделушка, которую мы с коллегой сейчас изучаем.

— И которую ты совершенно случайно захватил с собой, а? — съязвил Гилмен.

— Да, да, чисто случайно!

— Нет, старый козёл, меня не проведёшь! Я тебя знаю. Привёл с собой ребёнка, чтобы усыпить мою осторожность, а потом постараешься подсунуть мне какую-нибудь дешёвую подделку под старинный военный головной убор, да ещё будешь уверять, что его носил сам Сидячий Бык. Тащи-ка его обратно к старьёвщику, у которого купил.

— Военный головной убор? Да что ты, бог с тобой,— с невинным видом произнёс доктор Форбс.— Ты думаешь, я хочу тебе что-нибудь продать?

— Пока что ты мне ещё ничего не подарил.

— Тони, нам, кажется, лучше уйти,— обиделся доктор.— Мой друг, мистер Гилмен, ведёт себя, по меньшей мере, невежливо.

Тони, совершенно ошеломлённый этой перепалкой, поднялся было со своего кресла, но мистер Гилмен знаком велел ему снова сесть и, угрожающе помахивая длинным костлявым пальцем перед носом у доктора, громовым голосом спросил:

— Что у тебя в этом пакете?

— Ничего. Абсолютно ничего.— С этими словами доктор Форбс развернул корону и поставил её на стол хранителя музея.— Так, пустяки.

Больше всего Тони поразило то, что хранитель музея повёл себя точно так же, как доктор, когда тот впервые увидел корону. Сначала он лишился речи и, несмотря на все усилия, не мог вымолвить ни слова. Отказавшись от бесплодных попыток сказать что-либо, он склонился над столом и стал так пристально смотреть на корону, что Тони испугался, как бы у него глаза не вылезли из орбит. Потом осторожно коснулся её. Потом схватил, перевернул и принялся жадно осматривать. Потом, отбросив всякую солидность, подобающую человеку, сорок лет жизни отдав-

шему учёной деятельности, бросился к дверям кабинета, и его громовой голос разорвал торжественную тишину залов музея, которую ещё никогда никто не нарушал столь бесцеремонно.

— Эткинс! — кричал он.— Мисс Моррисон! Голдстейн!

Через несколько минут все сотрудники музея столпились в кабинете вокруг головного убора ирокезских великих вождей. А старый доктор Форбс, преспокойно сидя в своём кресле, тихонько посмеивался и подмигивал Тони.

* * *

Час спустя доктор, сохраняя всё то же спокойствие и невозмутимость, ласково улыбался кричавшему на него Айку Гилмену.

— Ты не доктор! — кричал Гилмен.— Ты не учёный! Ты разбойник с большой дороги!

— Хочешь — бери, не хочешь — не надо,— мягко отвечал доктор.— Цена — семьсот пятьдесят долларов, и ни цента меньше. А там — как хочешь.

— Да пойми ты, у нашего музея нет таких фондов.

— У всех музеев вечно нет фондов. Я назначил очень низкую цену, меня даже мучает совесть — не обманул ли я моего коллегу Тони Мак-Тэвиш Ливи из дружеских чувств к тебе. Давай не тратить зря наше и твоё время. Ведь есть и другие музеи. И Музей естественной истории, и Смитсоновский. Наконец, есть частные коллекционеры, да, пожалуй, я и сам могу купить его. Неплохо быть владельцем единственного в мире головного убора великих ирокезских вождей. Кажется, я так и сделаю. В конце концов и дружба имеет свои пределы.

— Дружба! — фыркнул Гилмен.

— Пошли, Тони! — скомандовал доктор Форбс.

— Подождите! — вскричал Гилмен, схватил корону, снова и снова жадно осматривая её.— Очень похоже на тебя — отдать её Джонсону в Музей естественной истории. А ведь мы с тобой дружим уже полстолетия! Нельзя же так. Скажи мне хотя бы, где ты раздобыл её.

— Я уже сказал, у моего коллеги Тони Мак-Тэвиш Ливи.

— Ты уже сказал! А откуда я знаю, что она не поддельная?

— За это тебе платят жалованье,— невозмутимо ответил доктор Форбс.— Когда человек болен, я это сразу вижу. Если ты не видишь, что это настоящая корона великого вождя Ирокезской лиги,— грош тебе цена!

Как бы не слыша этих слов, Гилмен повернулся к Тони:

— Где ты взял эту корону, сынок?

— Я не могу вам это сказать, сэр,— ответил Тони.

— То есть ты не знаешь?

— То есть я посоветовал ему не говорить,— сладким голосом произнёс доктор Форбс.— Что ты на это скажешь?

— А может быть, она краденая?

— Откуда её могли украсть? — с неумолимой логикой ответил доктор вопросом на вопрос.— Если бы такая штука существовала где-нибудь в Америке, ты знал бы об этом. А если она не существует, её нельзя украсть, не правда ли?

— Но ведь она существует! — закричал хранитель музея.

— Разумеется,— улыбнулся доктор Форбс.

— Она существует! Вот она! — продолжал кричать Гилмен, хватая головной убор.

— Весьма логично. Но меня ждут больные, а Тони пора домой. Нам надо идти!

— Пятьсот,— взмолился мистер Гилмен.

— Айк! — серьёзно сказал доктор Форбс.— Наша цена — семьсот пятьдесят долларов. Ни центом больше, ни центом меньше, а там — как знаешь.

— Ну, ладно, грабитель,— пробормотал Гилмен.— Твоя взяла. Но теперь корона моя. Не смей даже прикасаться к ней.

— Выпиши чек на имя Тони Мак-Тэвиш Ливи,— сказал доктор Форбс, мило улыбаясь.

И вот они снова едут домой в старом «фордике», и, глядя прямо перед собой, доктор Форбс говорит:

— Один вопрос, сынок. Мы с тобой стали вроде как компаньонами, а хорошие компаньоны должны всегда говорить друг другу правду. Я хочу всё-таки знать: не украл ли ты эту корону? Конечно, не у человека, умершего триста лет назад, а у кого-нибудь, кто живёт и здравствует сейчас. Ты мне скажешь правду?

— Нет, не украл,— ответил Тони.

— Вот и хорошо. Может быть, когда-нибудь ты расскажешь мне об этом поподробнее. А сейчас я больше не буду расспрашивать тебя. Но теперь у тебя много денег, и это может привести к осложне-

ниям. Вот что, отвезу-ка я тебя домой и поговорю с твоими родителями.

— Большое вам спасибо, доктор,— ответил Тони.— И знаете, что,— продолжал он с запинкой,— вы мой лучший друг, такого друга у меня никогда не было. Даже не знаю, как вас благодарить.

Доктор широко улыбнулся.

— И не надо благодарить,— сказал он.— Никогда в жизни я не получал столько удовольствия. Но знаешь, Тони, мне почему-то кажется, что ты больше не попадёшь туда, за свою волшебную дверь.

Как ни странно, но Тони тоже так думал.

* * *

Пожалуй, можно считать, что на этом и кончается история волшебной двери, хотя Тони, вспоминая обо всём происшедшем, сказал бы, что она тут только и начинается. Что ж, это решай ты сам, читатель.

Видишь ли, оказалось, что Тони доставил много радости двум самым дорогим для него людям — матери и отцу. И дело тут вовсе не в деньгах. Деньги сами по себе ещё ничего не решают. Дело в новой стороне характера и поведения Тони. Конечно, деньги тоже очень пригодились. Большую часть их отложили для того, чтобы заплатить за учение Тони в колледже, а на остальные мать Тони, её сестра и двое племянников отдохнули за городом.

Эти две недели Тони оставался с отцом, и за это время они подружились как-то поиному, между ними возникла такая же дружба, как между Тони и старым доктором Форбсом. В Тони что-то менялось. Доктора скажут вам, что он становился взрослым или что он перестал быть ребёнком, но лучше назвать это ростом, развитием, чудесной переменой, которая делает жизнь прекрасной и увлекательной. Тони начал понимать, что жизнь — борьба и что в этой борьбе много радости и удовлетворения — больше, чем в мире детских фантазий.

Конечно, всё он понял и осознал не сразу, но начало было положено, а последовавшая вскоре смерть старого доктора Форбса заставила Тони серьёзнее отнестись к жизни. Хотя доктор Форбс был стар, его смерть глубоко потрясла мальчика: впервые он терял близкого, горячо любимого человека. И тогда он принял решение — во всём быть таким, каким был старый доктор Форбс.

Так вот, читатель, Тони так и не рассказал доктору Форбсу всю правду о короне индейских вождей... а, впрочем, может быть, и рассказал. Решай сам. Я же хочу рассказать о том, как спустя неделю после смерти доктора Форбса Тони сидел на заднем дворе своего дома на Мотт-стрит и вдруг почувствовал, что ему хочется ещё хоть раз пройти через волшебную дверь. Он так и сделал: подошёл к двери, открыл её — и очутился во дворе соседнего дома среди хлама и мусора. Несколько раз он повторял свою попытку, но всё понапрасну. Волшебная дверь перестала быть волшебной, она стала обыкновенной калиткой.

Как раз во время одной из безуспешных попыток Тони снова очутиться за волшебной дверью во двор вошла мисс Клэтт. Увидев её, Тони и удивился и немного встревожился: он больше не учился в её классе и не мог понять, зачем она пришла.

— Твоя мама сказала, что ты во дворе,— начала мисс Клэтт.

— Угу!

— Мне захотелось повидаться с тобой, Тони.— Она не могла бы толком объяснить, почему, она и сама не очень понимала, почему Тони, доводивший её в классе до исступления, несмотря на это, был ей по душе. Она была его учительницей, а ей захотелось стать ему другом.

— Угу,— снова промычал Тони.

Тогда мисс Клэтт прямо перешла к делу:

— Давай будем друзьями, Тони, согласен?

— Да.

Полгода назад это было бы невозможно, а сейчас стало вполне естественно, и Тони вдруг понял, что вырасти и стать взрослым совсем не страшно, а, наоборот, очень интересно.

— Можно мне сесть где-нибудь? — спросила мисс Клэтт.

— Я всегда сижу там,— Тони кивком показал на старую сетку от кровати.— Но...

— Я попробую,— сказала мисс Клэтт и, к удивлению Тони, действительно уселась на сетку. Она вдруг показалась Тони молоденькой и хорошенькой, словом, совсем не такой, какой в представлении Тони должна быть учительница. (Это тоже было одним из признаков того, что Тони становился взрослым.)

Они славно провели время, болтали о самых различных вещах и ни разу не поспорили. На прощанье мисс Клэтт спросила:

— Ты будешь иногда навещать меня?

— Буду,— сказал Тони и... выполнил своё обещание.

После этого Тони больше не пытался проникнуть через волшебную дверь в чудесную страну далёкого прошлого. Ему самому уже не верилось, что он когда-то бывал там, и постепенно он почти забыл о своих замечательных приключениях в старом Нью-Йорке.

Но хоть, может быть, это и странно, волшебная дверь оставила свой след. Пока Тони рос и отстаивал своё право стать, подобно своему старому доброму другу, доктором, он узнал, что жизнь, настоящая жизнь и состоит в том, чтобы открывать одну за другой волшебные двери. Только мужественным людям это удаётся. Некоторые двери не откроешь ни ключом, ни ручкой, их нужно взламывать, а для этого требуется величайшее мужество. Потому что это двери в стенах невежества и предрассудков, страха и несправедливости. Но если у человека есть мужество, чтобы пройти через эти двери, его ждёт не меньшая награда, чем та, которую получил мальчик, прошедший через свою первую волшебную дверь. Ибо есть двери, ведущие к таким прекрасным приключениям, о которых маленький мальчик и мечтать не мог...

А что касается правды о первой двери и о том, откуда взялся ирокезский головной убор, то лучше спросите об этом самого Тони. Впрочем, это было уж очень давно и он, наверно, улыбнётся и ответит, что этой тайны никому не откроет.

Но тебе, читатель, ничто не мешает, если хочешь, строить любые догадки, и пора тебе знать, как в своё время узнал Тони, что самые замечательные чудеса совершаются разумными людьми, а не при помощи волшебства и чёрной магии. Кстати, я ничуть бы не удивился, узнав, что Тони на все свои центы, которые собирал долго и тщательно, купил одну вещь в лавке на Бауэри-стрит, где торгуют всяким старьём. А как туда попала эта вещь? Ну, если ты знаешь Нью-Йорк, ты знаешь также, что в лавчонку на Бауэри-стрит может попасть всё, что угодно.

Но это только догадка. Тони хорошо хранит свою тайну.

Перевели с английского
И. Кулаковская и М. Тархова.

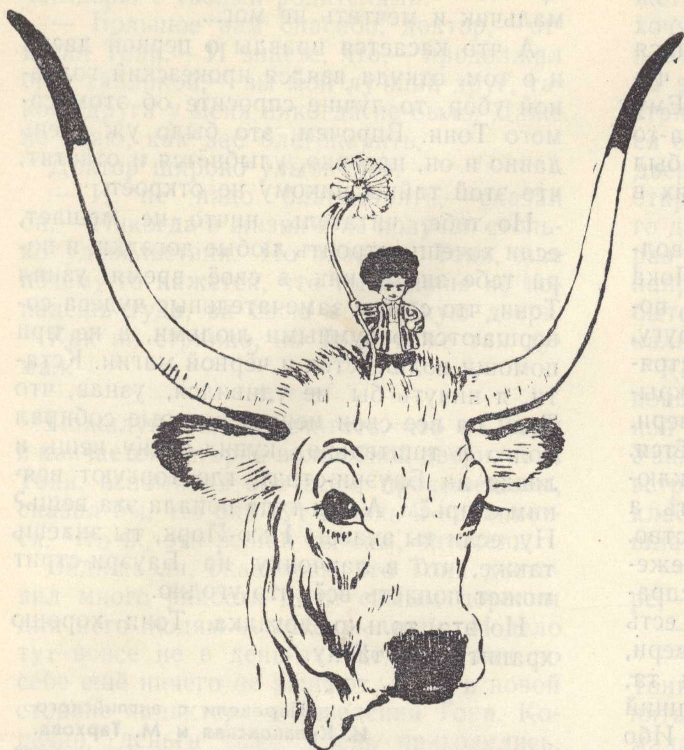
НА ПРОСЕКЕ

Е. Трутнева **Рисунки Е. Ребиковой.**

По холмам, через болота,
В чащу, в глубь, без поворота
Вся прямая, как стрела,
Просека в бору легла.
Здесь не стены, а стволы
В светлых капельках смолы.
Здесь синицы, горихвостки
Свищут до́ ночи с утра;
В белых фартучках берёзки,—
Точно в школу им пора.
Здесь малинник свеж и густ,
Полон ягод каждый куст.
В сладком запахе малины
Все кусты, весь тёмный бор.
Над малиной — гул пчелиный,
Бойкий, птичий разговор.
Белка видела в разведке,
Как медведь залез в кусты
И сосал в малине ветки
Целый день до темноты.

ЗАКОЛДОВАННЫЕ ВОЛЫ

Пересказали М. Туберовский, А. Александрова.

Рисунки А. Брея.

Ещё солнце не позолотило верхушки далёких гор — так было рано,— а Ярты-гулок уже проснулся. Он умылся водой из чашечки мака, вытерся лепестком гвоздики, туго заплёл свои чёрные косички и побежал запрягать волов.

Я мал, да удал,
Я умен да сча́стлив,
Сча́стлив да уда̀члив! —

распевал Ярты на весь двор, и песня его разбудила родителей.

Старик со старухой выбежали из кибитки и увидали, что волы сами идут за ворота и тащат за собой старую соху. Переглянулись они удивлённо и вдруг услышали звонкий голос:

— Ата-джан! Апа-джан! Приходите в полдень на поле, посмотрите, как я вспашу землю под хлопок!

Так кричал им Ярты, сидя между раскидистыми воловьими рогами. Но как же это случилось, что отец с матерью не увидели своего сына? Да ведь Ярты-гулок не гора! Гора высока, гору видно издалека, а Ярты и в траве не увидишь. Он ростом в половину верблюжьего уха. Потому и звали его в ауле «Ярты-гулок», что значит «половина уха»!

— Ай да сынок! — похвалил малыша старик.— Даром что мал, а своё дело знает!

А старуха запричитала:

— Беда с мальчишкой! Не управиться ему одному с волами. Ступай, отец, помоги Ярты-гулоку!

Сказала так старуха и пошла к кибитке, а старик пошёл вслед за сыном.

* * *

— Ио, ио! Приналягте! — кричал на всё поле Ярты-гулок, поторапливая волов, и ровная борозда, широкая, как канал Шеват, ложилась вслед за сохой.

— Ой, джигит! Ай, джигит! — всплеснул руками старик, увидев, как ловко управляется с волами его сынок.— Пришло время и мне отдохнуть!

Старик лёг в тени тутового дерева, росшего на краю поля, и заснул.

Той порой на горячем коне проезжал мимо толстый жадный бай. Много горя видали от него бедные люди, много золота, верблюдов и баранов накопил чужим трудом этот богач, но всё ему было мало. Увидел бай, что волы одни, без пахаря, пашут землю, и воскликнул:

— Вот это-то мне и нужно! С такими волами я могу рассчитать половину моих батраков и сберегу кучу денег! Эй, кто здесь хозяин?! — закричал он во всё горло.

— Хозяин-то я,— неторопливо ответил старик, просыпаясь в прохладной тени.— Но что тебе надобно от меня, почтенный сосед?

— Продай мне своих волов! Я денег не пожалею!

— Смилуйся, что делать пахарю без волов! — взмолился старик.

Бай страшно рассердился. Он выхватил свою камчу-нагайку с резной серебряной рукояткой и замахнулся на бедного старика.

Старик досмерти испугался, но в эту минуту он услышал знакомый голос. Это Ярты спрыгнул с волов, подкрался к отцу и зашептал ему на ухо:

— Ата-джан, не бойся, продавай волов да проси за них подороже. Не пройдёт и дня, как богач сам пригонит их обратно!

Старик ответил баю:

— Таким волам цены нет! Ты же видишь, что это заколдованные волы: они сами пашут землю! Взять дёшево я не могу, а дорого спросить не хочу, чтобы не обидеть тебя, почтенный бай.

— Я сказал тебе, что денег не пожалею! — дрожа от жадности, прохрипел богач и тут же бросил старику кошелёк с деньгами.

Старик поднял кошелёк и пошёл восвояси, а бай, довольный покупкой, погнал волов на своё поле. До вечера любовался он чудесными волами: сами, без пахаря, пахали они байскую землю.

Конечно, это Ярты-гулок опять сидел на своём месте — между воловьими рогами; без него-то волы не много бы напахали!

Так пахал Ярты до захода солнца, а когда наступил вечер, пригнал волов в усадьбу к богачу, поставил их у дувала и стал наблюдать, что будет делать хозяин.

Толстый бай уселся на ковре посреди двора, созвал своих батраков и рассчитал всех подряд, потому что теперь они были ему не нужны.

Всё это видел Ярты-гулок. Он видел, как горевали люди, которых бай лишил последнего куска хлеба, и думал:

«Погоди, злой богач! Дорого ты заплатишь мне за людские слёзы!»

* * *

Настала ночь. Все уснули в байской усадьбе. Маленький сын бая уснул в резной деревянной люльке, дочери бая — на мягкой подстилке, Гюль, любимая жена,— под атласным одеялом, а посреди кибитки, подложив под голову длинную подушку — мутаку, храпел сам хозяин. Не спали только Ярты-гулок и месяц на небе.

Когда месяц поднялся высоко и золотая звезда стала между его рогами, Ярты-гулок сказал сам себе:

— Пришло время, Ярты, рассчитаться с баем!

Он поднял волов и во весь опор погнал их прямо в двери байской кибитки. Волы с разбегу ударились в дверь рогами, раздался треск, и красавица Гюль проснулась.

— Вставай, ага, или я умру от страха! — закричала она мужу, но хозяин не просыпался.

А стук становился всё громче и громче, вся кибитка дрожала от могучих ударов. Тогда Гюль схватила глиняный светильник, в котором было налито хлопковое масло, зажгла его и побежала к двери.

— Кто там стучится? — спросила она, трясясь от испуга.

Но вместо ответа дверь треснула, распахнулась, и огромная голова, увенчанная рогами, просунулась в кибитку. Раздался могучий, хриплый рёв, и Гюль со страху уронила светильник.

Тут уже все повскакали со своих подстилок. Но разве поймёшь в темноте, что случилось? Гюль

кричала, что сам шайтан-дьявол ворвался в кибитку, дочери бая плакали и уверяли, что это — землетрясение, а маленький сын просто визжал. Бай схватил в руки ящик с золотом, чтобы скорей убежать из проклятой кибитки, но всюду его встречали всё те же страшные мокрые морды и оглушал протяжный могучий рёв. Все выбежали во двор и увидали, что стена, за которой стоял байский скот, обрушилась, а бараны, ишаки и верблюды с криком, воем и громким рёвом бегут в разные стороны. Посреди двора вверх колёсами лежала арба. А по двору, разрушая всё на своём пути, с взмыленными мордами носились заколдованные волы!

— О, проклятые волы! Волы, подобные чёрному ветру! Чудовища, подобные чуме и буре! — взвыл богач.— Пусть будет проклят тот час, когда я ввёл вас в мой мирный дом!

Женщины плакали и кричали:

— В этих волов вселился сам шайтан! Уведи, прогони, отец, этих зверей, или мы все погибнем!

— Ладно,— решил богач.— Отведу-ка я волов к старику и получу от него обратно свой кошелёк с деньгами.

* * *

Всю ночь сидели старик со старухой на пороге своей кибитки. Всю ночь не могли они заснуть, всю ночь вспоминали своего маленького сыночка.

Старик пел:

Где ты, наш сынок,
Проворный сынок,
Подобный орлу и барсу!

А старуха пела:

Ушёл наш сынок,
Прекрасный сынок,
Подобный цветку и солнцу!

А потом они вместе пели:

Вернись, наш сынок,
Равного которому нет на свете!

И вдруг они услыхали, что кто-то громко стучит в калитку.

— Эй, кто стучится к нам в такое позднее время? — спросил старик.

— Это я, сосед! — ответил богач.— Я пригнал к тебе твоих заколдованных волов, возьми их обратно и верни мне мои деньги!

Старик не знал, что ответить, но только лишь открыл он калитку, как услышал, что знакомый голос шепчет ему на ухо:

— Ата-джан, не бери волов, не отдавай денег баю!

Старик поклонился ночному гостю:

— И рад бы я вернуть тебе деньги, почтенный бай, но ты пришёл слишком

поздно: золото — что вода, оно не лежит на месте.

— Вай-вай! — схватился за голову богач.— Ты растратил все мои деньги! Но если нет у тебя денег, так дай мне слово, что ты вернёшь мне долг с урожая!

— Ну нет! — засмеялся в ответ старик.— Лучше прыгнуть в котёл с кипятком, чем попасть в кабалу к баю! Уговор есть уговор: я взял золото, а ты получил волов. Владей ими на здоровье!

— Вай, горе мне! Вай, беда! — застонал жадный богач.— Так возьми этих проклятых волов без денег и рассказывай о моей щедрости на всех дорогах!

Старик хотел уже согласиться, но Ярты опять зашептал ему в ухо:

— Ни за что не бери волов, ата-джан!

Старик ещё ниже поклонился баю:

— Как же возьму я обратно скотину, за которую получил плату? Все соседи сочтут меня вором! А если я им скажу, что ты вернул мне волов без денег, они мне ни за что не поверят! Нет, пускай волы остаются у тебя. И не тревожь ты меня в ночное время!..

Так сказал старик и пошёл в кибитку. Но не мог же бай вернуться домой с заколдованными волами! Он схватил старика за полу халата и завопил на весь двор:

— Смилуйся, добрый человек! Возьми назад этих скотов, возьми сейчас же и получишь в награду самого жирного барашка из моего стада.

— Три барана, ата-джан! — шепнул старику Ярты, выглядывая из рукава ватного отцовского халата.

И старик повторил:

— Три барана!

— Вай-вай! Почему ты сразу не спросил всю мою усадьбу? — взмолился богач.— Или ты хочешь разорить весь мой дом?!

Но старик строго глянул на богача:

— Тому, кто разоряет десятки домов, три барана — не слишком большой убыток.

Делать нечего, пришлось баю согласиться.

* * *

На весь аул наварила старуха плову из байских баранов, а старик пригласил в гости всех бедняков аула и батраков жадного бая.

До поздней ночи шумел во дворе Ярты-гулока весёлый той — пир.

На пиру все наелись досыта и досыта посмеялись над жадным баем.

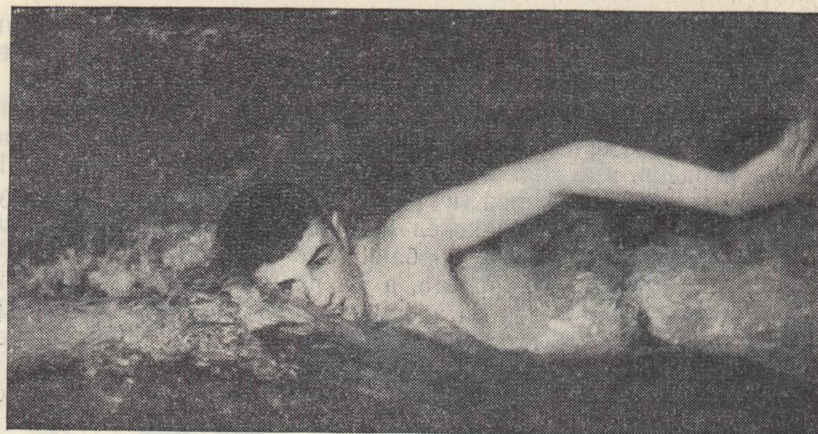
А что было дальше с Ярты-гулоком?

Утром рано, когда и солнце ещё не вставало, Ярты проснулся. Он умылся росой из чашечки мака, вытерся лепестком гвоздики, запряг волов и погнал их в поле — пахать под хлопок отцовскую землю.

Пускай Ярты пашет, пускай громко звенит дутара!

В таком положении спортсмен, плывущий кролем, делает вдох.

УЧИСЬ ПЛАВАТЬ

Когда я вижу мальчика или девочку, плавающих сажёнками, мне хочется вытащить этого пловца на берег и сказать: «Неужели ты не замечаешь, что сам себе мешаешь плыть?»

В самом деле, в сажёнках человек тратит очень много сил, чтобы быстрее двигаться вперёд, но удаётся это ему плохо. Почему? Чтобы понять это, давайте сравним сажёнки с каким-нибудь правильным способом плавания, хотя бы с кролем на груди.

На первый взгляд эти два способа похожи друг на друга. Но присмотримся внимательнее. Вот ты плывёшь сажёнками. Голова у тебя высоко над водой. Некоторые пловцы даже стараются при каждом взмахе как можно больше выскочить из воды. Им кажется, что это помогает плыть быстрее. А что происходит на самом деле? Вода ударяет в грудь пловцу, сопротивляется ему; для того чтобы преодолеть это сопротивление воды, приходится тратить много сил.

В правильных способах плавания, в кроле, например, тело пловца расположено горизонтально. Плывущий кролем человек весь погружен в воду, даже лицо его — под водой. Только на секунду, при взмахе рукой, на поверхности воды показывается лицо пловца. Широко открытым ртом он делает глубокий вдох и тут же снова погружается. Выдох делается в воду. Вы уже догадались, конечно, что при таком положении тела вода оказывает пловцу меньшее сопротивление и плыть становится легче.

Теперь посмотрим, как работают руки и ноги при плавании сажёнками и при плавании кролем. Гребок в кроле сильно двигает тело пловца вперёд, это происходит потому, что гребок в кроле длинный: кисть руки доходит до бедра. А в сажёнках гребок короткий, и результат получается незначительный. Но дело не только в этом. В сажёнках пловец, делая одной рукой гребок, другую проносит высоко над водой вытянутую и напряжённую. При этом он старается пронести её как можно скорей, чтобы она снова включилась в работу, сделала гребок. В кроле рука тоже выносится над водой. Но она полусогнута, расслаблена. Мускулы руки успевают отдохнуть, набраться сил. Так и получается, что пока одна рука работает, другая отдыхает. А в сажёнках рукам отдыхать некогда. Вот почему

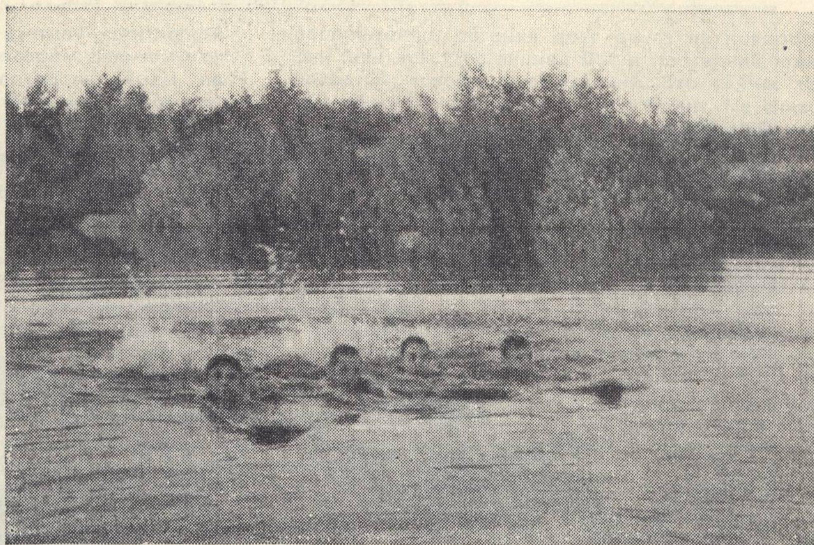
Тренер показывает, как нужно правильно делать гребок в кроле.

кролем можно проплыть гораздо дальше, чем саженками.

Теперь о работе ног. В саженках пловец работает ими как придётся. В кроле движения ног ритмичны, и на каждые два гребка руками делают шесть ударов. Они, как пароходный винт, толкают пловца. Чтобы убедиться в этом, сделайте вот что: возьмите доску и попробуйте плыть, держась за неё и работая ногами, как в кроле. Вы заметите, что довольно быстро двигаетесь вперёд.

И, наконец, дыхание. При плавании кролем пловец дышит ровно, глубоко. А у тех, кто плавает саженками, дыхание частое, прерывистое, потому что дышат они тоже как придётся. В кроле пловец делает вдох, только когда его лицо показывается из воды во время гребка. Дыхание ритмично — оно согласовано с движениями рук.

Ребята разучивают движения ног в кроле. Они плывут, работая только ногами, а руками держатся за доски.

Видите, насколько лучше плавать кролем, чем саженками. Кроль по праву считается наиболее выгодным стилем. Этим способом можно плавать быстрее и дальше, чем другими способами. Достаточно вспомнить, что в марафонских заплывах чаще всего победа достаётся тому, кто плывёт кролем. Например, заслуженный мастер спорта Людмила Второва проплыла кролем 150 километров по Волге и оставила позади всех участников этого заплыва, в том числе и мужчин. А заслуженный мастер спорта Виталий Ушаков проплыл кролем сто метров за 57 секунд.

Каждому из вас хочется плавать лучше. Мой вам совет: изучайте правильные способы плавания. Начинайте с кроля на груди. Очень хорошо, если с вами будет заниматься умелый пловец: ваш старший товарищ, вожатый, руководитель физического воспитания в лагере. Многие подготовительные упражнения вы можете делать и самостоятельно.

Очень часто ребята не умеют плавать только потому, что боятся воды. Преодолеть эту боязнь легче всего во время подвижных игр в воде. О нескольких таких играх рассказывается в этом номере журнала. Вы и сами можете придумать игры в воде. Только пусть в них будет много энергичных движений.

Чтобы привыкнуть погружаться с головой в воду, делайте такое упражнение. Вдохните поглубже и окунитесь. Пробудьте под водой несколько секунд. Выполняйте упражнение спокойно, не торопясь. Выпрямившись, не смахивайте воду руками с лица. Пусть вода стекает сама. Ведь во время плавания некогда вытирать лицо.

Попробуйте открыть под водой глаза и осмотреться кругом. Привыкайте не закрывать глаза в воде. Это нужно для того, чтобы вы могли всё время видеть, куда плывёте, следить за своими соперниками на соревнованиях.

Когда сможете спокойно погружаться с головой в воду, приступайте к разучиванию дыхания. Наберите побольше воздуху, окунитесь и сделайте через рот медленный сильный выдох. Не бойтесь, вода в рот не попадёт. Проконтролируйте себя. Если, открыв под водой глаза, вы увидите, что к поверхности воды поднимаются пузырьки, значит, всё правильно.

Следующее упражнение тоже несложно. Поднимите руки над головой, положите ладонь на ладонь, немного присядьте, оттолкнитесь ногами от дна и вытянитесь на поверхности воды. Лежите до тех пор, пока не перестанете двигаться вперёд. Это упражнение называется скольжением. Делая его, вы научитесь горизонтально лежать на поверхности воды, а это необходимо для правильных способов плавания.

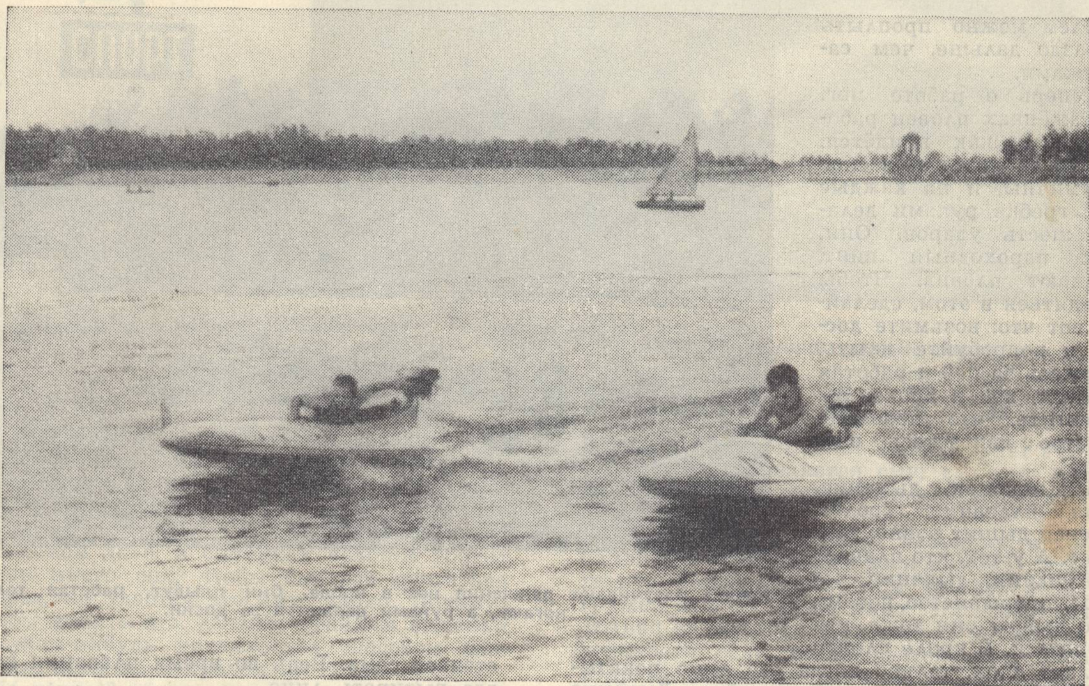
Разучивайте на берегу правильные движения рук и ног. «Поплавайте» сперва на суше. Чем лучше вы освоите все движения на берегу, тем легче будет проделать их в воде.

Если вы будете тренироваться настойчиво, то сможете в лагере научиться плавать.

В подмосковном пионерском лагере, где мне довелось работать, все ребята освоили правильные способы плавания.

М. Набатникова,
кандидат педагогических наук

Летящий по волнам

Л. Фридман

Взгляните на снимок. Это спортивные гоночные скутера. Даже на фотографии видно, как быстро они мчатся.

В скутере всё рассчитано на большую скорость: очень мощный мотор и совсем крошечный корпус. Гонщик едва умещается в нём, да и то стоя на коленях. Но это положение для него самое удобное: ведь ему приходится то и дело оборачиваться назад к мотору. Корпус скутера сделан из тонких сосновых реек и обшит лёгкой авиационной фанерой. Он должен быть как можно легче — ни одной лишней детали, никаких украшений. Но скутер очень красив и без украшений. Он похож на стремительную птицу, летящую над самой водой. Днище скутера гладко отполировано и блестит, как крышка рояля,— это чтобы судно лучше скользило, чтобы трение об воду было наименьшим.

Скутер не плавает, как обычная лодка, а, словно плоский камешек, брошенный умелой рукой, скользит по воде, глиссирует, как говорят скутеристы. Когда мотор пущен на полную мощность, скутер почти весь выскакивает из воды. «Скутер вышел на редан»,— говорят в таких случаях. Редан — это уступ, проходящий поперёк днища. На большой скорости скутер касается воды только двумя линиями: реданом и нижним краем кормы. Кажется, ещё секунда — и скутер, оторвавшись от воды, полетит. Так и случается, если за штурвалом сидит умелый гонщик. Заслуженный мастер спорта Леонтьев не раз совершал на скутере прыжки в несколько метров длиной.

Большое мастерство, воля и смелость нужны гонщику-скутеристу.

Когда одна из сильнейших гонщиц Москвы, Галина Тараканова, ставила всесоюзный рекорд, произошло вот что. Скутер шёл на очень большой скорости. И вдруг гонщица увидела идущий навстречу пароход. По сравнению со скутером он казался великаном. Волны, разбегающиеся от его винта, могли опрокинуть скутер. Обычно в таких случаях спортсмены стараются идти перпендикулярно к волне, чтобы судно разрезало её носом. Но изменить хотя бы ненадолго курс — значило потерять время, и вот Тараканова повела скутер, не меняя курса. Волна подбросила судно... Ещё секунда, и оно опрокинулось бы, но гонщица опередила эту секунду, она выровняла скутер, удержала его в равновесии. Волны с силой били о борт, но спортсменка вела скутер по прямому пути. Это была смелость не безрассудная, а основанная на точном расчёте, на мастерстве.

Иной раз бывает так: новичок, впервые севший на скутер, вцепляется обеими руками в «баранку» и мчится, забыв обо всём на свете. Всё существо его переполняет радостное чувство стремительного движения. И он не слышит, как чихает и кашляет за его спиной мотор, не чувствует, что скутер идёт рывками.

Опытный скутерист даже в пылу спортивной борьбы всё время следит за мотором. Кроме того, он зорко наблюдает за поверхностью воды, на которой могут оказаться неожиданные помехи. На пути скутера могут встретиться коряги, плывущие брёвна. Всё время в поле зрения гонщика должен быть ориентир — какой-нибудь хорошо заметный предмет на берегу. По нему он выравнивает курс, чтобы судно не виляло по сторонам, не «рыскало». А во время соревнований приходится следить и за противниками.

Состязания скутеристов обычно проходят на небольшом участке реки, чтобы зрителям хорошо была видна гонка. Устанавливаются специальные буи, отмечающие повороты на дистанции. От искусно сделанного поворота часто зависит победа. При повороте нельзя даже слегка задеть буй и в то же время невыгодно, избегая этого, обходить его по большой дуге: другие спортсмены, более ловкие, обойдут знак круче и перегонят тебя. Вот и старайся пройти как можно ближе к бую — «впритирку» — и не задеть его.

Однажды во время гонки на 30 километров мастеру спорта Берзиной удалось вырваться вперёд и опередить всех гонщиков. На повороте её обогнала другая скутеристка, а следующий поворот был опять удачным для Берзиной. Так попеременно, обгоняя друг друга на поворотах, они шли всю дистанцию. Вот и последний, одиннадцатый поворот — решающий. Кто сейчас точнее обогнёт жёлтый буй, тот победит. Не снижая скорости, Берзина круто положила руль. Скутер, резко наклонившись, едва не черпал бортом воду. Гонщица налегла на поднявшийся борт, чтобы уменьшить крен. Поворачивая, скутер почти коснулся буя. Это был высокий класс точности. Вторая гонщица не сумела так же сделать поворот, и хотя спортсменки не уступали друг другу в смелости, победа досталась той, чьё мастерство было выше.

Старейший тренер скутеристов Виктор Сергеевич Орлов часто говорит: «Скутер, как норовистый конь, — неопытного седока не любит». Но опыт приходит не сразу. Многие из мастеров скутерного спорта с детства начали заниматься в водномоторных секциях при клубах юных автомобилистов.

Если спросить скутеристов, что привлекает их в этом спорте, каждый ответит: «Скорость!».

А один лётчик сказал о скутеристах:

«Я им даже завидую немного. Конечно, скорость у самолёта больше. Но в закрытой кабине её не чувствуешь. А на скутере — и ветер в лицо, и брызги, и солнце. Хорошо!»

ИГРЫ НА ВОДЕ

«МОРСКОЙ БОЙ». Разделитесь на две команды и, встав на неглубоком месте, начинайте сражение. Брызгая водой, заставьте команду противников спасаться на берегу.

«ЭСТАФЕТА С МЯЧОМ». Устройте эстафету пловцов. Вместо палочки передавайте друг другу волейбольный мяч. Договоритесь, что плыть можно только с помощью ног.

Игра с мячом. Какая команда сумеет дольше удержать мяч?

В МИРЕ КНИГ

ПИСАТЕЛИ РАССКАЗЫВАЮТ

О том, что ещё не написано

Ю. В. Сотник.

Очень хорошее дело — товарищеская помощь в учёбе, если эту помощь оказывают тем, кто действительно нуждается в ней. Но, наверно, и у вас в школе бывали такие случаи: разболтался какой-нибудь ученик, стал с ленцой относиться к занятиям, а в результате появилась двойка в дневнике.

Собирается звено или отряд, начинают «прорабатывать» этого ученика. Казалось бы, что тут долго разговаривать? Надо по-товарищески, сурово сказать человеку:

— А ну-ка, брат, подтянись, возьми себя в руки да приналяг на учёбу, если хочешь, чтобы из тебя вышел дельный человек.

Так многие ребята и говорят. Но вот берёт слово какой-нибудь «друг» лентяя и начинает его защищать. Он, мол, неспособен к данному предмету, и здоровье у него неважное, и домашние условия у него тяжёлые... Так распишет всё этот «дружок», что сам лодырь поверит в свою неспособность, и в то, что у него здоровье слабое, и в то, что ему домашние условия не позволяют как следует заниматься. Так разжалобит этот «дружок» остальных ребят, что они вместо того, чтобы пристыдить лентяя, начинают носиться с ним, прикрепляют к нему отличников, у которых, может быть, и здоровье послабее и условия похуже, и те вместо того, чтобы отдохнуть, тратят время на занятия с лодырем.

Подобная «помощь» приносит не пользу, а вред, приучает лодырей висеть на шее товарищей.

Мне хочется высмеять в одном из рассказов такую «товарищескую помощь».

Много в детских рассказах и повестях показано хороших учителей: добрых, умелых, чутких, хорошо знающих ребячью душу. Но ведь бывают учителя и неопытные. Как же вести себя ребятам с такими учителями, как быть, чтобы при этом не страдала учёба? Разобраться в этом вопросе надо. Это тоже может быть темой для рассказа.

Есть у нас ребята, обуреваемые тщеславием, только и думающие о том, чтобы чем-нибудь выделиться среди товарищей. Каким способом выделиться, им всё равно. Такой готов на любой хулиганский поступок, на любую глупость, лишь бы только о нём сказали: «Вот отчаянный малый!»

И вот ещё в одном рассказе я хочу показать всё ничтожество подобного «героя».

Всё это темы рассказов, ещё только задуманных мною, но не написанных.

Думаю, что до конца года я напишу эти и другие рассказы. Сейчас же я составляю сборник из рассказов, которые были напечатаны в журналах, но не выходили отдельной книгой.

Ю. Сотник

В дружной семье

В библиотеках на книжной полке появилась новая книга — повесть Бориса Емельянова «Мечта». Уже название её заманчиво: все мы любим мечтать. Самая большая наша мечта — о человеческом счастье, о том, чтобы люди радостно, дружно и интересно жили. О такой большой мечте, о пути к её осуществлению и рассказал нам писатель.

...Всё началось однажды утром, когда к ребятам детского дома неожиданно приехал гость — Федя Бондарчук. И вдруг оказалось... Впрочем, нет, вовсе не с этого началось.

Началось значительно раньше, тогда, когда Валя Тёмкина вместе с другими ребятами, осиротевшими после войны, попала в этот дом. Здесь, окружённые вниманием и заботой, они снова обрели счастье детства, могли радоваться и мечтать. Тогда и завязалась валина переписка с её новым другом, Федей Бондарчуком, с которым она познакомилась на слёте садоводов. Валя писала ему о своей жизни, о своём доме, о людях, её окружающих, с таким восторгом, что Феде очень захотелось всё это увидеть, и он приехал в гости. И вот тут-то выяснилось, что в своих письмах Валя напридумывала много такого, чего ещё не было на самом деле. Сказку переплела она с былью и мечту свою выдала за действительность.

Большие волнения были по этому поводу, ребята собирались крепко поругать Валю, но потом решили иначе.

Ведь всё, о чём писала Валя, можно осуществить, и многое даже начато, просто Валя заглянула немного вперёд. И вдруг всем захотелось приблизить осуществление мечты. Закипела работа в доме: сколько новых мыслей, предложений!

Так мечта на глазах у Феди превращалась в быль.

Превращалась в быль потому, что валина мечта не была бесплодной выдумкой: девочка верила в людей, которые её окружали,— и в своих сверстников и в старших друзей. Она знала, что любые трудности можно преодолеть, когда есть такие люди, как Александр Иванович — директор дома, как вожатая Нина. Ребята чувствуют себя с ними в родной семье.

Самый близкий и дорогой ребятам друг — Нина. Она смелая, справедливая и чуткая. Ей можно доверить самые серьёзные секреты: она умеет хранить тайну. С ней интересно и работать, и отдыхать, и играть; обыкновенное дело становится увлекательным, когда она участвует в нём. А главное, Нина хорошо понимает, что у каждого на сердце, верит в силы своих юных друзей и уж всегда похлопочет, чтобы ребята смогли участвовать в большом, настоящем, «взрослом» деле. Это она уговорила Александра Ивановича разрешить детдомовцам участвовать в борьбе с большим паводком. То была настоящая боевая тревога. Протрубили трубы «в поход», и комсомольско-пионерская флотилия лодок понеслась по волнам разыгравшейся реки. Ребята возили сено с затопленных лугов, дежурили в опасных местах, держали связь между разделёнными водой фермами.

...Много хорошего увидел Федя Бондарчук у своих новых друзей, во многих походах и замечательных делах участвовал с ними и уехал домой с крепкой верой в силу настоящей дружбы.

А что, ребята, ведь и правда путь к мечте лежит через труд, сила для преодоления препятствий обретается в дружбе!

Осуществилась валина мечта: растут в детдомовском саду яблони, и вот уже юный садовод Шурик Никифоров снял с них первые шестнадцать яблок; растёт конь Ветер, которого прислал детдому соседний колхоз в счёт заработанных ребятами трудодней. Растут, набираются сил и сами ребята.

Но ещё быстрее растут их мечты. Мечты обгоняют человеческие дела и, устремляясь вперёд, усиливают нашу энергию. И нет им ни конца, ни предела, как нет конца великой дружбе советских людей, о которой рассказал писатель Борис Емельянов в своей новой повести «Мечта».

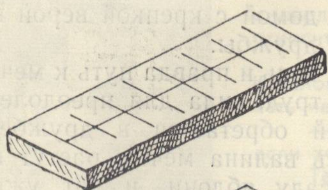
Н. Макарова

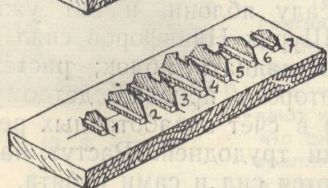
ЮНЫМ МАСТЕРАМ

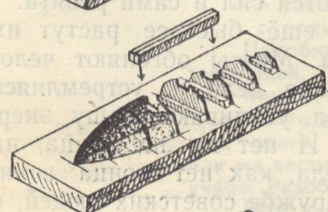
Абрамов А. Десять моделей. Детгиз, 1952.
Бунимович Д. Книга юного фотолюбителя. Детгиз, 1951.
В помощь юному технику. Сборник. Детгиз, 1952.
Гальперштейн Л. и Хлебников П. Мы строим машины. Детгиз, 1953.
Киселёв Л. Самодельные инструменты. Детгиз, 1947.
Клементьев С. Модель линкора, управляемая по радио. Детгиз, 1948.
Клементьев С. Школьная ветроэлектростанция. Детгиз, 1948.
Клементьев С. и Киселёв Л. Школьная гидроэлектростанция. Детгиз, 1948.
Книга юного техника. Детгиз, 1948.
Костенко И. и Микиртумов Э. Летающие модели. Детгиз, 1952.
Леонтьев П. Работы по дереву и металлу. Детиздат, 1939.
Лучининов С. Юный кораблестроитель. «Молодая гвардия», 1950.
Максимихин И. Как сделать модель парусной яхты. Детгиз, 1951.
Максимихин И. Как сделать плавающую модель парохода (с паровым двигателем). Детгиз, 1951.
Пекелис В. Юный телефонист. «Молодая гвардия», 1950.
Петров А. Яхта «Турист». ДОСАРМ, 1950.
Скобельцын В. Как сделать летающую модель самолёта. Детгиз, 1951.
Сметанин Б. Юный радиоконструктор. «Молодая гвардия», 1953.
Стрелков П. Электротехника в пионерском отряде. Детгиз, 1950.
Толмачёва Е. Как сделать игры и украшения из бумаги. Детгиз, 1952.
Умелые руки. «Молодая гвардия», 1953.
Шестаков К. Как научиться лепить. Детгиз, 1952.
Эпштейн И. Как научиться выпиливать. Детгиз, 1951.

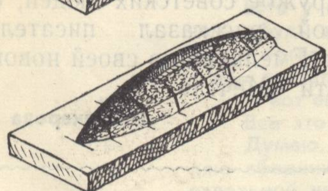

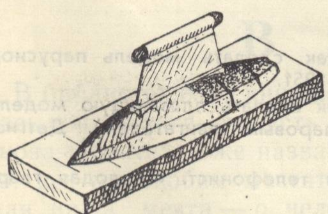
Лагерная судоверфь

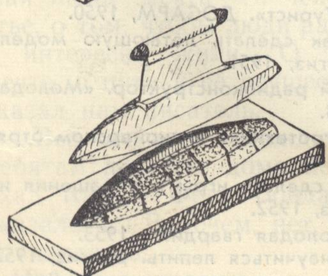

Рисунок 1.

ОБОРУДОВАНИЕ СУДОВЕРФИ

Судоверфь можно устроить и в помещении и на открытой площадке. Заготовьте несколько дощечек шириной 18—20 см и длиной 1 м, бумагу — лучше всего старые газеты,— клейстер или казеиновый клей, немного жести (можно использовать консервные банки), деревянные бруски 1×1×100 сантиметров, немного мелких гвоздей, обрезки фанеры, шнур, ткань для парусов, проволоку диаметром около 1 мм. Нужны будут ещё краски и кисти, асфальтовый лак и немного олова. Из инструментов потребуются: молоток, пила, ножницы, шило, иглы и нитки, маленький паяльник, круглогубцы или плоскогубцы, метр.

Работать можно на столах, а то и просто на листе фанеры, если работа идёт на лужайке.

ПОСТРОЙКА КОРПУСА МОДЕЛИ

Модели мы будем делать из бумаги на глиняных формах. Значит, надо сначала сделать формы.

Для каждого типа модели яхты, пассажирского судна, военного корабля, глиссера или подводной лодки надо иметь особую форму. Делают её так. На доске-основании посредине проводим прямую линию, отмеряем на ней отрезок длиной 750 мм и делим его на семь равных частей. Перпендикулярно к этой линии по отметкам проводим поперечные линии для установки лекал (рис. 1).

Пользуясь рисунком 2, вычертите на картоне с сеткой в 1 кв. см контуры семи лекал для яхты. Аккуратно вырежьте их. К прямолинейной кромке лекал прибейте бруски с сечением 1×1 см и с помощью этих брусков прибейте лекала к доске-основанию над поперечными линиями. Только не перепутайте порядок расположения лекал (рис. 1).

Замесите в тазу глину с водой, прибавьте чистого речного песка и тщательно промесите эту смесь, чтобы получилась равномерная, густая, как тесто, масса. Этой массой надо заполнить пространство между лекалами. Укладывайте её на доску-основание небольшими кусками.

Когда всё пространство между лекалами будет заполнено, сгладьте поверхность формы в уровень с лекалами так, чтобы на форме не было ненужных углублений и выпуклостей. В углубления средних лекал до окончательного заполнения заложите брусок, который образует углубление в форме для установки брусков киля.

Поставьте готовую форму подсохнуть. Она, конечно, потрескается, и вам придётся ещё раз промазать её глиной.

Когда просушенные и поправленные формы готовы, могут при-

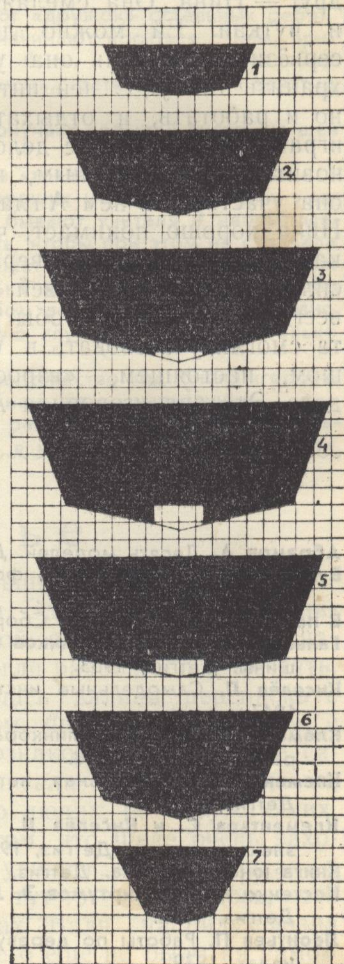

Рисунок 2.

ступать к работе бригады строителей из 3—4 человек. Работу распределите так. Один заготовляет бумагу — рвёт старые газеты на куски величиной в половину ладони. Двое смазывают бумагу мучным клейстером и укладывают её, начиная с кормы, на форму, смазанную вазелином. Кусочки бумаги накладываются так, чтобы половина последующего слоя перекрывала предыдущий. Следите за тем, чтобы слой бумаги был везде одной толщины.

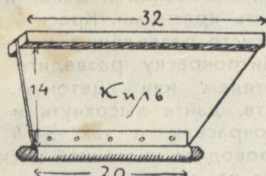

Рисунок 3.

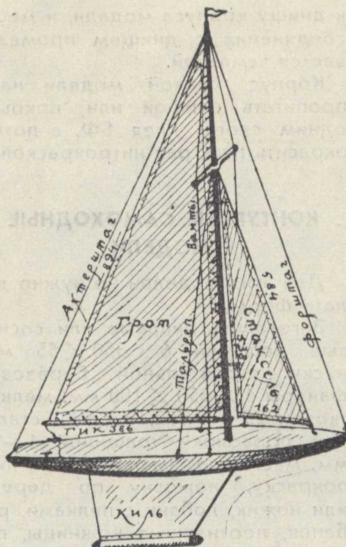

Рисунок 4.

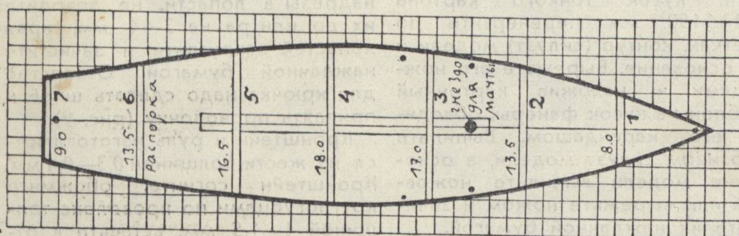

Рисунок 5.

Выклеив один слой, наклейте второй и третий так, чтобы кусочки бумаги перекрывали друг друга по разным направлениям.

Перед обклейкой корпуса готовый киль (рис. 3) вставляется прибитыми к нему брусками в углубление формы. Эти бруски тоже заклеиваются бумагой, а когда корпус высохнет, место соединения с килем промазывается замазкой.

На нижней кромке киля крепится груз — балласт, чтобы порывы ветра не могли опрокинуть яхту. Обычно балласт отливают из свинца, а мы можем ограничиться упрощённым балластом — жестя-

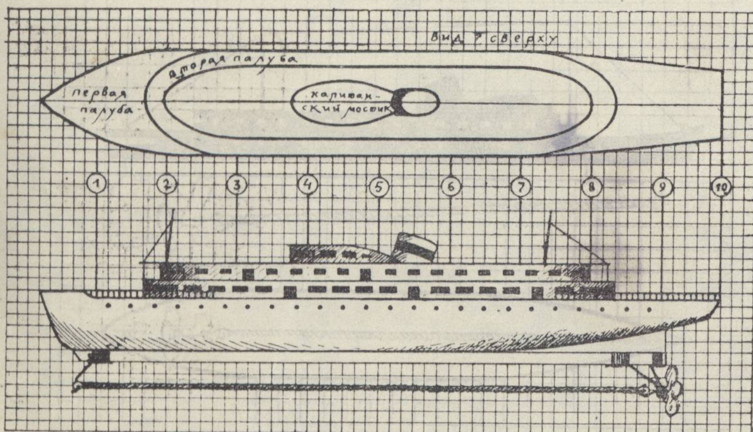

Рисунок 6.

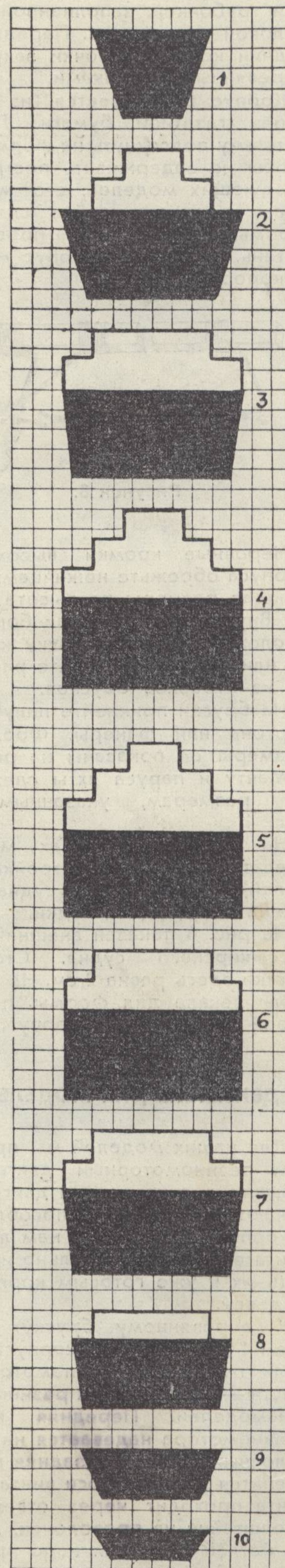

Рисунок 7.

ной трубочкой, заполненной проволокой или песком. Передний и задний концы трубочки закройте деревянными пробками.

Корпус выклеивается из 4—5 слоёв газетной бумаги. Лучше дать ему подсохнуть на форме, но чтобы не задерживать постройку следующих моделей, его можно сразу после выклейки снять с формы и поставить для просушки в тень. На солнце корпус может покоробиться.

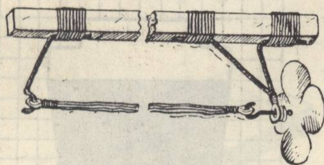

Рисунок 8.

Неровные кромки высохшего корпуса обрежьте ножницами, соблюдая размеры по высоте борта. Внутри — около края борта — проложите узкую полоску картона или фанеры и вклейте распорки из отрезков брусков.

На бруски приклейте палубу из картона или фанеры. Форма и размеры её показаны на рис. 5.

Мачту и паруса яхты сделайте по размерам, указанным на рис. 4.

На глиняных формах можно сделать корпуса и надстройки моделей пассажирского судна, эсминца и подводной лодки.

На рис. 6 показан внешний вид пассажирского судна. Сторона клетки здесь равна 2 см. На рис. 7 даны лекала для формы, по которой делается его корпус.

ДВИГАТЕЛЬ ДЛЯ МОДЕЛЕЙ

Для наших моделей мы применим резиномоторный двигатель. Обычно для крепления двигателя делаются особые приспособления в корпусе модели. Но нам лучше двигатели делать отдельно и крепить их к уже готовым корпусам моделей.

К деревянному бруску сечением 1 × 1 см вдоль корпуса модели подвешен резиномотор из шести — восьми ниток резины для авиамоделей. Передняя петля резиномотора надевается на проволочный крючок, а задняя петля крепится в крючке оси винта. Ось винта проходит через отверстие кронштейна из проволочек. Между петлёй и винтом надо проложить 2—3 жестяные шайбы (рис. 8).

Двигатель приклеивается снизу к днищу корпуса модели, и место соединения с днищем промазывается замазкой.

Корпус готовой модели надо пропитать олифой или покрыть одним слоем клея БФ, а потом окрасить пять раз нитрокраской.

КОНТУРНЫЕ САМОХОДНЫЕ МОДЕЛИ

Для этих моделей не нужно делать формы.

Заготовьте липовые или сосновые дощечки 6 × 350 × 55 мм, куски строительной берёзовой фанеры 4 × 350 × 100 мм, мелкие гвозди 25 × 1 мм, кусочки стальной проволоки толщиной 1—1,5 мм, масляную, эмалевую или нитрокраску, ножовку по дереву или ножик, лобзик с пилками, рубанок, портняжные ножницы, паяльник, кисточки, немного соляной кислоты и оловянного припоя.

На кусок тонкого картона 350 × 150 мм перечертите по клеткам контур (силуэт) модели и её основания. Вырежьте его ножницами и, наложив картонный шаблон на кусок фанеры, обведите его карандашом. Выпилите лобзиком силуэт модели, а основание модели выпилите ножовкой или вырежьте ножом и зачистите их наждачной бумагой.

Проведите линию по середине основания и по обеим сторонам этой линии проведите ещё по одной линии на расстоянии 2 мм.

После этого смажьте клеем нижний край силуэта и прибейте его гвоздиком в трёх — четырёх местах к основанию модели между этими линиями.

Теперь можно приступить к покраске моделей. Силуэт моделей

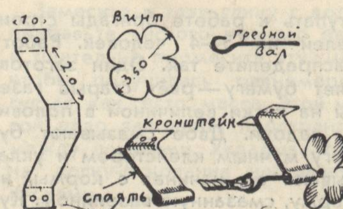

Рисунок 9.

морских судов красится в шаровой (серый) цвет, буксира — в чёрный цвет, а всех остальных — в белый. Основания моделей должны быть красными. Красить нужно негусто разведёнными красками. Нитрокраску разведите растворителем или ацетоном, покрасьте, дайте высохнуть и снова покрасьте, и так 5—6 раз. Не проводите кисточкой несколько раз по одному месту.

Гребной винт изготовьте из жести толщиной 0,3—0,4 мм. Делая надрезы в лопасти, не доводите их до центра на 3—4 мм, края лопастей закруглите и зачистите наждачной бумагой. Отверстие для крючка надо сделать шире и припаять проволочку (рис. 9).

Кронштейн и руль изготовляются из жести толщиной 0,3—0,4 мм. Кронштейн согните, обожмите круглогубцами по проволоке толщиной 1—1,5 мм, вставьте в отверстие кронштейна проволоку, припаянную к гребному винту, и конец её согните крючком. Крючок с гребным винтом должен

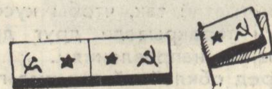

Рисунок 10.

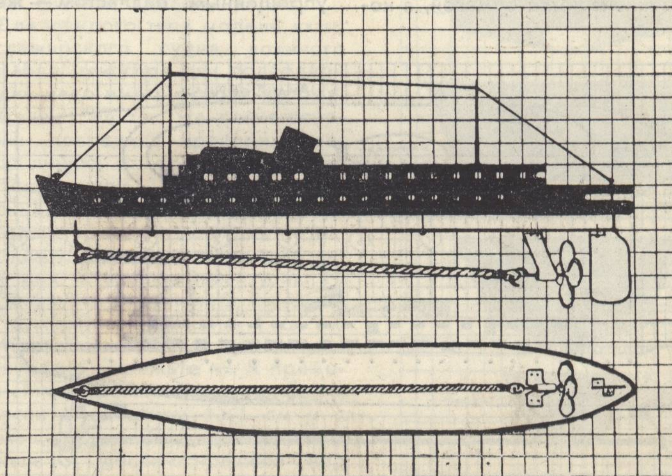

Рисунок 11.

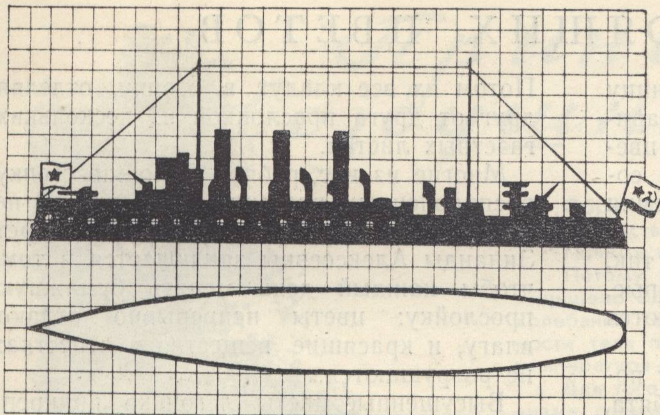

Рисунок 12.

вращаться в кронштейне совершенно свободно. Гвоздями длиной 12 мм прикрепите кронштейн к корме и изогните лопасти гребного винта. Из проволоки толщиной 1—1,5 мм сделайте носовой крючок и вбейте его в основание модели (рис. 11). Сделайте мачты и стволы орудий и установите на свои места, прикрепите на носу гюйс — красный флаг с белой звездой (рис. 10), а на корме — военно-морской флаг.

Резиновый двигатель делается из резиновых нитей сечением 1 × 1 мм или 1 × 4 мм. На концах нитей должны быть петли. Заводится резиновый мотор с помощью ручки, сделанной из проволоки толщиной 1,5—2 мм.

Рассказ в картинках

Из польского детского журнала «Пломычек».

ИЗ НАСТОЯЩИХ ЦВЕТОВ

Посмотрите на последнюю страницу обложки. Эти красивые картины не нарисованы. Их составила из засушенных цветов Зинаида Алексеевна Мамонтова, сотрудница Ботанического сада Академии наук СССР.

Цветы для этих картин засушены так, что они сохраняют свои краски — лиловые, жёлтые, красные,— и много лет остаются как живые, не выгорая от солнца.

Мы попросили Зинаиду Алексеевну поделиться своим секретом с вами, ребята, чтобы и вы могли делать такие картины.

Каждое растение с хорошо расправленными веточками, листьями и лепестками венчика закладывается между двумя листами обыкновенной газетной бумаги. Потом их все кладут в стопку, отделяя друг от друга прослойкой из нескольких газетных листов.

Многие из вас, ребята, заложив стопку расправленных растений под пресс, не трогают их до конца сушки, а секрет Зинаиды Алексеевны заключается в том, чтобы каждый день менять бумажную прослойку: цветы непрерывно отдают влагу, и красящие вещества в лепестках не разрушаются.

Высушенные цветы легонько прикрепляют в нескольких местах к бумаге или к мягкой, редкой холстине, кладут под стекло и окантовывают.

Как подобрать цветы и составить букет-картину,— это уже дело вашего вкуса.

СОДЕРЖАНИЕ

На обложке:
Картина П. Мальцева
«На линкоре. В часы отдыха».

Редколлегия: **Ильина Н. В.** (редактор), **Каверин В. А.**, **Кассиль Л. А.**, **Маркова С. Е.**, **Орджоникидзе В. Н.** (заместитель редактора), **Орлов В. И.**, **Поддубная В. А.** (ответственный секретарь), **Прилежаева М. П.**, **Сотник Ю. В.**, **Шмаринов Д. А.**

Адрес редакции: Москва, Д-47, улица «Правды», 24, комната 235, тел. Д 3-30-73.

Технический редактор **А. Ефимова.** **Рукописи не возвращаются.**

А 05059. Подписано к печати 22/VI 1954 г. Форм. бум. 84×108 1/16. Бум. листов 2,62. Печ. листов 8,61. Тираж 200 000 экз. Изд. № 519. Зак. 1677.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

Принимайте воздушные ванны!

Обратили ли вы внимание на то, что лицо у нас гораздо менее чувствительно к холоду, чем тело?

Почему же это так?

Потому, что с детства лицо у человека открыто, а тело защищено одеждой. Лицо испытывает самые разнообразные колебания температуры воздуха, а под одеждой у поверхности тела почти всегда держится примерно одна и та же температура — около 27°.

Для того чтобы закалить себя, то есть выработать в организме способность приноравливаться к резким изменениям температуры воздуха, к низким его температурам, к ветру и сквознякам, есть много способов. Один из них — это пребывание на воздухе в обнажённом виде — воздушная ванна.

Перед тем как принимать такие ванны, надо посоветоваться с врачом. Он укажет, при какой температуре воздуха можно начинать ванны, сколько времени должна длиться каждая из них. Летом в дурную погоду и зимой воздушные ванны надо принимать в комнате, а в тёплое время года — на открытом воздухе, но в месте, защищённом от солнца и сильного ветра: под навесом, тентом, на балконе, в тени деревьев.

При появлении озноба ванну надо прекратить. Нельзя принимать ванну натощак или сразу после еды.

Полезно соединить воздушную ванну с лёгкими физическими упражнениями.

После воздушной ванны надо принять тепловатый душ или обтереться водой комнатной температуры. Привыкнув к обтираниям, можно делать их водой из-под крана или из колодца.

Воздушные ванны закаляют и укрепляют организм, создают хорошее самочувствие и бодрое настроение.

Кроме воздушных ванн, есть и другие способы закаливания. С разрешения врача можно принимать солнечные ванны, обтираться холодной водой, купаться в реке или в море.

Центральный институт санитарного просвещения
Министерства здравоохранения СССР.

Цена 2 р. 50 к.

Это — картины из цветов. Слева — стройные дельфиниумы; справа вверху — смешанный букет; внизу — эдельвейсы, жители гор. Как сделать такие картины, прочитайте на странице 80.